

Петровичева Лариса

Девушка для Привратника Смерти

Глава 1

Эльза понимала, что дворец никогда не спит. Но здесь, в восьмом крыле, царила тихая прохлада, и звук шагов отлетал от стен так, словно люди давным-давно покинули это место. Не суетились служанки, не переговаривалась охрана, не бегали письмоноши. Тишина.

Эльза не удивлялась. Рядом с Привратником Смерти и должна царить тишина, торжественная и спокойная.

— Прошу вас, — сопровождающий ее гвардеец открыл одну из дверей, пропуская Эльзу в маленькую комнатку перед основными хозяйскими покоями. Здесь горела маленькая лампа, охранник, сидевший на стуле, с невероятным напряжением ума разгадывал крестословицу в «Вечерней столице», и его хмурое усатое лицо было красным и сердитым: слово никак не угадывалось. Увидев Эльзу, он отложил газету, поднялся и, деликатно постучав, сунулся в дверь и произнес:

— Костоправша пришла, ваша светлость.

— Проси, — негромко откликнулись из комнаты. Голос был мягкий и очень деликатный. Эльза полагала, что Привратник Смерти, которого она видела только на дагерротипическом снимке в газете, должен говорить так зычно, чтоб тараканы по углам разбежались. Охранник отступил и сказал:

— Проходите, пожалуйста.

Письмо ей прислали сегодня утром — в дорогом конверте, написанное на плотной белоснежной бумаге, оно обжигало руки. «Госпожа Эльза ауф Арэйнес! Будучи изрядно наслышан о вашем мастерстве, я хотел бы стать вашим пациентом. Приезжайте сегодня к восьми вечера во дворец, крыло восемь. Вас встретят».

И подпись — изящная и легкая. От одного взгляда на нее все тело покрывалось ледяным потом.

Первым, что увидела Эльза, войдя в просторную спальню, был золотистый шарик артефакта на подставке. Он медленно кружился, рассыпая по комнате медовые мазки света, и от него текла тихая спокойная музыка.

— Добрый вечер, — произнес уже знакомый тихий голос. Эльза обернулась и, как ни старалась держать себя в руках, все-таки вздрогнула.

Привратник Смерти, Габриэль ауф Вилберн, племянник короля и палач короны, сидел в кресле и рассматривал Эльзу с той пристальной доброжелательностью, которой она никак не могла ожидать от этого страшного человека. Молодой, всего двадцати двух лет отроду, он был совершенно седым, и Эльза не могла сказать, что сейчас пугает ее больше: эта седина, зеленые глаза с крупными зрачками, или то, что Привратник Смерти уже семь лет собственноручно отправляет на тот свет тех, кого прикажет его величество Георг.

— Добрый вечер, — ответила Эльза, совладав с собой. — Я Эльза ауф Арэйнес, костоправша. Мне передали ваше приглашение.

Красивое лицо Привратника Смерти — светлокожее, словно высеченное из мрамора — слегка дрогнуло. Он дотронулся до шеи и произнес:

— Уже пару дней болит. Лейб-медик сказал, что защемление мышцы, но он меня, скажем так, недолюбливает.

Эльза понимающе кивнула.

— Хорошо, проработаю вашу мышцу. Снимите рубашку, пожалуйста. И вам лучше пересестесь... — она осмотрелась и указала на низкую оттоманку у окна, — вон туда.

Привратник Смерти поднялся с кресла и, равнодушно расстегивая пуговицы легкой домашней рубашки, произнес:

— Как скажете. Раздевайтесь.

Эльза, которая открыла свой маленький саквояж и вынула банку разогревающего аллийского крема, выронила все на ковер. Руки затряслись.

— Что вы имеете в виду? — прошептала она. Привратник Смерти небрежно бросил рубашку на кровать и, опустившись на оттоманку, повторил:

— Раздевайтесь. Снимите ваше платье, пожалуйста.

Кровь прилила к щекам, отхлынула и снова прилила. В последний раз от пациента Эльза получила такое предложение несколько лет назад и с тех пор успела создать себе репутацию профессионала, а не банной шлюхи. Но сейчас она окаменела, словно ее ударили. Привратник Смерти посмотрел на нее усталым взглядом и промолвил:

— Я сниму с вас эти тряпки вместе с кожей. И до конца вы будете живы и в сознании, обещаю.

Эти слова были, как удар хлыстом.

Эльза не запомнила, как избавилась от одежды. В спальне было тепло, но она все равно чувствовала себя так, будто ее бросили в прорубь в середине зимы. А страшнее всего было то, как смотрел Привратник Смерти — так мясник смотрит на кусок мяса, прикидывая, как его разделать.

— Подойдите, пожалуйста, — попросил он. Эльза подошла, не чувствуя пола под босыми ногами. В окно был виден сад, фонари уже расцвели желтыми цветами, и среди краснеющих кустов осенника кто-то шел, должно быть, сторож. Рука Привратника Смерти легла на ее колено и неторопливо двинулась вверх по внутренней стороне бедра. Эльза перестала дышать, с ужасом понимая, что Привратник Смерти сейчас дотронется до ее самого тайного места... но он не дотронулся. Убрал руку и сказал:

— Понятно. Одевайтесь, пожалуйста. Все в порядке.

Эльза быстро натянула панталоны и сорочку. Затянула корсет — служанки у нее не было, корсет завязывался спереди. Нырнула в пышную нижнюю юбку. Глаза горели от накативших слез, щеки жгло, и Эльза почти ничего не видела от обиды и стыда. Ну как же так, за что...

— Есть только один способ определить ведьму, — с прежней мягкой вкрадчивостью произнес Привратник Смерти. — Визуальный осмотр. У вас все чисто, ни ведьминских значков, ни магической пыли.

— Вот оно что... — прошептала Эльза. — Спасибо, что объяснили.

— Поверьте, я не собирался покушаться на вашу честь, — серьезно сказал он. Эльза с ужасом подумала о том, что Привратник Смерти наверняка с кем-то спит, и от всей души посочувствовала той несчастной.

— Я поняла, — прошептала она. Подняла с ковра банку мази, свернула серебряную крышку и, зачерпнув прозрачную мазь, пахнущую болотной водой, растерла по ладоням. — Сядьте ровно.

Привратник Смерти подчинился.

Он был очень худой, как и положено тому, кто каждый день здоровается со смертью за руку. Но он был пациентом, и страх ушел. Осторожно поглаживая и разогревая напряженные, почти окаменевшие мышцы шеи и плеч, Эльза думала, что лейб-медик преуменьшил проблему — провинившаяся мышца была не только защемлена, она начала воспаляться, и если так пойдет и дальше, то скоро Привратник Смерти не сможет двигать головой.

- Головные боли бывают? — осведомилась Эльза. Пальцы привычно работали сильнее, и Эльза увидела, что Привратник Смерти прикрыл глаза, и его дыхание стало глубоким и спокойным. Он получал искреннее удовольствие.

— Да, — ответил он. — В последнее время бывают. Это из-за той мышцы?

— В том числе, — сказала Эльза, прорабатывая левую трапециевидную мышцу. Мелькнула мысль, что сейчас она может свернуть шею самому страшному человеку в стране — мелькнула и погасла. Эльза прекрасно знала, что после этого долго не проживет.

— А вы случайно не родственница покойного Виктора ауф Арэйнеса?

Эльза горько улыбнулась. Если бы не пристрастие ее отца к скачкам, она сейчас бы училась в академии благородных девиц, а не зарабатывала себе на хлеб массажем.

— Я его дочь, — со спокойным достоинством ответила она. Пальцы не дрогнули, хотя в этот миг Эльза вспомнила и смерть отца, и продажу дома за долги, и свое сиротство.

— Соболезную вашей потере, — вполне искренне произнес Привратник Смерти и вдруг попросил: — Посильнее, пожалуйста.

— Будет больно, — предупредила Эльза. Лицо Привратника дрогнуло.

— Посильнее, пожалуйста, — повторил он, и было ясно: это последний раз, когда он просит о чем-то дважды. Пальцы Эльзы почти ввинтились в мышцы, и Привратник Смерти практически мурлыкнул:

— Да... да, вот так.

Когда Эльза наконец закончила сеанс, в саду стемнело, а на лице Привратника Смерти появилось тихое удовлетворенное выражение. Должно быть, так он выглядит после любовных утех, подумала Эльза. Или после пыток. Он ведь был мастером пыток, и в столице о мастерстве Привратника Смерти рассказывали такие жуткие вещи, что Эльза потом боялась засыпать.

— Сколько нужно сеансов? — спросил Привратник, не поднимаясь с оттоманки. Эльза вытерла руки специальной тканью, пропитанной чистящим составом, убрала крем в сумку и ответила:

— Десять, ваша светлость.

— Можете называть меня Габриэль, — сказал Привратник Смерти. — За каждый буду платить вам две золотые кроны, итого двадцать. Согласны?

Эльза с трудом сдержала восторженный вздох. Двадцать золотых крон — ее заработок за четыре года, она никогда не держала в руках таких денег.

— Да, согласна, — кивнула она. Габриэль указал на небольшой столик возле кровати — там лежал маленький мягкий кошелек.

— Возьмите, там ваши деньги. Восемь вечера вас устроит?

Еще бы ее не устроило! В кошельке сытно звякнуло золото. Убрав его в саквояж, Эльза ответила:

— Да, ваша светлость.

— Габриэль, пожалуйста, — напомнил Привратник Смерти. — Тогда в семь за вами будут приезжать. Нижние Варакуши, правильно?

Нижние Варакуши были одним из самых простых и непритязательных столичных кварталов. Еще не трущобы, уже не приличные и порядочные дома.

— Да, правильно, — кивнула Эльза. По губам Габриэля скользнула мягкая улыбка. Он поднялся с оттоманки, взял рубашку и стал одеваться.

— Вы действительно волшебница, Эльза, — сказал он. — Недаром Виллемина так вас нахваливала.

Виллемина ауф Фринн была молодой вдовой героического герцога Фринна, и четыре дня

назад Эльза провела с ней последний сеанс массажа, разгоняющего жир на ляжках. Не хотелось думать, при каких именно обстоятельствах вдовушка сообщила Привратнику Смерти об умениях Эльзы.

— Вам обязательно станет легче, — промолвила Эльза, подхватив свой саквояж. — Случай, конечно, трудный, но бывало и труднее.

— Доброй ночи, — улыбнулся Габриэль и открыл дверь перед Эльзой. Усатый охранник, по-прежнему бившийся над крестословицами, вытянулся во фронт, и Привратник Смерти произнес: — Эжен, прикажите проводить барышню до дома.

— Слушаюсь, ваша светлость! — гаркнул усач.

По-настоящему Эльзу отпустило только тогда, когда экипаж с королевским гербом на дверцах и крыше высадил ее возле дома. Белые тонконогие лошади двинулись в сторону набережной, а Эльза смотрела им вслед и понимала, что ей невероятно повезло.

Отправляясь во дворец, она не верила, что вернется. И вот вернулась — живая, здоровая и с деньгами.

Кстати, о деньгах. Прямо напротив дома Эльзы было отделение Приморского банка, которое работало круглосуточно. Большие окна светились гостеприимным желтым светом, и, стоя на мостовой, Эльза видела, как за своей стойкой пьет кофе господин управляющий первого звена Эрик ауф Гиттеншен. Год назад Эльза работала с его позвоночником, потом делала общеукрепляющий массаж его слабенькому первенцу, и теперь господин Эрик был ее хорошим другом. Он почувствовал чужой взгляд, посмотрел в окно и, увидев Эльзу, приветственно вскинул руку.

Помахав в ответ, Эльза направилась к банку.

— Дорогая Эльза, добрый вечер! — господин Эрик пожал руку Эльзы и дал знак кому-то из помощников: — Еще кофе, пожалуйста! Как ваши дела, как работа?

— Я к вам, собственно, по работе, — улыбнулась Эльза и, приблизившись к управляющему, сказала почти на ухо: — У меня двадцать золотых крон. Помогите их пристроить с умом.

Лицо господина Эрика тотчас же обрело торжественную серьезность. Помощник принес кофейник и чашки, и управляющий указал на диван в некотором отдалении от основного зала. Когда Эльза села, а кофе разлили по чашкам, то господин Эрик произнес:

— Если желаете по уму, дорогая Эльза, то послушайте мой дружеский совет. Один мой товарищ по академиуму продает свою квартиру в Больших Карнуках. Три комнаты, гостиная, кухня, прекрасная ванна и уборная, полная обстановка. Хочет восемнадцать золотых крон, но для вас сторгуемся на пятнадцати.

Большие Карнуки были очень активным и модным столичным районом. Изящные белые домики под красными черепичными крышами лепились к холму, как детеныши к материнскому боку, воздух там был свежим и чистым, а вид на город открывался просто великолепный. И общество было приличное и при деньгах.

— Вашу нынешнюю квартиру я бы посоветовал сдавать кому-нибудь из студентов, — продолжал господин Эрик, отпив кофе и поморщившись: слишком крепок. — А пять оставшихся крон можно поместить под хороший процент. Вы девушка молодая, порядочная, не дело вам вечно торчать в Варакушах, правда? За несколько лет сможете составить капитал, не большой, но все же приличный.

Эльза прикрыла глаза.

— Невероятно, господин Эрик, — призналась она. — Честно говоря, не верю, что все это возможно.

Управляющий улыбнулся и снова отпил кофе. Эльза вспомнила, что несколько месяцев назад его жена родила третьего ребенка, здоровенькую девочку, похожую на отца.

— Возможно, дорогая Эльза, конечно, возможно, — бодро промолвил он. — Деньги при

вас?

Эльза кивнула и, открыв саквояж, вынула золото Привратника Смерти. Господин Эрик взвесил мешочек на ладони и одобрительно кивнул.

— Пока устрою все на быстрый депозит, — сказал он, — и расскажу своему товарищу о вас. Думаю, через неделю квартира уже будет ваша.

Кровь ударила к лицу, словно Эльза выпила залпом бокал шипучего. Жизнь, такая угрюмая и тоскливая, поворачивалась к ней лицом.

Это было невероятно.

Она окончательно пришла в себя только после того, как вернулась в свою маленькую квартирку и сварила кофе. После первых глотков Эльза поняла, что сегодня вечером все изменилось — и теперь ей стало ясно, что все это время она буквально плавала в своем страхе.

Привратник Смерти был самым обычным мужчиной. Худой, очень бледный, имевший постоянную привычку ухаживать за собой — обычный молодой человек с верхушки общества. Но как же он пугал, Господи... Сейчас, сидя на кухне, освещенной крошечной лампой, Эльза прокручивала в голове сегодняшний сеанс и все больше и больше убеждалась, что смогла избежать большой беды. Пальцы помнили прикосновение к чужой коже, теплой и холеной, от нее едва заметно пахло дорогим мылом и духами с нотками апельсинового дерева — легкий, очень приятный запах. На левом боку королевского палача была татуировка — летящий стриж, который закрывал шрам. Он был самым обычным человеком, и никто и никогда не пугал Эльзу сильнее.

Она была настолько охвачена страхом, что даже не отважилась протестовать, когда Привратник Смерти приказал ей раздеться. Эльза дотронулась до ноги в том месте, куда властно легла ладонь королевского палача — несмотря на весь ужас, где-то на самом дне души все еще жило понимание: ей понравилось это прикосновение. Какие-то струны дрожали, желая, чтоб пальцы Привратника Смерти все-таки поднялись выше и дотронулись...

Эльза одним глотком допила кофе и решительно направилась в ванную.

Смыть это все. Смыть.

— Ну что, племянничек? Кнutoбойствуешь помаленьку?

Герцогиня Агата ауф Виттель не приходилась Габриэлю теткой, она была какой-то очень дальней родственницей его величества. Но она всегда называла Габриэля племянничком и обращалась с ним по-свойски. Вот и сейчас потрепала его по щеке теплой морщинистой рукой, пахнущей пудрой, ландышевым мылом и табаком и спросила:

— Как поживаешь, дорогой?

Габриэль поцеловал пальцы властной старухи, высоченной, как гвардеец королевского полка, и толстой, как винный бочонок, и мельком подумал о ней с теплом.

— Слава господу, тетя Агата, — ответил он. — Все хорошо.

— Работаешь? — герцогиня вынула из шелковой сумочки табакерку с портретом покойного мужа и, отправив в нос щепотку табаку, протянула Габриэлю: — Угощайся.

— Не люблю, — признался он. После табачка тети Агаты будешь чихать трое суток — а она только ноздрями повела и томно прикрыла глаза. Крепкая старуха, ничего не скажешь.

— Альма, — промолвила герцогиня, взяла Габриэля под руку, и они неторопливо пошли в сторону Красных комнат. Охрана вдоль стен была неподвижна, портреты венценосных предков смотрели с привычным ленивым презрением. Когда-то давным-давно маленький Габриэль бегал с мячом по этим залам, а потом все закончилось.

Кажется, все было во сне.

— Да, тетя Агата, — мягко сказал Габриэль. — Его величество визировал ее смерть. Предательница королевской крови.

Старуха только рукой махнула. Из-под толстого слоя пудры выступил румянец.

— Изменить мужу, который смотрит на мальчиков, не значит предать королевскую кровь! — отчеканила она. — И ты это знаешь, Габриэль. Вся ее беда только в том, что она вышла замуж за принца. А принц оказался б*ядун!

Один из охранников вздрогнул, и герцогиня обернулась и отчетливо повторила:

— Б*ядун! Охотник до жоп! Я говорю открыто и готова повторить. Бедная Альма... — старуха всхлипнула и прибавила шага. Габриэль подумал, что при их разнице в росте и весе он сейчас похож на ее ридикюль.

Он искренне любил старую герцогиню — за доброту, за острый язык и внутреннюю силу, за открытость души. За то, что она видела в нем человека, а не чудовище, и это было самым важным.

— Что я могу сделать, тетюшка Агата? — миролюбиво спросил Габриэль, когда они миновали несколько залов, и старуха устала и сбавила шаг. — Я не могу нарушить приказ его величества.

— Да знаю я, что не можешь, — отмахнулась герцогиня. — Твой дядя дурак набитый. Рубить голову бедной девочке за то, что у нее муж... ай! К дьяволу его.

Габриэль хотел было сказать, что бедная девочка успела побывать в кроватях нескольких десятков любовников, и все это невольно стало выходить наружу. Но он промолчал.

— Дай ей яд, — твердо сказала герцогиня. Остановившись возле дверей в Красные комнаты, она снова вынула табакерку, но пока не стала открывать. — Ты можешь отрубить голову уже мертвой, раз уж твоему дяде так нужна голова.

Габриэль прикрыл глаза. Ни с того, ни с сего вспомнилось, что Альма когда-то называла его Габи, женским именем, и это раздражало. А еще у Альмы были пушистые каштановые волосы, легкие, пронизанные солнечным светом. Кажется, они пахли вишней. Да, вишней.

— Хорошо, тетя Агата, — ответил Габриэль. — Я дам ей яд, и она уснет.

Герцогиня пристально посмотрела ему в лицо.

— Мучиться не будет?

— Нет, — честно ответил Габриэль. — Обещаю.

Расставшись со старухой, которая на миг утратила всю свою властность и благодарно сжала его руку, Габриэль вошел в Красные комнаты и, прикрыв глаза, довольно улыбнулся.

Здесь было хорошо. Тихо, прохладно — как и полагается там, где открывают ворота для смерти.

Он прошел к стойке с ядами, где в идеальном порядке содержались закупоренные пузырьки, и пробежался пальцами по стеклу. Пожалуй, десяти капель тавринской смеси будет достаточно, учитывая рост и вес Альмы. Габриэль извлек из стеклянного гнезда нужный пузырек и, взяв из держателя бокал, неторопливо отсчитал десять желтых маслянистых капель.

Повеяло тихим запахом скошенной травы. Габриэль вздохнул и отправился к шкафчику с винными бутылками. Красное сухое, и не закусывать. Плеснув вина, он поднес бокал к носу: запах травы исчез.

Шея снова начала ныть. Убрав бутылку на место, Габриэль заглянул в лабораторию, мягко покачивая бокал в ладони. Все на месте, все в порядке, все сверкает и ждет.

Он услышал, как стукнула дверь. По Красным комнатам прокатился женский плач и

оборвался.

— Ваша светлость! Виновница доставлена.

Габриэль вышел из лаборатории и увидел двух охранников и Альму. Несчастная растеряла весь привычный блеск и лоск. Сейчас, в сером тюремном облачении, она была похожа на животное, которому нет дела ни до чего, кроме грядущей смерти. Он и был ее смертью.

Альма смотрела на него с таким ужасом, что Габриэль подумал: а ведь умрет от разрыва сердца.

— Оставьте нас, пожалуйста, — произнес он. Когда за охранниками захлопнулась дверь, Альма почти без чувств осела на пол и завывала. Пышные растрепанные волосы рассыпались по плечам.

Вздыхнув, Габриэль подхватил ее на руки и понес в малый зал — редкая милость для тех, кто входил в Красные комнаты в сопровождении охраны. Здесь царил мягкий полумрак, а всю обстановку составлял небольшой мягкий диван. Иногда Габриэль дремал на нем.

— Альма, государь визировал вашу смерть, — сказал Габриэль, но у него не было уверенности, что женщина его слышит. — Ваш муж хочет, чтоб я отрубил вам голову.

Альма вздрогнула и подняла на него невидящий взгляд.

— Голову..? — повторила она. Габриэль кивнул и вышел за бокалом. Вернувшись, он увидел, что Альма мерно раскачивается, запустив руки в волосы.

— Я дам вам вина, — мягко сказал он и, опустившись на диван, вложил бокал в мокрую от пота руку. — Там яд. Вы уснете и умрете во сне.

Альма шмыгнула носом и посмотрела на него с тем знакомым чувством, которое Габриэль уже не раз видел в глазах казненных.

— Будет больно? — спросила она.

— Нет, — мягко ответил Габриэль. — Совсем не больно. Голову я сниму с вас потом. Вам уже будет все равно.

Он осторожно, но настойчиво приблизил женскую руку с бокалом к губам, и Альма медленно выпила отравленное вино. Ладонь разжалась, бокал выпал и прокатился по ковру. Габриэль с прежней осторожностью обнял женщину, и, когда она уткнулась горячим заплаканным лицом ему в грудь, негромко пропел:

— Кот ходил по лавочке, сон носил на лапочке. А я серому коту за работу заплачу...

Эту колыбельную пели всем детям всех сословий. Когда-то и Габриэлю пели. Альма всхлипнула, и несколько минут они сидели так. Габриэль напевал колыбельную, поглаживая женщину по волосам — а потом она умерла у него на руках.

Все закончилось.

Спустя полтора часа в Красные комнаты пришел принц Виген, которого старая герцогиня честила на все корки. Габриэль как раз заканчивал работу. Тело казненной было омыто, одето в ритуальное белое платье, и Габриэль накладывал последние стежки, пришивая голову к шее. Виген старался выглядеть дерзким и уверенным, но здесь, в Красных комнатах перед лицом смерти, он ступешался и оробел.

— Значит, готово! — нарочито громко воскликнул он. Пройдя к длинному столу с покойницей, Виген заложил руки за спину и важно покачался на носках, всеми силами стараясь изображать невозмутимость.

Габриэль знал, что принц сейчас навалит в штаны от страха.

— Готово, ваше высочество, — ответил он. — Как вы и хотели, я отрубил ей голову.

Принц вздрогнул и с трудом сдержал порыв дотронуться до иконки на цепочке под

одеждой. Пальцы левой руки дрогнули и распрямились.

— Вы хорошо работаете, — похвалил он. Габриэль улыбнулся и ответил:

— Разумеется, ваше высочество. Смерти не служит, кто попало.

Когда Габриэль вышел из Красных комнат, часы на одной из дворцовых башенок пробили ровно четыре.

Неторопливо бредя по коридорам и залам, Габриэль вспоминал, как когда-то давным-давно звон часов отрывал его от игр, чтения и других детских занятий. Звон означал, что пора пить чай, а после чая — идти учиться музыке, и наставник Яхонсен, который ждал Габриэля у огромного рояля, уже нетерпеливо постукивал по ладони длинной тонкой палочкой.

Если Габриэль ошибался, то Яхонсен бил его по пальцам. Прошло двенадцать лет, Яхонсен рискнул отбить любовницу у одного из принцев, и это предсказуемо привело его в Красные комнаты. Габриэль напоил его ядом и сломал ему все пальцы.

Жизнь идет по кругу. Габриэль давным-давно успел в этом убедиться.

На лестнице он столкнулся с Арканжело, принцем Серендийским и Афалинским, и успел подавить недовольство. Несмотря на имя, принц не отличался ни порядочностью, ни целомудрием, имел все, что шевелится, а что не шевелилось — шевелил и имел, и все его мысли и намерения ходили вокруг одной благодатной темы. А, еще он выпить любил. Трудно было сказать, что ему нравится больше.

Его величество Георг пару раз в год отправлял сына в монастырь. Потом монахи начинали жаловаться, уже не в силах выдерживать попойки с его высочеством, и принца возвращали во дворец. Король устало махал рукой и говорил государыне: слава богу, что ему на троне не сидеть. Габриэль был с ним полностью согласен.

— А, Габи, дорогой! — Арканжело обнял Габриэля и, хлопнув по плечу, предложил: — Ну что, к дамам?

Габриэль вспомнил, как неделю назад попал в бордель, облюбованный Арканжело, и чем все кончилось.

— Не сегодня, — уклончиво ответил он. Арканжело снова похлопал его по плечу и спросил:

— А когда? Завтра? А то девицы спрашивают, когда ты вернешься, — он завел глаза и цокнул языком. — Остались очень довольны и ждут с нетерпением.

Габриэль повел плечами, и по шее мазнуло болью.

— Я пока лечусь, — признался он. — Так что ты, пожалуй, без меня.

Арканжело вздохнул. Его старший брат принц Виллем, наследник престола, имел массу интересных для мозговеда особенностей, но по бабам не ходил и имел репутацию замечательного и благородного молодого человека. Арканжело называл его кастратом — Габриэль не знал, почему вдруг об этом вспомнил.

— Что-то подхватил от своих покойниц? — поинтересовался он и вдруг захрипел и согнулся пополам: — Уййй, сука-а-а... Пусти-и-и...

Габриэль еще раз стиснул его причиндалы в ладони и выпустил. Не такой уж была шутка, чтоб за нее калечить — но и спускать тоже не следовало.

— Пожалуй, тебе тоже придется воздержаться, Арканжело, — вздохнул он и пошел вниз по лестнице. Часовые, видевшие всю сцену, оставались неподвижными, но в их широко распахнутых глазах плескался ужас. Арканжело выпрямился и, прижав руку к паху, протонал:

— Вот ты урод, Габи...

Габриэль подумал, что если бы всякий раз, когда его называют уродом, он получал бы

медную полукруну, то давно бы стал богаче всей королевской фамилии.

С другой стороны, как еще называть Привратника Смерти?

Он вышел из дворца и некоторое время стоял на ступеньках, глядя, как разъезжаются экипажи: ее величество отправилась на мессу в собор Святых страстей Господних, а ее высочество Августа вернулась из парка с этюдов. Гувернантка несла мольберт и сумку с красками; увидев Габриэля, Августа остановилась, и беспечное выражение ее милого круглолицего личика исчезло.

— Добрый день, Габриэль, — сухо сказала она и, не дожидаясь ответа, прошла мимо, мазнув его по ногам пышной юбкой.

— Добрый день, Августа, — ответил Габриэль. — Добрый день, госпожа Пикклби.

— Добрый ден, ваша светлост, — отчеканила гувернантка с суровым тевторским акцентом. Проходя мимо, она смотрела под ноги так, словно один взгляд в сторону Габриэля мог ее умертвить.

Габриэль хотел было сказать, что Августе следует вести себя более воспитанно, все-таки он ее брат, хоть и двоюродный. Но он промолчал и, спустившись со ступеней, подошел к экипажу принцессы.

— Куда едем, ваша светлость? — поинтересовался кучер. Габриэль нахмурился. Вроде бы название было такое смешное... Ах, да.

— Нижние Варакуши, пять, — сказал он, и кучер хлестнул лошадей.

Когда в дверь позвонили, Эльза как раз подумала, что неплохо было бы выйти из дому и пойти в маленький ресторанчик «Кастрюля и Луна», пообедать куриными медальончиками. Пациент на сегодня остался только один, и до поездки во дворец еще было время.

Мельком посмотрев на себя в зеркало — прическа и платье в порядке, взгляд приветливый, как и полагается благородной девице — Эльза открыла дверь, и пол качнулся под ногами.

— Простите, пожалуйста, что я вот так, без приглашения, — Габриэль снял шляпу и слегка склонил голову. — Но сегодня шея меня совсем извела, и я решил не ждать, — он словно бы опомнился и добавил: — Добрый день, Эльза.

— Здравствуйте, Габриэль, — Эльза шагнула в сторону, пропуская Привратника Смерти в квартиру. Тот вошел в прихожую и повторил:

— Еще раз простите меня. Я правда не помешал?

Эльза хотела сказать, что он не помешал, а напугал. Тощий, совершенно седой, с какими-то вкрадчивыми манерами, Привратник Смерти казался ей нечеловеческим, запредельным существом — и то, что сейчас он вошел в ее квартиру, было неправильным.

Но она, разумеется, промолчала.

— Нет, конечно, — сказала Эльза, взяв шляпу Габриэля и уверенным шагом направившись в сторону рабочего кабинета. — Вы у меня сегодня последний пациент. Но вам придется подождать после сеанса, сразу на улицу лучше не выходить.

«Плакал мой обед», — подумала она.

— Я вам не помешаю, — заверил Привратник Смерти. Сейчас, в чужой квартире, он казался неуверенным, словно вступил на запретную территорию. Эльза указала на кресло и велела:

— Раздевайтесь и садитесь.

Здесь, в этой светлой, идеально чистой комнате она была хозяйкой, и Габриэль это понял. На какое-то мгновение его ужасающий флер поблек, сделав Привратника Смерти

просто хорошо воспитанным молодым человеком с приятными манерами, который посидел раньше времени. Вот и все. Зачерпнув мази и растирая ее по ладоням, Эльза спросила:

— Где именно болит?

Габриэль дотронулся до шеи слева. Все правильно, мышце не понравилось, что за нее взялись всерьез.

— Так и должно быть, — сказала Эльза, мягко опустив руки на шею Привратника Смерти. Все как всегда: сначала спокойные разогревающие движения, потом она возьмется за дело в полную силу. — Завтра будет легче.

— Хорошо, — улыбнулся Габриэль и прикрыл глаза. Некоторое время он молчал, а потом спросил: — Как ваши дела?

Эльза не сразу нашлась, что ответить. Зачем ему вообще спрашивать, как дела у костоправши? Из вежливости?

— Все хорошо, благодарю вас, — сухо ответила она. Невольно вспомнилось, как Привратник Смерти заставил ее раздеться, как провел рукой по обнаженной коже. Это было мерзко, словно Эльза упала в старую, уже зацветающую лужу. — Как ваши?

Она задала этот вопрос и испугалась. Что на это можно ответить? Рассказать о том, кого его величество Георг приказал казнить сегодня? Сообщить, как именно это было сделано?

— Мне сегодня прислали замечательную книгу, — сообщил Габриэль с негромкой гордостью. — Апулиун Карн, «Основание мира». Представьте, ей три века, а листы до сих пор не разрезаны.

Эльза удивленно посмотрела на него.

— Любите античную философию? — спросила она. Пальцы ввинтились в шею Привратника Смерти, и тот блаженно прикрыл глаза. В зеркале напротив кресла Эльза видела половину лица своего пациента.

— Да, — негромко ответил Габриэль. — Они тогда знали жизнь. А мы стоим на их плечах и все равно ничего не видим.

Коварная мышца обязательно сдастся — Эльза в этом не сомневалась. Еще восемь сеансов, и Привратник Смерти будет полностью здоров. Интересно, видел ли кто-нибудь, как он сюда вошел?

Разговоров не оберешься. И эти разговоры будут мерзкими.

— Все-таки Карн ошибался, — сказала Эльза. — Он считал, что мир непознаваем. И гностики доказали ему, что он был неправ.

Габриэль негромко рассмеялся.

— Не думал, что вы разбираетесь в философии, — уважительно заметил он. Эльза хмыкнула и усилила нажим. Привратник Смерти вздохнул и расслабленно добавил: — В ней сейчас никто не разбирается...

Эльза снова вспомнила ту гипотетическую женщину, которая спит с Габриэлем. Вспомнила и снова ей посочувствовала.

— Я училась философии, — промолвила Эльза. — Потом отец проигрался, и меня забрали из академиума.

— Может быть, вы хотите вернуться к учебе, — предположил Габриэль и каким-то быстрым цепким жестом прикрыл пах. Напрасно: Эльза успела заметить, как недвусмысленно вздулись тонкие штаны. Привычное дело, массаж возбуждает очень многих. — Я могу помочь.

Еще год назад Эльза мечтала восстановиться в академиуме — но теперь мечта иссякла.

Ей было все равно. Образованная девушка без денег никому не нужна. Необразованная девушка с деньгами может жить по-своему.

— Уже не хочу, — ответила она, давая понять, что разговор окончен. — Теперь все это не имеет смысла.

До конца сеанса они молчали. Потом Эльза отошла от кресла к маленькой раковине и, отмывая руки от мази, бросила через плечо:

— Посидите полчаса. Если сейчас выйдете на улицу, то вас продует.

И вот что теперь делать? Оставить пациента и уйти в другую комнату, занявшись своими делами? Или остаться с ним, завести какой-нибудь светский разговор? Давно уже Эльза не была в такой нелепой растерянности. Обычно она сама бегала по пациентам — те, кто приходил к ней домой, предусмотрительно захватывали теплую одежду.

— Побудете со мной? — спросил Привратник Смерти, и в его зеленых глазах появилось настолько трогательное выражение, что Эльза мысленно махнула рукой и ответила:

— Да, конечно. Только уберу тут все.

Банка с мазью отправилась на полочку, полотенце — в корзинку для белья. Завтра служанка отнесет в стирку. Закрывая дверцу шкафа, Эльза с сожалением подумала, что вещи слишком быстро закончились, и теперь ей придется обернуться к Привратнику Смерти и заговорить с ним.

— Вы чем-то планировали заняться вечером? — поинтересовался Габриэль, когда она обернулась. Эльза неопределенно пожала плечами, надеясь, что это просто вопрос, а не предложение и не намек.

— Собиралась прогуляться, — ответила она. Габриэль улыбнулся и предложил:

— Буду рад, если вы составите мне компанию, Эльза. Я хотел заглянуть на выставку в музей Винкхема.

Эльза удивленно ахнула. Привратник Смерти, палач, предлагает ей прогулку? Почти свидание? В следующий миг она вспомнила, что в последний раз была на свидании два года назад, и это кончилось не тем, о чем захочешь подумать в свободную минутку.

Но она — и с джентльменом королевских кровей?

— Это невозможно, — твердо ответила Эльза. Габриэль вопросительно поднял бровь, и в зелени его глаз впервые за все время их знакомства появилось что-то очень человеческое и очень горькое.

— Но почему? — спросил он.

— Потому что я не ровня джентльмену вашего уровня, — объяснила Эльза. — Вы племянник его величества. Я — полунищая сирота.

Голос дрогнул, но Эльза успела договорить. Габриэль покосился в окно, туда, где по соседней крыше топал по своим делам толстенный рыжий кот, и спросил:

— Причина только в этом?

— Разумеется, — ответила Эльза. Не говорить же о том, что она боится его чуть ли не до икоты. Не рассказывать же о том, что про него говорят, будто он открывает свежие могилы и спит с покойницами... Эльза, конечно, подозревала, что это может быть неправдой — и понимала, что Привратнику Смерти так положено. Он зачарован гибелью и разложением и служит только им.

— Видите ли, мое особое положение, — произнес Габриэль каким-то бесцветным тоном, — дает мне определенные преимущества. Например, плевать на сословное неравенство.

— Потому что смерть уравнивает всех? — спросила Эльза. Губы Привратника снова дрогнули в улыбке.

— Да, вы правильно поняли. Это мои братья думают о том, что можно, а что нет. Я думаю о том, чего хочу. Вот и все.

«И вы не убьете меня вечером?» — подумала она и поинтересовалась:

— Почему же вы приглашаете именно меня?

Габриэль вдруг пожал плечами и признался:

— Не знаю. Захотелось.

Вот, значит, как.

— Вам придется подождать еще, — ответила Эльза. — Я должна собраться.

Габриэль прекрасно понимал, почему она не отказала. Боялась, что он поднимется с кресла и, допустим, ударит ее ножом. А пока будет умирать, Привратник Смерти всесторонне надругается над телом.

Уж лучше сходить на прогулку. Перетерпеть.

Выходное платье Эльзы, конечно, уступало нарядам придворных дам. Белое, строгое, с жемчужными пуговицами и камеей под воротничком, оно делало девушку похожей на гувернантку или учительницу. Братец Арканжело наверняка сказал бы, что с такими не гуляют, таких кладут в постель, а потом дают серебряную полукруну и пинка.

— Что-то не так? — спросила Эльза. Должно быть, во взгляде Габриэля появилось что-то, что заставило ее вздрогнуть.

— Вы очень красивы, Эльза, — честно ответил Габриэль. Девушка улыбнулась и вдруг стала совсем юной и какой-то целомудренной, что ли. Ее словно озарил широкий луч солнца.

— Спасибо, — сказала она, и улыбка погасла.

Когда они сели в экипаж, то Габриэль с некоторым злорадством подумал о том, что если сестрица Августа узнает, что он катал в нем свою костоправшу, то взбеленится и поднимет ор выше Керенийских гор. Эльза устроилась на сиденье и вдруг промолвила:

— Скоро я уеду отсюда...

Либо у нее нет подружек и приятельниц, с которыми обычно делятся важными новостями, либо Эльзе на самом деле захотелось рассказать именно ему.

— Куда же? — спросил Габриэль.

— В другой район, — уклончиво ответила Эльза, словно сразу же пожалела о том, что вообще заговорила на эту тему. — Поприличнее.

Экипаж выехал на набережную. Сейчас, вечером, здесь было полно народу, и Габриэль прикрыл глаза: он не любил толпу, и толпа отвечала ему взаимностью. Сейчас ему подумалось, что Эльза была права, когда отказывалась идти на прогулку. Ему-то наплевать на общественные условности, а вот девушка на такую роскошь рассчитывать не может.

Про нее будут говорить, что она любовница Привратника Смерти, хотя это и не так.

— Здесь красиво, — вдруг заметила Эльза и чуть ли не смущенно призналась: — Люблю это место.

Габриэль подумал, что она права. После генеральной реконструкции столица действительно стала очень нарядной и изящной. Мосты, переброшенные через реку, казались кокетливыми браслетами на спокойной руке. А вот вода была темной, вздыбливалась сердитыми волнами — пусть еще тепло, но осень уже не за горами. Пойдут бесконечные дожди, смоят золото с деревьев, и мир, облаченный в грязное рубище, станет ждать зиму.

— Мне тоже нравится, — успел ответить Габриэль, и все изменилось.

Река содрогнулась всем телом, запечатанным в гранит канала, и набережную накрыло низким гулом. Лошадь дернулась и нервно всхрапнула, кто-то из гуляющих закричал и захлебнулся криком.

— Что это? — выдохнула Эльза. Она сама не заметила, что схватила Габриэля за руку. — О Господи, что это...

Столб воды с грохотом ударил в небо и с ревом рухнул вниз — Габриэль невольно обрадовался, что они не успели выехать дальше, к мостам. Он обхватил Эльзу, прижал к себе и, закрыв собой от того, что сейчас клубилось над набережной, прошептал:

— Тихо. Тихо. Это Прорыв.

Эльза ахнула и осеклась. Дышать перестала — только пальцы, нервно комкавшие лацканы Габриэлева пиджака, говорили о том, что девушка еще жива и не умерла от ужаса.

Набережную затопила тишина. Последний Прорыв был пятнадцать лет назад, но до сих пор все прекрасно знали, как нужно себя вести, если пропасть между миром людей и духов раскроется еще раз. Замри, молчи, не привлекай к себе внимания — и все будет хорошо. Габриэль осторожно повернул голову и, посмотрев на реку и мосты, сказал себе: все, как в прошлый раз.

Водяной столб изгибался бесчисленным множеством грязных лап и хвостов. Вокруг него кружили мелкие золотистые мушки, всегдашние спутницы демонов и ведьм, рассыпавшие магическую пыльцу. Вечером, когда все закончится, сюда набегут охотницы до ритуального волшебства: сметут сверкающие пылинки с перил и камней, станут добавлять их в зелья...

Столб рухнул, перевалив через первый мост, и снова рванулся в небо. Теперь Габриэль видел, как в нем взмаргивают тысячи желтых глаз. Над набережной стояла такая вонь, что Габриэль сделал несколько резких вдохов и выдохов носом, чтоб избавиться от тошноты.

Кто-то все-таки закричал. Не выдержал. От столба оторвалась водяная многосуставчатая лапа и несколько раз хлестнула по мосту. Крик оборвался, и Габриэль уловил в чудовищном смраде знакомые нотки крови и смерти.

И вот тогда ему стало по-настоящему легко. Как в тот день, когда они с родителями ехали из парка, а Прорыв открылся практически под ногами лошадей их экипажа. Мать молчала, кусая губы и глядя маленького Габриэля по голове, а вот отец не выдержал ужаса и заверещал — тонко, громко, по-бабьи. И чудовище ударило. А потом ударило еще.

Габриэля, совершенно седого и очень спокойного, извлекли из-под развалин экипажа, и лейб-медик сказал королю: сир, такова судьба. Смерть выбрала своего Привратника...

Водяной столб снова рухнул в канал, и Прорыв закрылся. Рев воды медленно таял в теплом воздухе, солнце стряхивало с себя капли, и мир опять становился собой.

— Ваша светлость, — глухо окликнул кучер. Он так и сидел на своей скамеечке, слепо смотрел туда, где на мосту уже суетились люди возле убитых, но ничего не видел. — Ваша светлость, отпустите душу на покаяние?

Эльза вздрогнула всем телом, и Габриэль вдруг удивленно понял, что она плачет — по-детски, навзрыд. Наконец-то можно было выпустить весь затопивший ее ужас.

— Я те отпущу, скотина пьяная! — прорычал Габриэль так, что кучер выпрямился на скамейке, и его взгляд наполнился оловянной нерассуждающей покорностью. — Поехали отсюда! Во дворец, живо!

Спустя четверть часа экипажу все-таки удалось вырваться из столпотворения на набережной и свернуть в тихую улочку. Эльза по-прежнему рыдала, Габриэль все так же гладил ее по волосам и плечам и растерянно прикидывал, что делать дальше. Лейб-

медик, конечно, даст ей лекарства, которые помогут Эльзе успокоиться, но разговоров потом не оберешься. Что же, вести ее в Красные комнаты?

— Это было ужасно, — расслышал он сбивчивый шепот. — У-ужасно.

Габриэль осторожно отстранил девушку от себя и, мягко взяв Эльзу за подбородок, заглянул ей в лицо. Взгляд костоправши был растерянным и невидящим, она смотрела на Габриэля, но вряд ли понимала, кто перед ней, и где она находится. Так всегда и бывает. Появление демонов помрачает душу, даже если ты их не видишь.

Значит, все-таки Красные комнаты. Ей надо прийти в себя и отлежаться.

— Эльза, — позвал Габриэль. — Ты меня слышишь?

— Да, — откликнулась девушка, и по ее щекам вновь заструились слезы. — Господи Боже, как же это...

Потрясена и шокирована, устало подумал Габриэль и ответил:

— Прорыв закрылся, Эльза. Все уже закончилось.

Эльза всхлипнула и провела ладонями по щекам, стирая слезы, — потом она опомнилась и, открыв поясную сумочку, достала тонкий носовой платок.

— Как..? — прошептала Эльза, стирая слезы. — Как они вообще могут... Почему они существуют...

Габриэль только плечами пожал. Такова воля Божья, что на это ответишь. Такой она была и в тот день, когда погибли его родители, а он стал Привратником Смерти.

— Все уже позади, — ласково сказал Габриэль, приобняв Эльзу за плечи. Экипаж въехал на территорию дворца, и девушка встрепенулась, не понимая, почему они оказались именно здесь.

Она оказалась сильнее, чем предполагал Габриэль. Намного сильнее.

— Зачем вы меня сюда привезли? — спросила Эльза, в последний раз проводя платком по щеке. Экипаж остановился возле входа в восьмое крыло, и охрана тотчас же взяла на караул.

— Дам вам лекарство, — ответил Габриэль и показал Эльзе свою правую ладонь, густо покрытую магической пылью. — И счищу с вас эту дрянь.

Глава 2

— Это ведь не ваши покои, — устало сказала Эльза, когда за ней закрылись двери в Красные комнаты. Охранники смотрели на нее с сочувствием и грустью, словно искренне сожалели о ее судьбе.

— Это, скажем так, мое рабочее место, — произнес Габриэль, проходя к стойке с ядами. Как говорил его учитель, все зависит от грамотной дозировки. Капля раствора севрского порошка и десять капель бавеннской смеси на стакан воды — и Эльза окончательно придет в себя, а воспоминания смажутся и станут похожи на сон.

Он обернулся. Девушка стояла неподвижно, смотрела так, словно Габриэль привел ее на плаху. Габриэль вдруг увидел Красные комнаты ее глазами и понял, что дал маху. Здесь было жутко. Очень жутко. Одни маски на стенах чего стоят, что уж говорить обо всем остальном.

И это она еще не заглядывала в лабораторию. Не видела режущего белого света ламп, не видела инструментов, отнимающих жизнь, и стола, на котором все заканчивается.

— Вот, значит, как, — негромко проговорила Эльза и вдруг рухнула на пол, лишившись чувств.

— Да что ты будешь делать... — устало выдохнул Габриэль и бросился к распростертой на ковре девушке. Конечно, она решила, что здесь, в логове чудовища, ее ждет только мука и смерть, и еще неизвестно, что хуже.

Подхватив Эльзу на руки, Габриэль перенес ее в одну из комнат, где обстановка была приятнее. Темно-красный цвет портьер там был не настолько пугающим, и в целом комната выглядела вполне уютно — здесь потрескивал огонь в маленьком камине, а в вазе на столике стояла копна нарциссов. Их обновляли каждые два дня, нарциссы были тем немногим, что Габриэль любил совершенно искренне.

Он опустил Эльзу на диванчик и мягко похлопал по щекам. Дыхание девушки стало глубже и ровнее, а длинные пушистые ресницы задрожали — пришла в себя.

— Что вы задумали, — прошелестел тихий голос. Габриэль легонько погладил Эльзу по щеке, и девушка вздрогнула всем телом и дернулась в сторону. Омерзение. Габриэль понимал, что это, в принципе, единственная нормальная реакция на Привратника Смерти, и все-таки ему стало грустно.

— Дам вам лекарство, — спокойно ответил он. — Если его не выпить, то может остановиться сердце. Демоны Прорыва не уходят просто так, им надо забрать наши души. Потом с вас надо смыть магическую пыль, чтоб не прицепилась какая-нибудь дрянь... и все.

Эльза открыла глаза. Посмотрела так, словно не поверила ни единому слову. Габриэль вдруг с горечью подумал, что возможность обычного человеческого тепла показалась ему, подразнила и исчезла — и это, наверно, было правильным. Не следует тянуть руки к тому, что никогда не будет тебе принадлежать.

Рыбы ведь не летают по небу.

— Правда? — спросила Эльза. Габриэль кивнул.

— Конечно. Я не вру... — он помедлил и добавил: — И можете мне поверить, я не замышляю ничего дурного.

Губы Эльзы дрогнули, словно она хотела что-то сказать и тотчас же передумала. Привратник Смерти принес невинную жертву в свое логово, туда, где он отнимает жизни, и уверяет, что не замышляет ничего дурного. И как ему можно поверить?

Габриэль поднялся с диванчика и, вернувшись к стойке с ядами, принялся смешивать лекарство. Донесся звон часов, и Габриэль удивленно усмехнулся. Надо же, уже семь вечера. По всей столице люди собираются ужинать — но сегодня у всех есть более важное и интересное занятие. Обсуждать Прорыв, вспоминать все, что случилось во

время Прорывов в прошлый раз и надеяться, что демоны больше не придут.

Последняя капля упала в бокал, и Габриэль печально усмехнулся. Демоны уже здесь. Они никогда отсюда и не уходили.

Он услышал, как заскрипел диван — Эльза поднялась. Габриэль усмехнулся: юная ауф Арэйнес первая девушка, которая встала с этого дивана... Он подхватил бокал и, вернувшись в комнату, увидел, что Эльза стоит возле каминной полки и с искренним интересом рассматривает акварели, которые Габриэль бросил там три дня назад — и вспомнил о них только сейчас, когда увидел листки в тонких девичьих пальцах.

— Это личное, — глухо сказал Габриэль, внезапно обнаружив, что вот-вот выронит бокал. Эльза вздрогнула и обернулась, словно ее застали на месте преступления, и Габриэль повторил: — Это личное.

Нарисованные нарциссы были наполнены солнечным светом и весенним теплом. На их нежно-желтых колокольчиках дрожали капли росы. Габриэль захотелось выдернуть акварели из рук Эльзы — и в то же время хотелось, чтоб она продолжала смотреть.

— Это вы нарисовали? — спросила Эльза, и Габриэль с удивлением услышал в ее голосе интерес и уважение.

— Я, — ответил Габриэль и, протянув Эльзе бокал, все-таки забрал акварели. — Выпейте, не стоит тратить время.

Эльза послушно выпила лекарство. Габриэль бросил листки обратно на каминную полку, в очередной раз напомнив себе, что не следует так беспечно относиться к тому, что ты хранишь в своем сердце.

— Очень красиво, — сказала она и вдруг призналась: — Никогда бы не подумала, что вы рисуете.

Габриэль неопределенно пожал плечами. Король Георг дал ему прекрасное образование, от которого в итоге осталась химия и живопись.

— Так, — сказал Габриэль, чувствуя, что начинает смущаться и в то же время злиться на себя за это. — Это так, для души. Нарциссы называют короной мертвых, я не знаю, почему...

Он осекся. В груди толкалось тревожное и очень живое чувство, которое так сильно хотело родиться, что Габриэль чуть ли не впервые в жизни не знал, как поступить.

— Жуткое название, — негромко сказала Эльза. — А пыль? Как ее смывать?

Шею снова дернуло болью, и наваждение исчезло. Эльза всего лишь костоправша, которая его лечит, и Габриэль поступил не слишком разумно, когда пригласил ее на прогулку. Прогулка закончилась плохо не только потому, что они попали в Прорыв.

Ладно, неважно. Еще можно все исправить.

— Здесь есть бассейн, — ответил Габриэль, стараясь вернуться в прежние границы самого себя. — Дам вам особую смесь, пыль еще не успела проникнуть в организм.

Эльза кивнула. Владение лицом не было ее сильной стороной — сейчас девушка явно хотела, чтоб все это поскорее закончилось, и она могла бы наконец-то отправиться домой. Габриэль вспомнил, как закрывал ее собой от Прорыва, как она вцепилась в него, словно в единственную защиту и надежду...

Нет. Прочь это все.

— Спасибо, — сказала Эльза. — Мне очень неловко, что вы так со мной возитесь, Габриэль.

К ней постепенно возвращалась привычная серьезность с крошечной каплей насмешливости. Вот и хорошо. Осталось восемь сеансов, и потом они расстанутся навсегда.

— Ничего страшного, — ответил Габриэль и указал на дверь, ведущую в зал с бассейном. — Проходите. Я позову служанку.

Остаться в Красных комнатах не было смысла. Габриэль приказал охранникам позвать кого-нибудь из служанок принцессы Августы и, когда к дверям подбежала бойкая и расторопная девица, отдал необходимые распоряжения и быстрым шагом направился к лестнице.

Братец Арканжело был прав, когда говорил, что бабы — лучшее средство для успокоения души. Вторым средством был ящик вина, и Габриэль решил, что сегодня отдаст должное и тому, и другому.

Он уже много лет ходил в одно и то же заведение под названием «Зеленый огонек» — госпожа Марьянн, которая им владела, сделала невозможное, сумев вывести обычный столичный бардак на элитный уровень. Любое желание клиента будет исполнено на высшем уровне и останется в тайне.

Габриэль не заходил в «Огонек» уже два месяца, но сейчас обнаружил, что его ждут — госпожа Марьянн выпорхнула из-за своей стойки и, поцеловав Габриэля в щеку привычным, давным-давно отретпетированным движением, сообщила:

— Слышали о Прорыве, мой дорогой? Ужасно, просто ужасно! Мои девочки встревожены не на шутку!

— Я в него попал, — произнес Габриэль. Госпожа Марьянн, сухая, бойкая, с седыми подсиненными кудряшками и в модном платье лавандового оттенка, казалась ему мотыльком. Интересно, подружился бы он с тетушкой Агатой? Наверняка. И беседовали бы со знанием дела о привычках господ из высшего света.

— О, Господь Милосердный! — госпожа Марьянн подхватила Габриэля под руку и повела в сторону лестницы: на втором этаже была комната, отведенная именно для него. — Но вы смельчак, мой милый, вы всегда смотрите смерти в глаза... Кого пригласить? Сейчас свободны Эжена и Кармен, через полчаса приедет Белль.

Имена ни о чем не говорили. Возможно, прежде Габриэль пользовался услугами этих девушек, но сейчас не мог вспомнить.

— На ваш вкус, госпожа Марьянн, — сказал он. Хозяйка борделя повернула ключ в замочной скважине и открыла дверь в комнату.

— Сию секунду, мой дорогой.

Габриэль вышел из этой комнаты два месяца назад, и с тех пор здесь никого не было. Воздух был густым и прохладным, и, когда Габриэль прошел к широкой кровати, ему показалось, что он находится в склепе. Тишина, сырость, покой. Габриэль сел на покрывало и принялся расстегивать пуговицы жилета.

Он и сам не знал, чем его зацепила эта Эльза. Сейчас Габриэль не хотел о ней думать — и все-таки вспоминал, как она смотрела на него, держа в руке акварели. Привратнику Смерти не положено рисовать. Привратник Смерти убивает, и вся его жизнь и суть подчинены только одному: отторжению душ от тел.

А он рисует. Тут есть, чему удивиться.

В дверь тихонько постучали. Девушка, бесшумно скользнувшая в комнату, была тоненькой блондинкой — тяжелые груди с крупными сосками казались фальшивыми на ее изящном бледнокожем теле. Пройдя к кровати, девушка вытянулась в струнку и сказала:

— Эжена, ваша светлость.

Всю ее одежду составляла полупрозрачная сорочка, едва доходившая до пупка. Габриэль вспомнил, как вчера заставил Эльзу раздеться, и испытал безжалостный укол стыда.

Она его боялась до обморока — поэтому и старалась быть милой. И в итоге все-таки лишилась чувств, когда поняла, куда именно Габриэль ее привез.

— Мы уже встречались? — устало спросил Габриэль. Тонкая лента галстука выскользнула из плена воротника и послушно легла на кровать.

— Да, ваша светлость, — кивнула Эжена и машинально дотронулась до горла, но тотчас же опустила руку. Кожа под румянами и пудрой стала бледнеть. Габриэль воскресил в памяти всех девиц, входивших с ним в эту комнату, но Эжены среди них не было. Понятно, еще одна любительница быстрых и больших денег.

— Тогда становись на кровать, — приказал он. — На четвереньки. Ноги шире.

На мгновение Габриэлю показалось, что он задыхается. Что все это сон. С первого этажа доносилась музыка — что-то негромкое и неуловимо классическое. В голове шумело.

Смерть сделала его механизмом, все движения которого были заранее просчитаны, а потом доведены до автоматизма. Кажется, девчонка вскрикнула, когда Габриэль резко проник в нее на всю длину — вскрикнула и дернула бедрами. Габриэль ударил ее по оттопыренному заду — не удерживаясь, в полную силу, и отпечаток его ладони вспыхнул на светлой коже, как ожог.

Тонкие пальцы с алыми наманикюрными ноготками впились в простыню. Вспомнилось, как Эльза прижалась к нему в экипаже в поисках защиты, в поисках жизни рядом со смертью. Эжена сдавленно вскрикнула, и Габриэль ударил снова.

Где-то там, в самом центре льда, сковавшего его жизнь, еще было тепло. Он прикрыл глаза, и во тьме под веками поплыли красные и золотые круги.

Лента галстука обхватила шею девчонки, и Эжена — Эльза? — зажмурилась от ужаса. Габриэлю казалось, что в горле у него растет огненный шар. Что он сейчас задохнется. Красная тьма, наползающая на комнату, пахла нарциссами.

«Никогда бы не подумала, что вы рисуете».

Чтоб затянуть петлю, хватило одного быстрого движения. Девчонка захрипела, задергалась в его руках, и горячее лоно сжалось так, что разрядка наступила мгновенно.

Габриэль оттолкнул Эжену, и она кулем обмякла на кровати. Пухлые губы приоткрылись, словно она хотела молиться, но уже не могла. Некоторое время Габриэль неподвижно сидел на кровати — дышалось тяжело, будто он пробежал милю без остановки.

Шлюха не шевелилась. Габриэль вздохнул и, перевернув Эжену, несколько раз ударил ее раскрытой ладонью между грудей. Если перетянул, и она умерла, то придется объясняться с полицией, и об этом обязательно узнает его величество.

В прошлый раз он был, мягко говоря, недоволен.

Девчонка вздрогнула и задышала, жадно хватая воздух широко распахнутым ртом. Трясущиеся руки дотронулись до шеи, и Эжена жалобно посмотрела на Габриэля, не понимая, что произошло.

— Сколько? — спросил Габриэль. Волнение улеглось, и теперь он снова был собой. Минувший день уползал в прошлое, и Габриэль знал, что больше не допустит сегодняшних ошибок.

— Тридцать золотых крон, — ответила Эжена. Ее голос стал жалким и хриплым. Габриэль снова шлепнул ее по заднице, но на этот раз уже легко: дескать, проваливай. Эжена сползла с кровати и медленно двинулась к дверям, не убирая рук от шеи. Уже в коридоре она раскашлялась, и Габриэль услышал всхлипывания.

Ничего. Уже завтра все будет в порядке.

Запах нарциссов плавал вокруг Эльзы, убаюкивая и успокаивая. Эльза то проваливалась во тьму сна без сновидений, то просыпалась и видела привычные очертания своей комнаты, окно, а за окном — соседний дом, тихий и темный. Столицу обнимала ночь.

Служанка проворно и ловко смыла с тела Эльзы магическую пыль и потом, причесывая

гостью Привратника Смерти, говорила:

— Это бы все собрать, госпожа. Магическая пыль штука такая, полезная.

— В чем полезная? — поинтересовалась Эльза. Видит бог, не надо ей было никакой магии. Ей сейчас хотелось просто поскорее уйти домой и больше никогда не соглашаться на предложения пациентов.

К добру это не приведет.

— А хотя бы в любовной магии, — служанка привычными быстрыми движениями подхватывала волосы и укладывала в такую сложную прическу, которой Эльза никогда не носила. Девушка в зеркале казалась строгой и чужой. — Например, подсыпать мужчине в питье, и он до гроба ваш. А если у него, — служанка понизила голос и произнесла сложное слово по слогам: — ин-по-тенция, вот, ну то есть нестоячка, то тогда надо прямо на уд сыпать. И стоять будет — выше подоконника!

— Невероятно, — пробормотала Эльза и твердо ответила: — Нет, мне ни к чему.

— Тогда я соберу, — сказала служанка, — только уж вы будьте так добры, не говорите его светлости.

Эльза обещала молчать.

Утро выдалось солнечным и веселым, словно мир выбросил из головы все воспоминания о вчерашнем Прорыве и искренне советовал последовать его примеру и не задумываться о демонах. Выпив чашку кофе, Эльза решила не тратить время даром и пробежаться по магазинам. Сегодня у Эльзы было всего два пациента, и она понятия не имела, с каким видом отправится во дворец к Привратнику Смерти.

Вчера, когда он закрывал ее от Прорыва, от него пахло дорогими духами с апельсином, а кожа под тонкой тканью рубашки была теплой, и Эльза, уткнувшись в грудь Привратника, слышала, как бьется его сердце — размеренно и спокойно, словно не было никаких Прорывов и чудовищ. Все это время он был живым человеком, а не монстром, отнимающим жизни.

И он искренне смутился, когда увидел свои рисунки в чужих руках. Ему словно было стыдно быть собой.

Задумавшись, Эльза едва не сбила с ног высокую брюнетку в модном платье из темно-розового шелка. В отличие от остальных светских красавиц, которые считали дурным тоном подниматься с постели раньше двух часов пополудни, баронесса Маргжетта ауф Лотьен всегда была ранней пташкой. В прошлом году Эльза делала ей укрепляющий массаж против морщин, и баронесса осталась очень довольна.

— О, дорогая Эльза! — воскликнула она, махнув рукой служанке, нагруженной пестрыми пакетами с покупками. — На ловца и зверь! Я как раз хотела перемолвиться с вами словечком.

— Вы же знаете, госпожа Маргжетта, я всегда к вашим услугам, — улыбнулась Эльза. Баронесса была щедрой клиенткой, а деньги никогда не бывают лишними.

— Куда вы так спешите? — поинтересовалась баронесса и приглашающим жестом указала Эльзе на открытую дверь экипажа. — Я вас довезу.

Когда Эльза устроилась на мягкой скамье, и экипаж двинулся в сторону квартала с магазинами модной одежды, то баронесса поинтересовалась:

— Говорят, среди ваших пациентов теперь Привратник Смерти?

Эльзе пришлось приложить значительные усилия, чтоб лицо не дрогнуло, и его выражение по-прежнему было бы дружелюбным и спокойным. В конце концов, она не делала ничего предосудительного.

— Да, — кивнула она. — Но его диагноз это тайна, вы понимаете.

Баронесса кивнула, прикрыв глаза. На ярких, четко очерченных губах плясала лукавая улыбка.

— Думаю, вас скоро можно будет поздравить, моя дорогая, — сказала Маргжетта. — У Габриэля, конечно, есть свои, скажем так, особенности, но он исключительный джентльмен.

Примерно этого Эльза и ожидала, только не думала, что ее начнут считать любовницей Привратника Смерти настолько быстро. Ей стало одновременно стыдно и мерзко, словно она упала в грязь на глазах всей столицы. Прощай, мечта однажды выйти замуж за небогатого, но приличного человека. Кто возьмет ее в жены с таким клеймом? Любовница королевского палача...

Теперь ей даже необязательно ложиться с Габриэлем в постель. Сплетники справятся сами.

— Даже не знаю, дорогая баронесса, что вам на это ответить, — вздохнула Эльза. Улыбка приросла к лицу, словно маска. Маргжетта дружески похлопала ее по колену.

— Ничего не отвечайте, милая Эльза, вам нужно думать о другом.

— О чем же? — Эльза вынула из сумочки платок и дотронулась до края глаза так, словно убирала соринку.

— О том, какие выгоды можно извлечь из этого союза, — сказала баронесса. — Вы можете провести вместе совсем мало времени, любовь проходит, таково ее свойство... а вот дома и драгоценности остаются. Ломбарды в нашем городе работают круглосуточно.

В плане вклада мужских денег в женскую красоту Маргжетта была настоящим экспертом и гением. Молва приписывала ей шестерых любовников, которые уже восемь лет не знали о существовании соперников и каждый из них верил, что прекрасная баронесса живет и дышит только ради него.

— Думаю, вы дадите мне разумные советы, — негромко ответила Эльза, хотя сейчас ей больше всего хотелось расплакаться. Она ни в чем не была виновата, она не сделала ничего плохого, но ее уже записали в шлюхи — и теперь можно говорить, что угодно, и делать, что угодно, ее все равно будут считать шлюхой.

Баронесса с достоинством улыбнулась.

— Мужчины, милая Эльза, странный народ, — сказала она. — Они больше любят тех прелестниц, которые отдаются с выгодой, чем тех, которые любят просто так. Чем больше кавалер вложит в даму, тем меньше захочет с ней расставаться. У меня есть три правила, и они никогда меня не подводили. Будь всегда готова к любви, будь независима и не жалея его.

Экипаж остановился возле гостеприимно распахнутых дверей большого магазина — несколько отделов, товары на любой вкус и кошелек, все, о чем только может мечтать женщина. Эльза снова растянула губы в улыбке и ответила:

— Благодарю вас, дорогая баронесса. Непременно последую вашим советам.

— Вот и славно, — Маргжетта поцеловала Эльзу в щеку и добавила: — Я бы купила еще ванзейскую мазь, чтоб скользило лучше... ну вы понимаете.

Баронесса сделала такой жест, какими рыбаки показывают выловленную рыбу — и конкретно эта рыба была очень крупной. К щекам Эльзы прилила кровь.

Растерянность и стыд крепко обняли Эльзу — так, что она дышала с трудом, как больная пневмонией. Дождавшись, когда экипаж баронессы скроется за углом, Эльза дошла до открытого уличного кафе и почти без чувств упала на стул под раскрытым красно-белым зонтиком. О ней уже ходят мерзкие разговоры, и что теперь ни делай — не отмоешься. Наверняка служанка вчера рассказала приятельницам такое, что только за голову схватишься.

Фантазия у людей богатая, это Эльза знала точно.

Некоторое время Эльза сидела за столиком, не в силах пошевелиться, и смотрела на людей, идущих по улице, но не видела их — так, мазки разноцветных красок, небрежно смешанные на грязной палитре. А потом в толпе мелькнула знакомая седая голова, и Эльза вздрогнула всем телом и нервно посмотрела по сторонам — спрятаться было некуда.

Но Привратник Смерти не заметил ее. В обычном сером костюме, как у мелкого клерка, с небольшой сумкой в руке, он быстрым шагом прошел по улице, и Эльза увидела, как Габриэль поднялся по ступенькам больницы святого Франциска.

Ну и Господь с ним — или дьявол. Пусть идет, куда хочет.

Справившись с волнением, Эльза поднялась со стула и медленно двинулась в противоположную сторону. До вечера и сеанса во дворце еще было далеко. Она еще придумает, как со всем этим быть.

Семья ауф Гроттенов состояла из восьми человек. В маленьком зале, отведенном для приема безнадежных больных сейчас было семеро ауф Гроттенов, и Габриэль с трудом подавил в себе желание сказать отцу семейства, что кондомы изобретены уже сорок лет как. Потом он заметил на шеях матушки семейства и детей маленькие серебряные пластинки-моломо с ликом солнца: все ясно, араване-солнцепоклонники, вера велит иметь им столько детей, сколько посылает солнышко.

Все семеро смотрели на Габриэля с суеверным ужасом. «Жаль, что солнышко велит им сношаться, а не учиться», — подумал Габриэль и, опустив свою сумку на край стола, спросил:

— Разрешения есть?

Папаша ауф Гроттен проворно протянул ему стопку желтых бланков и быстро отдернул руку, когда Габриэль взял бумаги, словно боялся обжечься. Габриэль быстро пролистал больничную карту и разрешения: все в порядке, все подписано. На лицах ауф Гроттенов стояла печать привычного тяжелого труда, тоски и какого-то нечеловеческого бессилия.

— Мы думали, она поправится, — прошелестела матушка. Углы когда-то красивого рта оттягивало книзу. Габриэль бросил бумаги на стол и спросил:

— Это она там так кричит?

Крик, похожий на вопль мартовской кошки, шел из соседней палаты. Женщина вопила, утихала на несколько минут и снова вопила. Синдром Ахотто, тяжелейшее врожденное заболевание. Габриэлю не хотелось представлять, через какие муки прошла эта семья, прежде чем окончательно решила обратиться к нему.

— Да, она, — ответила старшая дочь ауф Гроттенов, рыжая, как морковка. — Мы близняшки с ней, только вот...

Мать толкнула ее, и девушка замолкла. По виду ей было не больше пятнадцати. Габриэль представил, как его галстук охватывает тонкую девичью шею, и устало прикрыл глаза.

— Итак, скажу официально, — начал он сухим чиновничьим тоном. — Закон о здравии народном гласит, что допустимо прерывать муки неизлечимо больных во имя милосердия Божия к ним и к вам, — за стеной снова заорали, и Габриэль сделал паузу. Малышня, жавшаяся к ногам матери и старшей сестры, дружно захныкала. — Все документы в порядке, и я, Габриэль ауф Вилберн, Привратник Смерти, пришел сюда, чтобы выполнить свою работу. Душа вашей несчастной дочери обретет покой, а вы — мир.

Папаша кивнул. Лица малышни были бледными и тоскливыми. А чего еще ждать, когда за стенкой постоянно кричит старшая сестра? Будешь тут бояться...

— У вас есть ко мне вопросы? — спросил Габриэль, и все семейство дружно замотало головами. Он взял сумку и поманил рыжую — та испуганно обернулась на мать, но мамаша только подтолкнула ее к Габриэлю:

— Иди, иди уже. Не заставляй его светлость ждать.

При усыплении безнадежных больных всегда требуется свидетель из числа родственников — желательно, тот, кто покрепче нервами и желудком.

Когда они вошли в соседнюю палату, девичье тело на койке содрогнулось, и из раззявленного гнилозубого рта вылетел очередной вопль. Габриэль посмотрел на тощие руки и ноги, изломанные болезнью под немислимыми углами, на задрывшуюся ветхую рубашку, на глаза без малейшего присутствия мысли. Несчастные, как же долго они терпели...

— Она бросается, — бесцветным голосом сказала спутница Габриэля. — Иногда бывает. Не часто...

— Как тебя зовут? — спросил Габриэль, вынув из сумки серебристый контейнер. Щелкнула крышка, открывая шприц, наполненный мутной зеленоватой жидкостью.

— Ивис, — ответила рыжая.

— Помолчи, Ивис, — посоветовал Габриэль и приблизился к кровати. Его обдало тяжелым запахом гниющего нутра, невидящие бельма скользнули по нему и не заметили. Габриэль быстрым отработанным ударом вогнал иглу шприца в тощее предплечье и ввел яд.

Тело на койке содрогнулось и безжизненно обмякло — вытяжка яда тропической суары действует мгновенно, останавливая сердце. Ивис ахнула, прижав ладони ко рту. Габриэль с прежней осторожностью уложил шприц в гнездо контейнера, убрал в сумку и сказал:

— Все. Отмучились.

И тогда Ивис зарыдала. Сползла по стене на пол и завывала, словно раненое животное.

Габриэль подумал, что эти люди, должно быть, очень сильно любят друг друга. Должно быть, они милосердны и добры.

Вернувшись во дворец, он столкнулся с принцессой Августой — та шла на прогулку в сопровождении верной госпожи Пикклби. Увидев Габриэля, принцесса подлетела к нему, решительная и разгневанная, словно маленькая тропическая птичка, и толкнула его в грудь.

— Ты! — воскликнула Августа. — Дрянь бесстыжая!

Габриэль усмехнулся и сделал вид, что ловит ее за руку — Августа вывернулась и толкнула его еще раз.

— Катаешь своих шлюх в моем экипаже! — принцесса была настолько рассержена, что из ее прически вывалился локон, а она и не заметила. Габриэль смотрел на нее с тем циничным презрением, которое всегда выводило Августу из себя.

— Он не твой, а королевский, — сказал Габриэль, и получил еще один тычок в грудь. Раскрасневшаяся и злая, принцесса была похожа на маленький ураган.

— Нет, мой! И заставил мою служанку причесывать эту шлюху!

Гувернантка тоже начала краснеть. На ее родине принцессы не позволяют себе таких слов, но здесь не Тевтория, здесь все намного проще. Хотя, помнится, ее величество однажды собственноручно вымыла Августе рот с мылом, когда юная принцесса позволила себе особенно забористое выражение.

— Ты слишком нервничаешь, — заметил Габриэль и, быстрым движением подхватив Августу, забросил ее себе на плечо, словно мешок. — Наверняка хочешь оказаться на месте моих шлюх. Пойдем, проверим, чему тебя научил танцмейстер.

Августа заверещала так, что с деревьев дворцового сада взлетели галки. Гувернантка металась рядом с Габриэлем, не зная, что делать.

— Ты мой брат! — заорала принцесса. Наконец-то, вспомнила.

- Двоюродный, — уточнил Габриэль, неторопливо двинувшись к ступенькам. Охрана старательно пучила глаза в пустоту, делая вид, что ничего не замечает. Госпожа Пикклби носилась возле Габриэля, словно квочка, помогая принцессе лишь угрозами жалоб его величеству. — Обвенчаемся хоть завтра.

— Пусти! — маленькие крепкие кулачки заколотили Габриэля по спине. — Урод! Пусти!

— Я буду жаловаться его величеству корол!

— Я маме расскажу! Пусти! — в голосе Августы стали появляться слезливые нотки. Габриэль рассмеялся, слуга предусмотрительно распахнул перед ним двери, и он втащил Августу во дворец и сказал:

— Твой танцмейстер обхаживает не только тебя, дорогая сестрица. Я видел его вчера в «Зеленом огоньке».

А вот теперь Августа ударила его уже ощутимо. Хоан ауф Авербрук, учитель танцев, обучил ее высочество не только тому, как правильно и красиво двигаться по паркету, но и преподавал науку страсти нежной. Он был, конечно, красавцем, как уж тут устоять... Опустив Августу на пол, Габриэль улыбнулся так нагло, как только мог, и произнес:

— Так что будь благоразумна, душа моя. Следи за женским циклом.

Щеку обожгло — Августа залепила ему пощечину и, подхватив госпожу Пикклби под руку, быстрым шагом направилась в сторону своих комнат. Габриэль усмехнулся: ему нравилось доводить до слез эту маленькую гордычку. В такие минуты он чувствовал себя хоть немного, но живым. К тому же, Августа была той еще дрянью, совавшей нос не в свое дело.

Но все-таки Габриэль думал о ней с теплом. И нарезал бы на полоски любого, кто имел бы глупость обидеть ее.

Войдя в свою спальню, Габриэль сбросил пиджак и, рухнув на кровать, моментально погрузился в глубокий сон без сновидений. Он проснулся только тогда, когда в дверь постучали, и негромкий голос охранника произнес:

— Костоправша пришла, ваша светлость.

Габриэль встrepенулcя. Конечно же, Эльза, как он мог о ней забыть.

— Да, проходите! — крикнул Габриэль и, когда Эльза вошла в комнату, добавил: — Минутку, пожалуйста. Я сейчас.

В комнате было почти совсем темно: хлопнув ладонью по световому артефакту, Габриэль успел бросить быстрый взгляд в окно — собирался дождь, грозовые тучи висели низко-низко. Зайдя в ванную и плеснув в лицо ледяной водой, Габриэль окончательно проснулся и подумал, что его мир теряет основы. Все становится каким-то неправильным.

Эльза плакала. Сейчас, конечно, ее лицо было спокойным и бесстрастным, но некрасивые красные пятна покрывали его, словно маска, веки припухли, а в глазах до сих пор стоял влажный туман.

— Садитесь, — едва слышно сказала она и принялась намазывать руки кремом. Габриэль послушно опустилcя на оттоманку и спросил:

— Что случилось?

Эльза поставила банку с кремом на стол и опустила руки ему на плечи.

— Ничего, — ответила она все тем же глухим голосом. Мертвым. Руки работали сильно и уверенно, движения были резче, чем в прошлый раз, словно Эльза была слишком далеко, слишком в себе, чтоб следить за тем, что делает.

Ничего, так ничего.

До конца сеанса они молчали, потом Эльза отошла к своему саквоюжу и стала вытирать

руки. Габриэль обернулся к ней и увидел, что девушка плачет. Без истерик и всхлипов, совершенно бесшумно — слезы катились по ее щекам, и чутье Привратника Смерти подсказывало, что Эльза не хочет жить. Что весь ее мир разрушен.

Габриэль встал с оттоманки и, подойдя к Эльзе, взял ее за плечи и развернул к себе — вроде бы мягко, даже ласково, но при всем желании не вырваться. Девушка вздрогнула, с трудом гася в себе неприязнь, и попросила:

— Отпустите меня, ваша светлость.

— Габриэль, пожалуйста, — напомнил Габриэль. — Что с вами, Эльза?

Припухшие губы дрогнули. А ведь она кусала их, чтоб не расплакаться в голос... Взгляд был обреченным, усталым и темным, так смотрят перед тем, как выпрыгнуть из окна и разбить голову о мостовую.

— Деньги, — ответила она с усталой брезгливостью. — Те, которые вы выплатили. Я отдала их своему знакомому, он работает в банке... чтоб он сделал вклад.

По щеке пробежала очередная слеза. Габриэль осторожно провел ладонью по горячему девичьему лицу.

— И он их присвоил, — произнес Габриэль. Эльза кивнула, и ее наконец-то прорвало. Задрожали плечи, снова хлынули слезы, и девушка проговорила, захлебываясь в рыданиях:

— Сделал вид, что вообще меня не знает... я... я спросила у другого управляющего, на мое имя вообще ничего нет.

Габриэль едва не рассмеялся. Стоит ли переживать из-за таких пустяков? Он заплатит Эльзе еще раз, это вообще не обсуждается. Но потом он подумал, что двадцать золотых крон — баснословная сумма для костоправши, да и дело не в деньгах, а в том, что ее обманули, да еще и посмеялись над ней.

— Эльза, — негромко позвал Габриэль. — Эльза, пожалуйста. Послушайте.

Девушка шмыгнула носом и устало посмотрела на него.

— Во-первых, я дам вам еще двадцать золотых крон, — твердо сказал Габриэль. Эльза попробовала было протестовать, но он опустил указательный палец на ее губы, приказывая молчать. — Мне это ничего не стоит. Вообще ничего.

Эльза не ответила. Выражение ее лица вновь стало усталым и тоскливым.

— Во-вторых, что за банк? — продолжал Габриэль. — Тот, что возле вашего дома?

Эльза кивнула и спросила:

— Что вы задумали?

— Увидите, — ответил Габриэль. Ему вдруг стало очень легко и весело — и он знал, что это не сулит ничего хорошего.

Гнуса, обворовавшего Эльзу, звали «Господин управляющий первого звена Эрик ауф Гиттеншен», так и было написано на табличке, что красовалась на стойке. Габриэль велел Эльзе ждать снаружи, но, войдя в просторный банковский зал, он услышал за спиной негромкий стук каблучков.

— Этот? — спросил Габриэль, не оборачиваясь, просто мотнув головой в нужную сторону. Гнус оторвался от бумаг и, посмотрев в сторону Габриэля, начал бледнеть. Его холеное гладкое лицо почти моментально стало серым и безжизненным.

— Да, — едва слышно откликнулась Эльза.

Время было позднее, почти девять вечера, и клерки высунулись из-за столов, узнав в посетителе королевского палача. Габриэль быстрым шагом прошел к стойке Гнуса, который, несмотря на испуг, расторопно оторвал задницу от стула и вышел к

посетителям. Выражение его лица очень понравилось Габриэлю. Невероятно понравилось.

— Какой рукой ты дергаешь свой отросток? — спросил он негромко и самым вежливым тоном. Лицо гнуса дернулось, словно он ожидал чего угодно, только не такого.

— Ч-что? — растерянно переспросил он. Габриэль выдавил из себя неприятную улыбку и повторил:

— Какой рукой ты дергаешь свой отросток?

К чести гнуса следовало добавить, что он почти сразу понял, откуда дует ветер, и сориентировался.

— Ле-левой, ваша светлость, — пролепетал он. Габриэль понимающе кивнул. Покосился на стойку.

— Врешь ты все, — произнес он. — Все вещи справа.

В следующую минуту он уже сжал в кулаке правую кисть гнуса. На розовый мрамор пола из кулака плеснуло красным, зал наполнился тихим хрустом костей, и Габриэль похвалил себя за предусмотрительно надетые кожаные перчатки. Гнус стал уже не серым — мертвенно-сизым. На лбу выступили крупные капли пота, глаза закатились под веки, и господин управляющий первого звена стал медленно-медленно заваливаться на пол. Габриэль сжал руку еще сильнее — и тотчас же разжал.

Гнус безжизненно рухнул на мрамор. Габриэль оценивающе посмотрел на него: да, правая рука вряд ли станет служить ему так же верно, как раньше. Из-под разорванной кожи выглядывали разломанные косточки, золотое обручальное кольцо на указательном пальце сплющилось, вмятое в плоть. Интересно, стояла ли рука двадцати золотых крон? Конечно, гнус об этом не думал, просто решил набить себе карман, не подозревая, кто придет наводить порядок.

Габриэль легонько пнул его носком ботинка — без сознания, и не скоро оклемается — и обернулся к Эльзе. Та стояла, прижав руки ко рту и сдерживая крик, а в глазах плескался такой ужас, словно Габриэль раскрошил ее руку, а не гнусову. Казалось, девушка сейчас тоже лишится чувств; Габриэль подхватил ее под локоть и двинулся в сторону касс.

По залу пронесся шепот — и тотчас же стих. Никто не спешил прийти гнусу на помощь.

Кассир, который высунулся из своей золотой клетки, чтоб посмотреть на неожиданного посетителя, рухнул обратно. Габриэль подошел и, сняв шляпу, произнес:

— Добрый вечер. Вы меня узнаете?

Губы кассира мелко затряслись, словно он предчувствовал расправу и над собой.

— Д-да, — прошептал он. — Вы Привратник Смерти, королевский палач.

— Совершенно верно, — улыбнулся Габриэль. — Выдайте мне пятьдесят золотых крон именем его величества.

Звук, донесшийся из-за кассы, был ему знаком: у кассира заклацали зубы от страха.

— Сию с-секунду, ваша светлость, — ответил он и защелкал замочками сейфа. Спустя несколько минут Габриэль получил увесистый черный мешочек с эмблемой банка и, снова улыбувшись, сказал:

— Благодарю вас. Кстати, там вашему управляющему первого звена дурно.

Кассир не ответил — просто таращился во все глаза. Габриэль взял мешочек и, протянув его Эльзе, негромко произнес:

— Ваш заработок, Эльза. И компенсация.

Дождь хлынул сразу же, как только они вышли из банка.

Привратник Смерти стиснул Эльзину ладонь и бегом бросился к подъезду. Эльза волоклась за ним, словно покорная кукла, не замечая хлещущих струй воды, не слыша рокочущих раскатов грома. Вечерний город погрузился во тьму, и, когда Габриэль втащил Эльзу в подъезд, то тьма стала непроглядной.

За дверью в очередной раз загрохотало. По козырьку гремели капли, воздух был прохладным и сырым, и Эльза не сразу поняла, что холод, охвативший ее в тот момент, когда Привратник Смерти изувечил ауф Гиттеншена, медленно отступает.

Габриэль гладил ее по щеке. Медленно, осторожно, едва касаясь влажной после дождя кожи кончиками пальцев. На мгновение Эльзе показалось, что ее сердце перестало биться, и все внутри стянуло в клубок от страха. Пальцы Привратника Смерти нырнули в ее мокрые волосы, выдернули двузубую заколку, и туго скрученные в прическу пряди вольно упали на плечи.

Эльза смотрела будто бы со стороны, как замороженная. Привратник Смерти все с той же осторожной неспешностью склонился к ней, и в зеленых глазах, подернутых студеной дымкой, Эльза увидела клубящуюся тьму.

Поцелуй был таким же осторожным, изучающим, словно Привратник Смерти никогда и ни с кем не целовался и теперь пытался понять, как это сделать правильно. Эльза вздрогнула всем телом, отпрянула, пытаясь освободиться — в ту же секунду Габриэль буквально впечатал ее в стену, не позволяя сопротивляться. Когда чужая рука легла на ее шею, Эльза с пугающей отстраненностью подумала: вот и все.

— Думаю, я заслужил награду, — горячее дыхание опалило ухо, и Эльза невольно вцепилась в руки королевского палача, чтоб не упасть — ноги подкашивались от накотившего ужаса. Он только что покалечил человека и даже в лице не изменился. И сейчас Эльза полностью в его власти, и Привратник Смерти сделает с ней все, что сочтет нужным.

— Не делай мне больно, — выдохнула она. На улице загрохотало так, что слова Эльзы просто утонули в реве бури. Но Привратник Смерти все-таки разобрал их, и рука, державшая Эльзу за шею, вдруг утратила твердость — пальцы легко прошли по кружеву, окаймлявшему декольте, и Габриэль так же негромко произнес:

— Не сделаю. Не бойся.

Эльза не запомнила, как они поднялись по лестнице, как вошли в ее темную квартиру и добрались до спальни, как Привратник Смерти избавил ее от одежды. Ее сковало леденящим спасительным оцепенением, и потом Эльза вдруг осознала, что окно в комнату открыто, прохладный ветер безжалостно треплет занавеску, и гроза грохочет прямо над их головами.

Потом она поняла, что под щекой — прохладная подушка, что она полностью обнажена и стоит на кровати на четвереньках. Вспомнилось, как наставница в академии рассказывала главные правила хорошей жены: девочки, ваш муж должен исполнять свой супружеский долг только тогда, когда вы лежите на спине. Иные позы занимают только грязные шлюхи.

Воспоминание обожгло, словно пощечина. Чужая рука со знакомой неторопливостью погладила Эльзу по спине и надавила между лопаток, принуждая опуститься ниже. Подушка уткнулась в грудь, и Эльза сжала зубы и зажмурилась. Ее захотел королевский палач — а такие люди всегда получают то, что хотят. Сопротивляться им — себе дороже, Эльза прекрасно помнила, как позавчера Габриэль пообещал снять с нее кожу: этак безразлично пообещал, как говорят о привычном, пускай и скучном деле.

Она проглотила всхлип, полный горечи, обиды и боли. Только не плакать. Привратник Смерти получит ее тело, раз уж решил — но плакать она не станет.

— Ты такая хрупкая, — вдруг сказал Габриэль. Его ладони снова скользнули по спине Эльзы, легли на бедра, и что-то большое и горячее толкнулось между ног, проникая внутрь. Вспомнилась баронесса со своим советом по поводу ванзейской мази, это сейчас точно не помешало бы. Боль была такой, что в глазах потемнело, и Эльза прикусила губу, сдерживая стон. Она лишилась невинности несколько лет назад с человеком,

которого считала своим женихом, но тогда это было не настолько мучительно.

Шлюха королевского палача, шепнул внутренний голос — мерзкий, наслаждающийся ее страданием. Шлюха.

Слеза все-таки сорвалась с ресниц. Сперва Габриэль двигался неторопливо и спокойно, словно позволял Эльзе привыкнуть — но постепенно движения стали резче и грубее, а пальцы впились в бедра так, что Эльза все-таки зашипела от боли. Очередной раскат грома проглотил ее сдавленный возглас, но Привратник Смерти все-таки услышал его и замер.

Пальцы, сухие и прохладные, легли на подбородок и горло и толкнули Эльзу назад, заставив выгнуться и прильнуть к сильному телу любовника.

— Больно? — негромко спросил Габриэль.

Эльза кивнула, и ей показалось, что внутри все окаменело от страха. Габриэль разжал руки, отстранился, и, когда чужая плоть выскользнула из нее, Эльза обмякла на постели, чувствуя себя чем-то вроде сломанной игрушки. Ей в самом деле было больно. Между ног все горело.

Привратник Смерти с прежней деликатной осторожностью перевернул Эльзу на спину. Бледное лицо и растрепанные волосы делали его похожим на призрака — только сейчас, глядя на него, Эльза поняла весь ужас той позиции, которую добропорядочные люди считали единственно допустимой. Ей ведь придется целоваться с Габриэлем. Обнимать его. Смотреть в глаза.

Эльзу окатило холодом.

А потом Привратник Смерти опустил ладони на ее колени, и холод отступил. Немного, всего на пару шагов — но Эльзе стало легче дышать. В следующий миг она ахнула и захлебнулась воздухом, когда Габриэль прочертил языком влажную дорожку по внутренней стороне бедра и быстрым дразнящим движением провел по маленькой пульсирующей точке.

Эльза вскрикнула и снова попыталась отстраниться. Это было невероятно стыдно, порочно, с порядочными женщинами такого не делают — и Эльза даже подумать не могла, что это может быть настолько мучительно и сладко. Ей казалось, что дом качается на волнах, что весь ее привычный мир потерял опору и куда-то летит, сорвавшись с орбиты — и Эльза хотела только одного: чтоб Габриэль не останавливался, чтоб продолжал так же страстно и горячо ласкать ее. Щеки горели от возбуждения и стыда, Эльза забыла о том, кто она, где она и с кем, и за мгновение до того, как обжигающая судорога встряхнула ее тело, Габриэль вошел в нее решительным быстрым движением.

Эльза обхватила его за плечи, чувствуя, что ее почти знобит. Она прекрасно понимала, что утром пожалеет обо всем, что сейчас происходит, но в эту минуту ей хотелось лишь двигаться в едином ритме с Привратником Смерти. Полностью, без остатка принадлежать ему. Неважно, что будет потом — сейчас он заполнял ее до краешка, и это было самым важным. Габриэль двигался все быстрее, от плавной нежности не осталось и следа, теперь он почти вбивал Эльзу в постель с жестокой, почти звериной страстью.

Когда его рука снова легла ей на шею и сжала пальцы, Эльза успела только вцепиться в запястье королевского палача. Воздух встал комом в горле, перед глазами махнуло серой тряпкой обморока, и, соскальзывая в беспомыслие, Эльза ощутила, как по телу медленно прокатилась теплая волна удовольствия. Это было ужасно, это было невозможно — но ей никогда не было настолько хорошо. Габриэль толкнулся в нее в последний раз, и Эльза почувствовала, как внутри, жарко пульсируя, стало разливаться семя.

Все закончилось. Привратник Смерти разжал пальцы, накрыл губы Эльзы легким поцелуем и вытянулся на кровати рядом. Теперь, когда наваждение уходило, Эльза слышала, как на улице льет дождь и гроза медленно утекает на запад. Прохладный ветерок из окна скользил по разгоряченной коже, заставляя ежиться, и Эльза собралась с силами и нырнула под одеяло.

Все прошло. Ей было невероятно, запредельно хорошо, но сейчас удовольствие ушло, и Эльза снова чувствовала только стыд и страх. И отвращение и к Привратнику Смерти, и к себе.

— Ты мог меня убить, — негромко сказала она. Габриэль негромко рассмеялся и, поцеловав ее плечо, ответил:

— Это совершенно исключено.

У него были очень сильные руки — час назад они искалечили ауф Гиттеншена, а сейчас настолько бережно и невесомо обнимали Эльзу, что это казалось невозможным. Нельзя и убивать, и беречь. Это неправильно.

— Уходи, — прошептала Эльза, устало закрыв глаза. Привратник Смерти снова усмехнулся и повторил:

— Это совершенно исключено. Знаешь, — он обнял ее крепче, и Эльза почувствовала, что Габриэль улыбается тихой и счастливой улыбкой, которая пугает сильнее хищной гримасы. Просто потому, что не знаешь, чего от нее ожидать. — Тебе и в самом деле стоит переехать ближе к центру. Завтра этим и займемся.

Эльза решила забрать только самые необходимые вещи. Разумеется, все, что понадобится ей для работы — и немного платьев и белья.

Необходимого набралось на три огромных чемодана. Эльза спустилась на улицу, заказала экипаж до вокзала и, пока кучер пыхтел и кряхтел, стаскивая чемоданы вниз и закрепляя их в отсеке для багажа, Эльза еще раз прошла по квартире. Несколько комнаток и убогая кухонька почти под крышей — вот все, что у нее осталось после разорения отца. Вернется ли она когда-нибудь в этот дом?

Эльза не хотела знать.

Кучер получил серебряную полукруну, остался вполне доволен и гнал лошадку так, что до вокзала они добрались за какую-то четверть часа. Оставив его ждать на стоянке, Эльза шагнула в высокие, настежь распахнутые двери вокзала и, сориентировавшись, подошла к кассам.

— Какой ближайший поезд на юг? — спросила Эльза, когда кассир отодвинул стеклянную дверцу, закрывавшую его окошко, и соизволил посмотреть на девушку.

— Александрия, — ответил он. — Еще есть билеты в первый класс. Прибытие завтра в семь утра.

Эльза кивнула. Александрия была большим южным курортом, который славился прекрасным климатом, старинной архитектурой и грязевыми ваннами. Она наверняка найдет там работу, а деньги Привратника Смерти помогут обустроиться на новом месте.

Пятьдесят золотых крон были огромной суммой. Эльза считала, что отработала их сполна. Рукава платья прекрасно скрывали браслеты синяков, оставленные под утро, когда Привратник Смерти прижимал ее закинутае за голову руки к кровати... Эльза видела, что он пытается быть с ней другим, не таким, каким привык быть с другими — но потом его все-таки срывало в грубую злую страсть.

Хорошо, хоть больше не душил.

Утром Привратник Смерти варил кофе на кухне — крепкий, черный, выбивающий дух. Эльза сделала глоток из чашки и подумала, что ей всегда представлялось, как любимый человек будет стоять здесь с туркой ароматного напитка. Но она и представить не могла, что будет чувствовать при этом.

Билет оказался не настолько дорогим, как полагала Эльза. Сжав в руке плотный прямоугольник глянцевои бумаги, Эльза дошла до своего экипажа, назвала кучеру номер поезда и вагона и, когда он вновь принялся возиться с вещами, направилась на перрон.

— У меня сегодня очень большой и трудный день, — сказал Габриэль, наливая себе

вторую чашку. Подняв турку, он вопросительно посмотрел на Эльзу — не хочет ли она еще кофе? Эльза отрицательно мотнула головой, и Привратник Смерти продолжал: — Но к пяти вечера буду свободен.

Эльза понимающе кивнула, всеми силами стараясь делать милый вид. Пальцы Привратника Смерти мягко постукивали по столу, словно он играл на рояле — у королевского палача были очень аккуратные, холеные руки, и вчера он сперва изуродовал ими ауф Гиттеншена, а затем дотрагивался до Эльзы.

Она невольно вздрогнула. Горечь и отвращение были настолько глубокими, что Эльзе хотелось умереть. Глядя в кофейную глубину, она вдруг подумала, что выбросится из окна, когда Габриэль уйдет — и в следующую минуту возненавидела себя за эти мысли.

Он был жесток — пусть и пытался стать с Эльзой мягче и теплее.

— Я заеду за тобой в половине шестого, — произнес Габриэль, с сожалением глядя в опустевшую турку. Эльза невольно отметила, что такое количество настолько крепкого кофе однажды остановит его сердце. — Поедем во дворец, хочу попробовать тебя нарисовать.

Он не интересовался ее планами и не задавал вопросов: просто ставил в известность, что Эльза проведет свой вечер именно так. Вряд ли из девушки с синяками на запястьях и бедрах выйдет хорошая модель... хотя, возможно, Привратнику Смерти нужно именно это?

— Хорошо, — кивнула Эльза. Она не собиралась спорить и лезть поперек рожна: теперь ей следовало быть максимально осторожной. — Хорошо, я буду ждать.

Уже в дверях Габриэль мягко поцеловал ее в губы — ни дать ни взять скромный служащий, который отправляется на работу и прощается с невестой. Он искренне пытался быть добрым и сердечным, просто не понимал, как это делается — и Эльза не рискнула бы его учить.

Ей было слишком страшно.

— Госпожа, ваш билет.

Голос проводника, стоявшего возле открытой двери в вагон первого класса, пробудил Эльзу от воспоминаний и тяжелых мыслей. Она протянула билет и, когда проводник клацнул по нему зубастыми щипцами, подумала, что сделала правильный выбор.

Габриэль мог быть хорошим человеком. Он, по большому счету, не сделал ей ничего дурного. Он закрывал ее собой во время Прорыва, давал лекарства и отучил ауф Гиттеншена брать чужое.

Но лучше ему остаться подальше от Эльзы. Глядя на него, она чувствовала, что падает в пропасть.

Эльза никогда не ездила в вагонах первого класса и теперь, заняв место на маленьком мягком диванчике в отсеке на двоих, окончательно поняла, что прежняя жизнь уходит в прошлое. Она будет жить в другом городе, ярком и далеком, и в ее новом мире больше не будет места страху.

Поезд дрогнул, и белые мраморные колонны вокзала, люди на перроне и городские здания медленно-медленно поплыли назад. Эльза откинулась на мягкую спинку диванчика и вынула из сумочки дамский роман в желтой бумажной обертке. Прекрасная дева в беде, корсары и любовь на тропическом острове — самое то, чтоб скоротать время в путешествии. За тонкой стенкой негромко переговаривались соседи по вагону, прикидывая, когда же начнут разносить чай и закуски.

— Простите... Извините... Прошу прощения... — услышала Эльза сконфуженный мужской голос, и на мгновение ее бросило в холод, тотчас же окатив жаркой волной: ей показалось, что это Габриэль. Но нет — почти сразу же в ее отсек заглянул взлохмаченный молодой человек в легком костюме банковского служащего и, заглянув в зажатый в кулаке билет, сказал:

— О, вот мое место!

Эльза ничего не имела против попутчиков, тем более, что растрепанный пассажир не выглядел ни приставалой, ни наглецом. Светлокожее добродушное лицо с широко распахнутыми голубыми глазами и крупным ртом, который то и дело расплывался в улыбке, небольшой потертый чемоданчик в руке, новенькая обувь, которая нещадно жала ноги — портрет пассажира был вполне привлекательным.

— Доброе утро, — сказал незнакомец, плюхнувшись на диванчик, и протянул Эльзе длиннопалую руку. — Беньямин ауф Перес, к вашим услугам. Можно просто Бен. Я вас ни в коем случае не стесню.

— Доброе утро, — улыбнулась Эльза и, назвав свое имя, пожала руку Бена. Очень современный жест, так было принято у студентов и актеров. — Вы меня несколько не стесните.

— Отлично! — обрадовался Бен и расстегнул пуговицу на пиджаке. — Вы в Александрию?

— Да, — улыбнулась Эльза. Бен был настолько милым и трогательным, что невольно располагал к себе. — А вы?

— Слава Господу, возвращаюсь домой из столицы! — воскликнул он. — Решил финансовые вопросы семьи, теперь могу и отдохнуть.

— Вы финансист? — удивленно спросила Эльза. Несмотря на костюм, Бен меньше всего походил на того, кто может иметь хоть какое-то отношение к деньгам и цифрам.

— Старший советник службы безопасности финансов Первого приморского банка, — отрекомендовался Бен и, смешно склонив голову к плечу, вдруг рассмеялся: — Вы мне не верите. Правда?

— Вы не похожи на того, кто работает в банке, — призналась Эльза. Вроде бы Бен не делал ничего особенного, но ей вдруг стало очень легко и свободно, словно в обществе старого знакомого.

— Да, я понимаю, о чем вы, — с легкостью согласился Бен. — Но свою работу делаю хорошо. Сейчас вернусь домой, отдохну пару месяцев и снова с головой в бумажки.

Появился проводник — привез на небольшой тележке чашки с крепко заваренным чаем и небольшие коробочки со сладостями: традиционный дорожный перекус перед обедом в вагоне-ресторане. Когда он удалился, то Бен сделал довольно шумный глоток из чашки и поинтересовался:

— А вы? Что вас ведет в Александрию?

— Переезжаю, — сказала Эльза. Ей не хотелось вдаваться в детали своего бегства из столицы. — Как считаете, в Александрии есть нужда в костоправшах?

Бен сделал еще один глоток и довольно улыбнулся.

— Я даже знаю, где именно она есть, — сказал он. — У моей сестры искривлен позвоночник, и если вы работаете с такими недугами, — Бен развел руками, — то я буду рад, если вы станете гостьей нашего дома.

Похоже, судьба сменила гнев на милость, решив, что с Эльзы достаточно неприятностей. Не успела она сесть в поезд, как уже нашла работу на новом месте! Почему-то Эльза знала, что Бену можно доверять, он не собирается ее обманывать, и с ним тоже можно быть искренней.

— Благодарю вас, — улыбнулась она. — Буду искренне рада помочь вашей сестре.

— Вы подружитесь, — уверенно заявил Бен, протягивая Эльзе коробку конфет. — Магда очень добрая девочка. Я, собственно, именно из-за нее и пошел в банковскую сферу.

— Понимаю вас, — серьезно сказала Эльза. — Лечение требует прежде всего денег.

Бен тоже стал серьезным. Куда-то исчезла его мягкая беззаботность, и, глядя в окно на

бескрайние луга, он произнес:

— В столице позавчера был Прорыв, вы, должно быть слышали о нем.

— Я его видела своими глазами, — призналась Эльза, ощутив прикосновение холода к затылку. Вспомнилось, как Габриэль закрывал ее, как воздух пронзительно пах кровью и смертью, как кричали люди, размазанные чудовищем по брусчатке.

— Магда попала в Прорыв, когда ей было два года, — признался Бен. — Вы знаете, она справляется. Но вот спина болит, и я боюсь, что она перестанет ходить.

— Я постараюсь помочь, — уверенно сказала Эльза. — Думаю, все еще можно исправить.

Глава 3

— Тетушка Агата, что можно подарить девушке?

Герцогиня рассмеялась так, что проходивший в отдалении садовник содрогнулся от неожиданности. Белые розы и пионы цвета темного южного вина для букетов в своей спальне старуха всегда выбирала сама, собственноручно орудуя секатором и отказываясь от любой помощи садовников. Габриэль, уже успевший срезать копну нарциссов, терпеливо стоял рядом, держа в руке корзину.

Цветы источали тонкий деликатный аромат. Кожа Эльзы пахла почти так же — когда Габриэль вспоминал о ночи, проведенной в чужом доме, его ноздри невольно вздрагивали, словно вновь пытались уловить аромат девичьего тела.

— Ха! — герцогиня выпрямилась и осторожно уложила очередную срезанную розу в корзину. — Об этом меня спрашивает мужчина, который два раза был женат!

— Вы же помните, тетушка, чем именно все закончилось, — миролюбиво заметил Габриэль. Он уже успел отстрадать по поводу своих неудавшихся семейных отношений, его чувства выветрились, а яд высох. — Я виноват только в том, что подходил к шлюхам с мерками для порядочных женщин.

— Вот именно, — согласилась герцогиня. — Вот именно, племянничек.

Они неторопливо пошли к выходу из оранжереи. Габриэль любил приходить сюда. Здесь было красиво, спокойно и ясно, что любая красота недолговечна.

— Твоя первая жена сбежала, — напомнила герцогиня. — Вторая умерла на четвертой неделе семейной жизни. Я, в общем-то, не удивляюсь, мой дорогой, что ты задаешь мне такие вопросы.

Габриэль раздвинул губы в улыбке. Старуха не знала, что Анастаси, его первая жена, все-таки нашлась. Теперь она лежала глубоко в земле, над ней росли нарциссы, и Габриэль знал, что от прекрасной Анастаси уже ничего не осталось.

— Что дарят своим подругам мои братья? — спросил Габриэль. Садовник предупредительно распахнул перед ними двери, и, выйдя из оранжереи, Габриэль увидел, что погода портится. Утро было солнечным, но теперь небо заволакивало черными грозowymi тучами.

— Ты не спросишь у них потому, что боишься, что тебя поднимут на смех, — старуха, как всегда, попала в точку. Габриэлю оставалось только кивнуть. — Это просто любовница или что-то серьезнее?

— Полагаю, что серьезнее, — спокойно ответил Габриэль. Он и сам не знал, почему настолько быстро и глубоко увлекся Эльзой, но это чувство ему нравилось. Оно давало какую-то непривычную наполненность жизни.

И почему бы нет? Эльза красивая женщина с уверенным и сильным характером, и в то же время очень хрупкая и нежная. Было бы странно, если б он остался холоден. Любой бы увлекся ею.

— Жемчуг, — сказала герцогиня и, прищурившись, посмотрела на темнеющее небо и недовольно покачала головой. — На помолвку подаришь изумруды. Я надеюсь, мой дорогой, что дело все-таки дойдет до помолвки. А там и до свадьбы. На свадьбу — только бриллианты и голубые сапфиры.

Габриэль еще не задумывался настолько далеко. Он и про подарок-то спросил, в определенной степени пытаясь прощупать ситуацию.

Но Эльзе подошли бы и бриллианты, и сапфиры...

Когда в половине шестого дверь в квартиру Эльзы оказалась заперта, Габриэль ощутил мгновенное, очень острое и болезненное облегчение. Все было правильным, все вернулось на круги своя. Он просто оказался недостойн ни душевного участия, ни тепла,

что уж говорить о любви.

Он уткнулся лбом в дверь и несколько минут стоял просто так, ничего не делая. Мелькнула наивная мысль, что Эльза, возможно, ушла в магазин или еще не вернулась от предыдущего пациента, но Габриэль почти сразу же решил, что это невозможно.

Она уехала. Сбежала.

Он пошарил над дверью и нашел запасной ключ. Тоже наивно, но так хранит ключи вся страна. Щелкнул замок, дверь открылась, и Габриэлю хватило одного шага в квартиру и одного взгляда, чтоб понять: Эльза уехала.

Он все-таки прошел по комнатам. Шкаф оказался почти пуст, из помещения для приема пациентов исчезло все, что использовалось для массажа, зато на кухне так и остались на столе те две чашки, из которых они пили утром кофе. Эльзе надо было собираться и убегать, а не мыть посуду. Габриэль механически открыл кран, вымыл чашки и турку и все убрал на сушилку.

Он не удивлялся. Все это было в порядке вещей. Фигура королевского палача внушает ужас даже тем, кто получает зарплату за свою любовь. Вот и Эльза просто взяла и испугалась. Делать массаж пациенту — это одно, а лечь с ним в кровать — уже совсем другое дело. Личное.

Габриэль прошел в спальню и устало лег на кровать, которую Эльза так и не заправила. От скомканных простынь пахло минувшей ночью и грозой. Да, конечно, ей стало страшно — но дьявол побери, неужели он не заслужил хотя бы обычного человеческого прощания?

Извини, отпусти, забудь.

К подушке пристал длинный каштановый волос — Габриэль механически принялся накручивать его на палец. Вся эта крошечная квартирка прекрасно сохранила отпечаток чужой души, и если, например, отнести этот волосок артефактору, то тот потратит всего полчаса на то, чтоб определить, в каком именно направлении подалась Эльза. Примерно так Габриэль когда-то нашел Анастаси — вспомнилось, каким бледным и мертвым стало ее лицо, когда она открыла дверь какого-то домишки в захолустье и увидела законного супруга.

Конечно, Габриэль не собирался хоронить Эльзу в нарциссах. С того времени, которое прошло со дня смерти Анастаси, он успел измениться — не во многом, конечно, просто признал, что человек имеет право выбирать свою судьбу самостоятельно.

Просто поговорить и проститься — если Эльза скажет окончательно и твердо, что больше не желает его видеть. Королевский палач просто по факту своей жизни не заслуживает ни любви, ни тепла, ни душевного участия, но Габриэль рассчитывал хотя бы на честность и прямоту.

Впрочем, что себя обманывать? Он хотел опустить руки на шею Эльзы и сжать. Вот и все.

Габриэль поднялся с кровати, покинул квартиру и спустя полчаса уже входил в отделение Королевской артефакторики при академиуме святого Пауля. Это было в общем и целом очень неприятное место, чего стоили, например, черепа основателей академиума, выставленные в хрустальных ларцах — сильнейшие артефакты, которые закрывали академиум защитным куполом. Впрочем, Габриэль просто скользнул по ним взглядом и равнодушно подумал, что это, должно быть, очень скучно — проводить свое посмертие таким образом.

Жан-Жак Лоттер, единственный из артефакторов, который не шархался от Габриэля, по обыкновению сидел в своем кабинете, как сова в дупле, и орудовал пестиком в мраморной ступке. Габриэль нечасто заходил сюда и теперь вдруг подумал, что в кабинете уютно. В камине горит огонь, попутно высушивая змеиные хвосты, подвешенные к решетке, артефакт варит кофе, а маленькие окна зашторены, и можно не думать о том, что на улице идет дождь.

— А, это ты, старина! — Жан-Жак приехал в академиум пять лет назад, но до сих пор не

избавился от мягкого южного акцента. Когда он говорил, в воздухе так и разливался чарующий запах моря и вина. — Проходи, я как раз собираюсь ужинать.

Габриэль сел на ближайший стул и спросил:

— Картошка и селедка?

Жан-Жак только рукой махнул.

— Ну скажешь тоже. Молодой картофель с провальским сливочным маслом и веточкой укропа с филе розовой сельди первого посола.

Габриэль согласился, что так все звучит гораздо приятнее. Жан-Жак похлопал в ладоши, что-то пробормотал под нос, и на столе перед ним возникли фарфоровые тарелки с обедом. Запах действительно был изумительный: Жан-Жак не представлял себе жизни без сельди, мариновал ее сам и мог часами говорить о ее полезных свойствах.

— Улучшил артефакт доставки, — важно сообщил Жан-Жак. — Пять секунд, и еда уже прилетела с кухни на стол.

Габриэль одобрительно покачал головой, отдавая должное ужину. Только сейчас он понял, как сильно проголодался. Когда тарелки опустели и по приказу артефактора улетели на кухню, то Габриэль произнес:

— Вообще-то я к тебе по работе.

Жан-Жак понимающе кивнул. Их дружба зародилась как раз с поисков Анастаси — тогда артефактор прекрасно понял, что именно от него хотят, а потом, когда поиски увенчались успехом и завершились в оранжерее, крепко держал язык за зубами.

— Что есть? — спросил он. Габриэль протянул волосок, свернутый в колечко, и сказал:

— Все, как в прошлый раз.

Жан-Жак взял волосок, с грохотом выдвинул ящик стола и, вытащив причудливое нагромождение металлических стрелок и полосок, сказал:

— Если вести речь о женитьбе, то в нашем случае надо выбирать кого-то проще. Чтоб ценили и понимали. Справедливо?

— Вполне, — согласился Габриэль. Жан-Жак был успешным мастером своего дела, но с женщинами у него все не ладилось настолько, что оставалось только удивляться. Он бросил волосок Эльзы в самую середину артефакта, дернул за одну из полосок, и по кабинету прокатилась волна прохладного морского воздуха, пахнувшего солью и рыбами.

Габриэль не любил моря и не знал, что в нем так любят другие. Жан-Жак довольно улыбнулся и, потянув за одну из полосок, сообщил:

— Александрия. На пути туда.

Дорога меньше двух суток не считается длинной.

Сейчас, пытаясь устроиться на диванчике поудобнее, Эльза всеми силами души бранила того, кто не оснащает поезда спальными местами. Поездка в любом направлении занимает меньше двух суток, это не такой путь, который нельзя вытерпеть. Эльзе хотелось вытянуть ноги, лечь поудобнее и заснуть — да сделать это было негде. Конечно, в поездах королевской семьи есть и кровати, и диваны, и даже ванные комнаты — но она вряд ли когда-нибудь станет в них кататься. И слава Богу.

Бен оказался замечательным попутчиком и прекрасным молодым человеком. Эльза понимала, что совместные поездки очень сближают людей, и пыталась не оболыщаться насчет нового знакомого. Бен мог оказаться и циничным, и жестоким — но сейчас он был милым, добрым и каким-то беззащитным. То ли всему причиной была просто магия дороги, то ли Бен на самом деле был тем, с кем хотелось бы подружиться.

Одним словом, он ничем не напоминал финансиста. Возможно, его конкуренты и противники как раз и терпели поражение потому, что обманывались этой мягкостью.

— Все это, конечно, неудобно, — вздохнул Бен: он тоже пытался устроиться на диване так, чтоб подремать несколько часов. — Даже, возможно, предосудительно. Но у меня появилась идея насчет ночлега.

— И какая же? — поинтересовалась Эльза. Ей очень хотелось снять туфли, в которых вдруг обнаружились твердые места, безжалостно сжимавшие ноги, но этикет в таких случаях предписывал только расстегнуть ремешки.

— Через полчаса поезд остановится в Лесном Углу, — сообщил Бен. — Крошечный городишко, там, в основном, только лесорубы и дельцы по лесу, но гостиница там неплохая. Заночуем по-человечески, а то я смотрю, вы устали.

Сперва Эльза лишь рассмеялась, но потом подумала, что Бен прав, и ей действительно надо отдохнуть. Минувшая ночь, которая оставила на ее теле отпечатки чужих пальцев, была, мягко говоря, трудной — да и день в дороге тоже оказался не слишком-то легким. К тому же Бен создавал такое впечатление, что Эльза верила ему и не думала, что ее новый знакомый сможет сделать что-то плохое.

— А наш багаж? — спросила она. Бен улыбнулся и с готовностью ответил:

— Я скажу проводнику, он определит в камеры хранения. Заберем, когда приедем. Завтра в восемь утра сядем на поезд по нашим билетам, они действуют трое суток, — дружелюбная улыбка Бена просто обезоруживала, и Эльза, которая в общем-то не страдала лопухой наивностью — случай с ауф Гиттеншеном был исключением, а не правилом — решила с ним согласиться.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда полностью полагаюсь на ваш опыт и порядочность.

— Я вас не подведу, — улыбнулся Бен.

Лесной Угол оказался даже не городком, а поселком лесозаготовителей, и, сойдя на перрон крошечного вокзала, Эльза на какое-то время растерялась и подумала, что дала маху, согласившись на эту авантюру. Бен подхватил свой саквояж и сумку спутницы и уверенно двинулся в сторону касс с закрытыми окошками.

— Эй! — рявкнул он так, что заглушил голос уходящего поезда. Эльза чуть не присела от неожиданности. — Эй, открывай!

Окошко тотчас же открылось, показав сонную физиономию кассира, который, как подумалось Эльзе, был готов к тому, что сейчас отведаст кулака. Но Бен вполне миролюбиво поинтересовался:

— А Виктор где?

— Спать уже ушел, ваше-ство, — проговорил кассир. Эльза с крепнущей уверенностью подумала, что Бен действительно носит маску простака, и впервые пожалела о том, что согласилась на его предложение.

— Мы в гостиницу, — сообщил Бен. — Места есть?

— Для вас найдутся, ваше-ство, — с прежним раболепием ответил кассир. Бен обернулся к Эльзе и, улыбнувшись уже знакомой доброжелательной улыбкой, сказал:

— Отлично, у нас есть нормальный ночлег!

Гостиница действительно оказалась приличной: в ней останавливались чиновники и оптовые покупатели леса — впрочем, сейчас, как поняла Эльза, для них был не сезон, заготовки еще не начались. Когда они с Беном подошли к стойке регистрации, то Эльза вдруг подумала: что же ей делать, если ее спутник закажет один номер?

Это ведь было вполне вероятно.

— Добрый вечер! — портье расплылся в такой улыбке, словно Бен был принцем, и, раскрыв книгу регистрации, спросил: — На двоих?

Эльза поежилась, но Бен тотчас же отчеканил:

— Два номера, каждый на одного, ужин сейчас, завтрак завтра в семь.

На стойку легла серебряная корона, и портье прикрыл глаза и захлопнул свою книгу. Эльза вздохнула с облегчением — ее неожиданный спутник все-таки оказался порядочным человеком. А в номере она просто закроет дверь на задвижку, вот и все.

Когда они поднялись на второй этаж по чисто выметенному ковру, укрывавшему лестницу, Бен открыл дверь в номер Эльзы, пронес ее сумку к кровати и, в очередной раз улыбнувшись, сказал:

— Надеюсь, мы сегодня хорошо отдохнем.

— Спасибо, — улынулась в ответ Эльза, с радостью понимая, что в словах ее спутника нет каких-то недостойных намеков, и добавила: — Вы здесь пользуетесь уважением, насколько я успела заметить.

— А, это да, — чуть ли не смущенно признался Бен. — Я владею четвертью здешних лесозаготовок.

Эльза смогла на это ответить только:

— Бен, вы снова меня удивляете.

— Надеюсь, это приятное удивление, — Бен снова улыбнулся и добавил: — Сейчас принесут ужин, так что приятного аппетита вам — и доброй ночи. А я пока...

Он не успел договорить. Издалека донесся такой грохот и рев, что Эльза невольно схватила Бена за руку. Здание содрогнулось от пола до потолка, словно хотело вытрясти из себя всех людей и вещи.

— Что это? — испуганно прошептала Эльза, не выпуская руки Бена. — Что это может быть?

— Не знаю, — откликнулся Бен, и было видно, что он испуган не меньше.

Вечерний сумрак за окном почему-то был подсвечен алым. Они подошли к окну, и Эльза увидела, что все небо на юге охвачено алыми лепестками огня — там что-то горело так, что даже здесь, в здании, за стеклом, Эльза почувствовала тяжелое и душное прикосновение пламени.

— Что там? — спросила Эльза, с ужасом понимая, что уже знает, каким будет ответ. — Там взрыв? Это наш поезд?

— Похоже на то... — едва слышно откликнулся Бен. Он побледнел и как-то осунулся, моментально став некрасивой копией самого себя. Пол дрогнул под ногами, и Эльза не сразу поняла, почему вдруг комната так сместилась на сторону, и почему Бен вдруг подхватил ее.

«Обморок», — подумала Эльза. Она сейчас могла бы гореть в поезде, предложение Бена спасло ее от страшной мучительной смерти.

— Мы могли бы сейчас... — проговорила Эльза и осеклась. Мелькнула мысль, что все ее вещи остались во взорванном поезде. Слава Богу, она держала деньги Привратника Смерти в ручной клади... Бен осторожно усадил ее на кровать и, внимательно заглянув в лицо, спросил:

— Эльза, у вас есть навыки сестры милосердия?

— Есть, — кивнула Эльза, понимая, куда он клонит. Взрыв был невероятной силы, но кто-то все-таки мог остаться в живых — и этим людям нужна была помощь. — Вот только...

Она вдруг подумала, что их невероятное спасение могло быть подстроено. Что Бен знал о том, что поезд взорвется и просто решил сохранить в живых свою попутчицу, которая почему-то его заинтересовала.

— Что? — спросил Бен. Он сидел на корточках рядом с кроватью и смотрел на Эльзу настолько чистым и испуганным взглядом, что неясно было, как его вообще можно в

чем-то подозревать.

— Вы знали, что будет взрыв, — промолвила Эльза, понимая, что надо бы промолчать. Но она не могла этого сделать. — Вы откуда-то знали, что поезд взорвется.

С улицы доносились голоса, собиравшие народ к месту крушения. «Поезд рванул!» — проорал кто-то вдалеке. Бен вдруг стал каким-то растерянным и очень несчастным — словно в том, что случилось, в самом деле не было его вины, но он знал, что Эльза ему не поверит. Сунув руку за воротник, он извлек золотой амулет на потертом и засаленном кожаном шнурке и, продемонстрировав его Эльзе, произнес:

— Я заговоренный. Амулет нагревается, когда смерть рядом... но я могу взять с собой только одного человека. Вообще... — он провел ладонью по лицу и продолжал: — Это второй случай. В первый раз он нагрелся во время того Прорыва, и я смог спасти Магду.

Горло стиснуло тяжелой лапой, но Эльза сумела взять себя в руки и не расплакаться. В Бене было что-то такое, что заставляло его верить. Глядя в открытое бледное лицо нового знакомого, Эльза подумала, что теперь в неоплатном долгу перед ним.

— Я ваш должник, — глухо промолвила Эльза. — Не знаю, как мне теперь отблагодарить вас за это.

Бен беглым легким движением дотронулся до ее колена.

— Ничего не нужно, — ответил он. — Просто ждите внизу, когда привезут раненых.

— Я не вижу ее следов.

О взрыве пассажирского поезда неподалеку от поселка лесозаготовителей все газеты сообщили утром. Поезд шел в Александрию, и Габриэль, прочитав статью, вдруг почувствовал противный озноб.

Он испытывал сходные ощущения тогда, когда ее величество, плача и обнимая его, сказала, что родители Габриэля погибли, а он сам избран и помечен смертью. Тогда Габриэль почти увидел тонкую красную нить — ту самую, которая отделила его детство от взрослой жизни. И сейчас, когда он читал о погибших, эта нитка, грязная и растрепанная, снова мелькнула перед глазами.

Жан-Жак еще раз опустил в артефакт волосок Эльзы и, дернув за одну из скрученных металлических полос, сообщил:

— Никаких следов, дружище.

— То есть... — Габриэль прикрыл глаза и сжал подлокотник кресла так, что руке стало больно. — То есть, ее больше нет среди живых?

На лице артефактора появилось тяжелое скорбное выражение.

— Боюсь, что так, — ответил Жан-Жак и, отложив артефакт, нырнул в ящик стола и вынул пузатую бутылку темного стекла — хессалийский коньяк. Наполнив бокал, он протянул его Габриэлю и добавил: — Конечно, артефакты могут и ошибаться. Там остались живые?

Габриэль вспомнил статью в газете и сопровождавшие ее дагерротипические снимки. Какие уж живые... там весь район не выгорел только потому, что поселковый артефактор успел активировать одну из своих машинок и унял пламя. Но спасти было уже некого.

— Нет, — ответил он. — Есть, конечно, шанс, что она вышла на станции, но ей нет смысла это делать.

Жан-Жак печально вздохнул.

— Сочувствую, дружище, что тут еще можно сказать... Что собираешься делать?

Габриэль пока не мог ответить точно. Что-то все-таки мешало ему окончательно примириться со страшной гибелью Эльзы. Возможно, дело было в том, что он не видел ее мертвой — и не мог поверить до конца, что все закончилось. В его мыслях она оставалась

живой.

— Министерство внутренних дел считает, что это был теракт, — равнодушно ответил Габриэль. — В поезде был один из заместителей министра безопасности, он в последнее время лихо взялся за работу. Через час я выезжаю в этот Лесной Угол в составе следственной группы.

— Понятно, — кивнул Жан-Жак. — Его величество разрешил?

Его величество сказал прямо: тебе там нечего делать — но Габриэль чуть ли не впервые за всю карьеру королевского палача взял и уперся. Конечно, поездка на место преступления была ему не по статусу. Габриэль уже предвидел, какие физиономии будут корчить следователи.

Он прекрасно знал, что его не любят — но сейчас это не имело значения. Габриэль хотел увидеть погибшую Эльзу и закрыть эту страницу навсегда, только и всего.

— Он, в общем-то, не очень доволен, — признался Габриэль, решив не вдаваться в подробности. — Но я поеду. Я хочу ее найти.

Если допустить безумную мысль, что Эльза жива, то в ближайшие часы она никуда не денется: движение в тех краях полностью остановлено. А пробираться куда-то по лесным тропинкам — сомнительное удовольствие.

— Ну тоже верно, — согласился Жан-Жак. — Хотя бы похоронить по-человечески.

Следственная группа состояла из десяти человек — восемь старших офицеров полиции и служб безопасности и двое артефакторов. На Габриэля они смотрели так, словно с трудом сдерживали желание дотронуться до лба молитвенным жестом, отгоняющим нечистого. В принципе, Габриэль давно привык и к таким взглядам, и к такому поведению, но сейчас они его раздражали настолько, что он вынул из кармана четки и принялся резко отщелкивать сердоликовые шарики, чтоб успокоиться.

— Итак, все здесь, — командир группы угрюмо посмотрел на Габриэля и продолжал: — Отправляемся через Бросок. Старайтесь дышать носом, и глубоко, чтоб не вырвало. Все готовы?

Участники следственной группы дружно кивнули, и командир быстро раздал всем по золотой пластинке, исчерченной рунами — тот самый артефакт Бросок, который умел отправлять людей через пространство. Габриэль вспомнил, что когда появились эти артефакты, ученые всерьез говорили о конце эпохи транспорта.

Не задалось.

— По моей команде, — подал голос один из артефакторов, низкорослый и настолько рыжий, что было больно глазам. — Раз... два... Пуск!

Артефакт обжег ладонь, и Габриэль закрыл глаза и дисциплинированно принялся дышать носом. Он чувствовал, что летит сквозь спрессованную вековечную тьму, и тьма ненавидела прищельца и пыталась вытолкнуть его прочь. Противное, действительно тошнотворное ощущение. Теперь Габриэль не удивлялся тому, что люди по-прежнему предпочитают поезда и экипажи такому способу передвижения.

Земля ткнулась в ноги. Габриэль открыл глаза и первым делом увидел, как одного из офицеров полиции шумно рвет на газон — видно, решил не послушаться руководителя.

Да и дьявол с ними, у него своя работа.

Габриэль посмотрел по сторонам. Артефакты выбросили их на площадь поселка. Вот небольшая статуя Георга Первого Победоносного, прадеда нынешнего короля, который установил вечный мир со всеми державами. Вот скромное, но очень аккуратное и чистое двухэтажное здание — табличка у дверей гласила, что это гостиница. А вот и поселковая управа, с триколором на крыше. Красный, белый и зеленый — сейчас яркие цвета казались поблекшими. За площадью теснились дома разной степени убогости: видно, что постоянных жителей тут раз, два и обчелся.

И лес кругом, который так и напирал на домишки. Тяжелый, мрачный, давящий. Габриэль в принципе довольно равнодушно относился к силам природы, но сейчас ощутил томительное неудобство.

Из здания управы вышел высокий молодой человек в поношенном костюме по той моде, которая принята у банковских служащих, и, увидев прибывших, замахал рукой и быстрым шагом двинулся к ним.

— Добрый день! — воскликнул он, подойдя, и, расплывшись в широкой улыбке, представился: — Бенъямин ауф Перес, здешний лесовладелец, к вашим услугам.

Фамилия была знакомой. Габриэль не очень следил за тем, что происходит в свете, но про ауф Переса слышал. Прекрасный экономист и ученый, бросил успешную карьеру, теперь зарабатывает исключительно частными консультациями. Он хотел было пожать протянутую руку, но командир группы угрюмо шагнул вперед и спросил:

— Вы доставали тела?

Добродушная физиономия ауф Переса сразу же стала серьезной. Он махнул рукой куда-то на юг и ответил:

— Да, что-то уже смогли достать. Здешний голова организовал там площадку, недалеко от места крушения. Пойдемте, я провожу вас.

Командир группы кивнул, и ауф Перес пошел по дороге мимо памятника. Когда он прошел рядом с Габриэлем, то тот нервно дернул ноздрями.

От ауф Переса пахло нарциссами. Почти неуловимо — но пахло.

Когда по поселковой площади пронесся ветерок, и воздух потемнел, выплевывая возле статуи столичных следователей, Эльза как раз стояла возле окна в общем зале. Увидев знакомую седую голову, она вздрогнула и отпрянула, встав так, чтоб никто из прибывших ее не заметил.

Это не мог быть Привратник Смерти. Ему тут просто нечего делать. Какое отношение королевский палач может иметь к расследованию взрыва в поезде?

Эльза прекрасно знала ответ. Каким-то образом Габриэль вышел на ее след. Она пробовала сбежать и не смогла.

— Что-то не так? — осторожно спросил Бен, который сейчас сидел за столом и допивал невесть какую по счету чашку кофе. Он провел ночь на месте крушения, вернулся час назад, и к этому времени Эльза уже знала, что никого не удалось спасти. Выживших не было. Если бы не местный артефактор, который в одном исподнем выскочил из дома и помчался к месту крушения, чтоб обуздать огонь, Лесной Угол выгорел бы от пожара.

— Там Габриэль ауф Вилберн, — каким-то мертвым, потерянным голосом ответила Эльза. — Королевский палач. Он ищет меня, я...

И не договорила. Шмыгнула носом и каким-то детским беспомощным жестом дотронулась до лица.

Бен прикрыл глаза и понимающе кивнул — боковым зрением Эльза сейчас видела его лицо. Она обернулась в сторону Бена, ожидая увидеть на лице своего нового знакомого брезгливость и неприязнь. Что еще можно чувствовать, когда перед тобой любовница Привратника Смерти? Но ничего подобного не было. Бен смотрел так, словно прикидывал, как разобраться в ситуации с минимальными потерями.

— Лучше поднимайтесь в ваш номер, — сказал он. — И ждите Игоря, портье. Я доверяю ему, как самому себе, и он нам поможет.

Эльза кивнула, невольно отметив это «нам». Бен ободряюще улыбнулся и, поднявшись из-за стола, подошел к Эльзе и взял ее за руку. Этот жест, простой и добрый, заставил ее вздрогнуть — теперь Эльза знала, что она не одна.

— И ничего не бойтесь, — твердо произнес Бен. — Все будет хорошо, я обещаю.

И Эльза сразу же поверила ему.

Вещей у нее было — одна маленькая сумка с косметичкой и деньгами. Поднявшись в номер, Эльза взяла ее и, подойдя к окну, осторожно выглянула на улицу. Следственная группа быстрым шагом двигалась в сторону обломков поезда, Бен шел впереди и, усиленно жестикулируя, о чем-то рассказывал командиру группы — высоченному усачу с таким количеством крестиков на погонах, что становилось жутко. Привратник Смерти шел последним, с таким видом, словно выбрался на прогулку. Эльзе даже почудилось, что он насвистывает, беззаботно глядя по сторонам.

Привычная жуть царапнулась в груди. Габриэль не найдет ее — Эльза точно это знала.

В дверь постучали. Эльза вздрогнула и тотчас же поняла, что бояться нечего, и это пришел тот самый портье Игорь, про которого упомянул Бен.

— Доброе утро, миледи, — Игорь сунул нос в дверь, когда Эльза негромко промолвила «войдите» и сказал: — Если готовы, то идемте. Есть тут домик лесника на болотах, пересидите там.

Эльза кивнула и шагнула к дверям.

Домик лесника оказался маленькой избушкой, настолько умело замаскированной среди бурелома, что если не знать о том, что она там есть, можно запросто пройти мимо и не заметить. Когда портье наконец-то привел Эльзу к избушке, солнце поднялось почти на середину неба. Лесная тропинка виляла между кустов и кочек так, словно прокладывал ее какой-то горький пьяница, забывший дорогу домой. Эльза едва не лишилась туфель, чудом не провалилась в бучило, которое скрывалось среди трав и, когда Игорь открыл дверь избушки, поклялась, что больше никогда и ни при каких обстоятельствах не пойдет на лесную прогулку.

— Вот, миледи, — Игорь тряхнул лампу, и артефакт в ней зажужжал, вырабатывая свет. — Отдыхайте, Пасть придет вечером. Еда в шкафу, книги на полке. Отдыхайте.

— Пасть? — переспросила Эльза. Она все еще стояла на пороге, не решаясь войти. Игорь протянул ей руку, и Эльза шагнула вперед.

— Господин ауф Перес. Видели, какая у него пасть? Таким бы ртом да медку хлебнуть, — Игорь рассмеялся незатейливой шутке и махнул рукой: — Отдыхайте, а мне в поселок пора.

Эльза, конечно, не стала его задерживать. Игорь вновь помахал ей на прощание и пошел обратно, легко перепрыгивая с кочки на кочку. Когда он скрылся за деревьями, Эльза прикрыла дверь и осмотрелась.

Домик был с секретом. Сейчас Эльза стояла на небольшой площадке возле лестницы, ведущей под землю. Посветив вперед лампой, она увидела, что лестница заканчивается просторной и на удивление чистой комнатой. Вспомнилось, что когда-то давным-давно в этих краях шла война, и, должно быть, избушка лесника была частью построек партизан.

Ну и ладно. Она проведет время в ожидании Бена в относительном уюте.

Спустившись вниз, Эльза обнаружила не только комнату, служившую, по всей видимости, общей, но и кухню, спальню, кладовую и даже уборную, оснащенную всем необходимым. Да тут вполне можно жить, никакой Привратник Смерти не обнаружит. Растопив плитку и поставив кофе, Эльза невольно вспомнила, как еще вчера утром она сидела на своей кухоньке и пила кофе, сваренный Габриэлем.

Ей невольно подумалось, что она совершила ошибку. Габриэль закрыл ее собой во время Прорыва — не задумавшись и не помедлив ни минуты. Он сурово покарал ауф Гиттеншена. Он...

Он все-таки был слишком жесток. А Эльза когда-то дала себе слово, что не будет вместе с человеком, который заставит ее бояться.

Стрелка медленно ползла по смуглой физиономии настенных часов, отсчитывая время. Эльза выпила кофе, перекусила ветчиной и сухарями из запасов в кладовой и,

устроившись на диване в общей комнате, стала ждать. Когда все уляжется, Бен придет сюда за ней. Вот Бен как раз Эльзе понравился. Добрый, открытый и смелый, он невольно располагал к себе.

В дверь наверху негромко постучали. Эльза быстро поднялась по лестнице и, открыв дверь, какое-то время шурилась на человека, стоявшего на пороге. Потом она узнала его, и ноги подкосились, а в животе разлился холод.

— Добрый вечер, Эльза, — негромко сказал Габриэль. — Позволишь войти?

Поиски оказались недолгими. Некоторое время шагая рядом с ауф Пересом, который активно жестикулировал, отвечая на вопросы командира следственной группы, Габриэль убедился, что от господина Беньямина действительно пахнет нарциссами и теплой Эльзиной кожей. Они не были любовниками, просто провели рядом довольно долгое время и успели завести приятельские отношения.

Этот Бен, кстати говоря, вызывал у Габриэля подозрения. Ехал в Александрию и вдруг решил проверить, как идут дела на его участке. Сошел с поезда за полчаса до крушения. Впрочем, это уже забота следствия — командир производил впечатление весьма толкового парня. Если что, он возьмет ауф Переса в оборот.

Габриэль смог отстать от группы и, некоторое время пережидая за стеной колючего кустарника, думал, что его пропажа только обрадует следователей. Что ж, пусть каждый занимается своим делом. Он приехал сюда искать Эльзу, живую или мертвую, и она была жива.

Запах нарциссов и девичьего тела струился в воздухе тоненькой лентой. Когда было нужно, Габриэль мог посоревноваться в чутье с лучшей сыскной собакой королевства — это была еще одна особенность Привратника Смерти, полезная, если вдуматься. Лента запаха текла в сторону от домишек, к лесу. Габриэль посмотрел на свою одежду и запоздало подумал, что гулять среди деревьев и кустов в щегольском костюме и легких ботинках из тонкой кожи — плохая идея.

Но делать было нечего.

И вот теперь он, искусанный комарами и пару раз едва не провалившийся в бучило, что коварно расстелилось почти под ногами, стоял на пороге хижины и смотрел на Эльзу, живую и здоровую. На миг Габриэлю показалось, что он перенесся в прошлое и снова видит Анастаси. Эльза сейчас смотрела на него в точности так же, как и его первая жена.

— Я очень рад, что ты жива, — с искренним теплом признался Габриэль. — Так что, позволишь войти?

Эльза покорно скользнула в сторону, словно привидение. Заглянув в избушку, Габриэль увидел лестницу, ведущую в схрон. Ну ее к бесу, не хватало еще свернуть голову на этих ступеньках.

— Как ты меня нашел? — глухо прошелестела Эльза. Сейчас она в самом деле казалась неживой. Должно быть, думала, что ауф Перес ее предал.

Габриэль достаточно знал людей, чтоб быть уверенным: случись что, ротастый Беньямин дал бы порезать себя на ломтики, но не сказал бы ни слова о том, где скрывается Эльза.

— Сунул твой волос в артефакт, — сообщил Габриэль и, посмотрев вправо, увидел поваленное дерево. — Пойдем, присядем?

Эльза послушно подалась за ним и с такой же робкой, нерассуждающей покорностью опустила на согретый солнцем ствол дерева. Запах страха окутывал ее, словно густая вуаль. Габриэль опустился рядом, приобнял Эльзу за плечи и, поцеловав в макушку, почувствовал, как она окаменела в его руках. Игрушка. Делай все, что захочешь.

— Почему ты уехала? — спросил Габриэль. Когда-то он задал Анастаси в точности такой же вопрос и сейчас знал, каким будет ответ.

— Я тебя боюсь, — призналась Эльза. Ее волосы были собраны в высокую прическу, и

завиток на шее, подсвеченный солнцем, сейчас казался золотым. Габриэль провел по нему кончиком пальца, и Эльза снова вздрогнула.

— Ты мне нравишься, — откровенно сказал Габриэль. — И я ведь не делаю тебе ничего плохого.

— Да, — выдохнула Эльза. — Но ты — это ты.

Логично. Логично и тоже предсказуемо до зубной боли. Интересно, если он сейчас обхватит ладонями эту теплую шею с мелкими брызгами веснушек, будет ли Эльза сопротивляться? Или просто даст себя убить?

Она была одета в простенькое дорожное платье, вырез едва-едва открывал очертания маленькой груди, скованной корсетом. Габриэль вспомнил, как заставил ее раздеться в их первый вечер, как в глазах Эльзы плескался ужас и стыд...

— Твоему товарищу Бенъямину предъявят обвинение во взрыве поезда, — сообщил Габриэль. И тогда Эльза ожила — обернулась к нему, и на ее щеках появился тревожный румянец. Теперь она была по-настоящему взволнована, и Габриэль ощутил легкий укол неприятного чувства, похожего на ревность.

— Он этого не делал, — выдохнула Эльза. — Ты знаешь, что он этого не делал.

Габриэль улыбнулся. Погладил Эльзу по прохладной щеке, убрал за ухо кудрявый локон, выпавший из прически. Он сейчас снова чувствовал себя живым, и ему нравилось это чувство.

— Я ему признателен за то, что он тебя спас, — улыбнулся Габриэль. — Но это не помешает мне его казнить за теракт. В поезде был один из заместителей министра безопасности, а у таких людей больше врагов, чем товарищей.

Эльза молчала. Похоже, она поняла, куда именно клонит Габриэль, и по ее усталому лицу скользнула тень. Габриэль подумал, что и сам устал с этими погонями за прекрасной дамой.

— Оставайся со мной, — сказал он, пытаясь вложить в эти слова все возможное душевное тепло. — Будь умницей и не пытайся убежать. И тогда твой друг проживет долгую и спокойную жизнь, в которой мы никогда не встретимся. Ну а если нет... Знаешь, какое наказание за участие в теракте против высших чиновников королевства? Снятие кожи. А я, к сожалению, давно не практиковался.

— Он этого не делал, — уверенно сказала Эльза. Сейчас, когда ее страх немного отступил, Габриэль поймал себя на мысли, что такая Эльза — живая и готовая сражаться — нравится ему еще больше.

— Ну так что? — спросил он. Солнце уже уползло за деревья, и лес наполнился таинственным золотистым сумраком. Пора отправляться домой — пластинка артефакта была наготове. — Что, Эльза? Да или нет?

— Будь ты проклят, — прошептала Эльза. — Да.

Габриэль устало подумал, что не успел сделать ей ничего дурного. Впрочем, ничего иного он и не ожидал. Трудно быть милой с тем, кто собирается спустить кожу с твоего спасителя.

— Моя умница, — улыбнулся Габриэль и, поднявшись с дерева, притянул Эльзу к себе. — Летим домой.

Артефакт послушно выплюнул их во дворец: увидев знакомые покои Габриэля, погруженные в спокойную вечернюю тишину, Эльза невольно вздохнула с облегчением. Не Красные комнаты, слава Богу. Впрочем, Привратнику Смерти никто не мешает проявлять его палаческое мастерство и в собственной спальне.

Габриэль аккуратно поставил сумку Эльзы в ближайшее кресло и как-то очень миротворенно и по-домашнему признался:

— Что-то я вымотался сегодня, как собака. Не люблю эти артефакты.

Эльза не знала, что на это можно ответить. Внутренний голос запоздало говорил, что ей следовало просто плюнуть на Бена — кто он ей такой, она его знает меньше двух дней, а ради таких случайных знакомств не следует совать голову в петлю. Совесть тотчас же подсказывала, что Бен вообще-то спас Эльзу и, конечно, не имеет никакого отношения к взрыву — он слишком порядочен и добр, чтоб вот так запросто убивать несколько десятков человек. В конце концов, если знаешь, что в поезде бомба, то зачем садиться в него, а потом сходить, навлекая на себя подозрения? А холодное здравомыслие утверждало, что она не смогла бы убежать от Привратника Смерти — он не отпустил бы ее просто так, и их общение могло бы закончиться для Эльзы на дне болота. Спальня Габриэля была намного приятнее.

Мысли метались, словно листья, подхваченные осенней бурей. Эльза никак не могла сосредоточиться на чем-то одном. Когда Габриэль подошел и с привычной вкрадчивой мягкостью опустил руки ей на плечи, Эльза вздрогнула и едва не закричала от неожиданности.

— Пойдем в бассейн, — негромко сказал Габриэль. Осторожно коснулся ее уха губами, пробежался кончиком языка по завитку раковины, слегка прикусил мочку: Эльзу охватило какой-то тягучей внутренней дрожью: так мед, пропитанный летним солнцем, медленно стекает с ложки. — Потом поужинаем. Потом спать.

«Оставайся со мной», — вспомнила Эльза, и ей показалось, что она услышала грохот решетки упавшей за спиной. Клетка захлопнулась, уже не убежишь.

Бассейн оказался небольшим и изящным. Эльза вспомнила рассказы баронессы Маргжетты, которыми она щедро делилась во время сеансов массажа: в подобных местах аристократы частенько устраивали любовные свидания. Интересно, сколько благородных дам побывало на этом маленьком диванчике, обтянутом красным шелком с золотой вышивкой... Габриэль постучал по мраморному краю бассейна, приводя в действие внутреннюю систему, и вода забурлила: в бассейн высыпались ароматические соли, поплыли белоснежные облака пушистой пены с едва заметным запахом лимона, над водой стали завиваться струйки пара.

— Ну вот, отлично, — Габриэль разделся, небрежно швырнул одежду на диванчик и спустился в воду. Запах лимона усилился, в него вплелись какие-то прохладные острые нотки. Габриэль поймал большой ком пены, устало подул на него и сказал: — Спускайся, Эльза. Я тебя не укушу, не бойся.

Ох, если бы дело было только в этом...

Негнушимами пальцами Эльза распустила шнуровку на платье и, медленно освободившись от одежды, подумала, что она со своим страхом и неумелой робостью сейчас похожа на крестьянку перед владетельным сеньором. Платье упало на мрамор пола, и Эльза медленно избавилась от белья — так, словно лишалась последней защиты.

«Хватит строить из себя невинность, — фыркнул внутренний голос. — Чего он у тебя не видел?»

Вода оказалась идеальной: не слишком горячей и не слишком холодной. По телу пробежала дрожь. В бассейне обнаружился внутренний бортик: Эльза присела на него так, чтоб из воды выступала только голова. Конечно, Габриэлю ничто не помешает подплыть и овладеть ею прямо среди всей этой пены. А потом придушить.

Впрочем, если бы он хотел ее смерти, то закончил бы всю эту историю еще в лесу.

— Что я сделал не так? — лениво поинтересовался Габриэль, запрокинув бледное осунувшееся лицо к изящным лампам под высоким потолком. Серые волосы распушились от пара.

— Ты меня душил, — призналась Эльза. Габриэль усмехнулся, снова поймал ком пены и сдул с пальцев.

— Тебе понравилось, я заметил, — сказал он, и Эльза смущенно отвела взгляд, вспомнив, каким страхом и томительной сладостью был наполнен тот миг перед обмороком. — Да и

прежде никто не жаловался.

— Наверно, не все выжили, — съязвила Эльза и тотчас же пожалела об этом. Габриэль усмехнулся и, с мягким испытующим прищуром посмотрев на нее, ответил:

— На самом деле умерла всего одна женщина. Моя вторая жена. И тут виной уже не мои действия, а то, что она стала дергаться, отбиваться и перетянула петлю. Я просто не успел ничего сделать.

Он говорил об этом с таким спокойствием, что Эльзу пробрал озноб. Именно этого она и боялась. Габриэль убил свою вторую жену, еще неизвестно, куда девалась первая, и ясно, что Эльзу вряд ли ждет что-то хорошее.

— Не души меня, — твердо сказала она, и видит Бог, эта твердость стоила невероятных сил. — Я не хочу. Я вижу, что тебе это нравится, но пожалуйста...

Эльза в принципе понимала, каким будет ответ. Мало ли, что ты не хочешь? Хозяйка здесь не ты, и никто не спрашивает твоего мнения по поводу того, каким именно образом тебя иметь. Но к удивлению Эльзы, Габриэль только плечами пожал.

— Ну... хорошо, — ответил он. — Ладно. Ты права, такие вещи надо решать до того, как все начинается. И я вел себя не совсем так, как приличествует джентльмену.

Этого Эльза не ожидала. Такие люди никогда не признают своих ошибок — обычно они перекладывают вину на других.

— Я ведь Привратник Смерти и королевский палач, — добавил Габриэль. Неторопливо подплыл к Эльзе и, в очередной раз зачерпнув пены, принялся неторопливо намыливать ее плечи. — От меня нельзя ждать чего-то сладенького и миленького.

Его пальцы двигались неспешно, то едва дотрагиваясь до кожи, то вдруг почти винчиваясь в плечи. Эльза почувствовала, как тело наполняется покорной вязкой слабостью под чужими ладонями, а соски твердеют. Это было пугающее, губительное ощущение — в висках пульсировал страх, душа захлебывалась, крича «Нет! Нет! Не надо!», но тело предательски отзывалось на умелые прикосновения, то невесомые, то уверенные и сильные.

— Я и не жду ничего сладенького... — проговорила Эльза. — Просто не делай мне больно.

Синяки, оставленные в их первую ночь, еще не побледнели, они по-прежнему лежали на бедрах и охватывали запястья уродливыми браслетами. Губы Привратника Смерти скользнули по шее Эльзы к ключицам, ладони с прежней неспешностью поплыли по спине и с мягкой уверенностью сжали ягодицы.

— Не бойся, — услышала она. — Ничего не бойся.

Поцелуй был таким же, как и в их первую ночь — осторожным, словно Привратник Смерти пробовал губы Эльзы на вкус, словно боялся спугнуть ее резким движением. Эльза чувствовала себя маленьким и робким животным в сильных лапах властного хищника и с ужасом понимала, что это чувство наполняет ее теплом и покорностью, а вода, обнимавшая их горячими ласковыми волнами, дарила легкость и какую-то непривычную нежность.

Эльза словно бы наконец-то очутилась на своем месте.

— Пойдем на сушу, — негромко произнес Габриэль и плавно подтолкнул Эльзу к ступенькам.

Музыкальный артефакт медленно крутился на подставке, наполняя спальню медовыми мазками света и едва слышной музыкой — Третья соната Аквини казалась чьим-то легким дыханием. Габриэль накручивал каштановый локон Эльзы на палец и лениво размышлял о том, чем именно она так его зацепила.

Когда они пришли из бассейна и замерли возле кровати, то Эльза, укутанная в пушистое белое полотенце, растрепанная, влажная и горячая, вдруг робко дотронулась до плеча

Габриэля. Сделала крошечный, почти незаметный шагок ему навстречу, и это было похоже на солнечный удар. Это обжигало и заставляло дрожать.

Несмотря на потерю девственности, Эльза сохраняла в себе ровный свет невинности — и этот свет обернулся пламенем, драконьим огнем, который опалил их обоих.

Она боялась себя больше, чем его. Она была кроликом в лапах тигра, жертвой, которая смирилась со своей участью и отдалась ей. И в то же время Габриэль понимал, что жертва здесь — он. Он сдавался перед этой робкой нежностью, он терял самого себя.

Похоже, они оба были отравлены друг другом. И противоядие можно было найти лишь сплетаясь в объятиях.

Полотенце упало возле кровати — Габриэль отшвырнул его нервным пинком. У Эльзы была маленькая грудь с остро торчащими розовыми сосками — целуя их, Габриэль ловил губами биение чужого сердца, быстрое и порывистое. От теплой кожи поднимался запах лимонов и чего-то еще, потаенного, сокрытого в такой глубине души, что при всем желании не дотянуться. Габриэль исступленно целовал девушку, то и дело срываясь и тотчас же осаживая себя, закатывая внутреннюю оплеуху: мягче, нежнее, не оставлять укусов, не сжимать в объятиях до хруста костей... Это было мучительно, это помрачало разум — но Эльза, пусть по-прежнему робко и испуганно, но все же отзывалась на его поцелуи и прикосновения. И от этого становилось легче.

Она послушно раздвинула ноги и подалась навстречу, принимая Габриэля в себя — в этот миг в ее глазах не было темной нерассуждающей покорности жертвы. Было лишь желание, которое она хотела утолить в объятиях своего мучителя. И Габриэль с той же обжигающей страстью вбивался в хрупкое девичье тело, пахнущее лимонами и грозой, и, сжимая в ладонях ее закинутые за голову запястья, понимал: этого мало. Ему этого мало.

Эльза была жизнью и хотела жить. А он принадлежал смерти, и в этом-то и была вся беда.

И он все-таки не удержался. Когда узкое горячее лоно сжалось, а пальцы Эльзы судорожно впилась в его плечи, Габриэль все-таки надавил на одну точку на влажной девичьей шее. Широко распахнутые глаза Эльзы помутнели, она обмякла на скомканной простыне, и тонкая ладонь безвольно соскользнула с плеча Габриэля. В этот миг девушка была настолько трогательной, настолько прекрасной и желанной, что он и сам не понял, как кончил. Просто зашумело в ушах, словно где-то рядом проснулось море.

И теперь они лежали рядом, артефакт неспешно вращался на подставке, разбрызгивая пятна света и придавая растрепанным волосам Эльзы медовый оттенок, и Габриэль впервые за долгое время ощущал какое-то ровное спокойствие. Ему было хорошо. Он наконец-то понял, чем именно его так зацепила юная костоправша. Эльза просто была живой, вот и все.

— Ты же обещал меня не душить, — прошелестел негромкий голос. Габриэль задумчиво улыбнулся, погладил Эльзу по плечу и ответил:

— Я и не душил. Послушай, тебе правда ничего не угрожает. Я знаю, что делаю.

Разумеется, Эльза ему не поверила. Шмыгнула носом, и ее обнаженная спина дрогнула.

— Должно быть, ты говорил то же самое своей жене, — услышал Габриэль.

— Верно. Она мне не верила, так же, как и ты, — ему сейчас меньше всего хотелось вспоминать то, как завершился его второй брак, но от этого, похоже, было не уйти. — Если бы верила и не делала лишних движений — мы бы жили долго и счастливо.

Габриэль с искренней горечью усмехнулся и добавил:

— Я — счастливо. А она — долго.

Эльза обернулась к нему, и Габриэль увидел, что в глазах девушки стоят слезы. Будь на его месте братец Арканжело — Эльза непременно получила бы пощечину и напутствие не раздражать, если уж лежишь в постели с джентльменом королевских кровей. Но

Габриэля не раздражали женские слезы.

— А первая? — спросила Эльза. Габриэль улыбнулся. Лег удобнее, обнял Эльзу и подумал, что надо бы все же выбраться из кровати и пойти в малую столовую, поужинать.

— Она уехала почти сразу же после нашей свадьбы, — признался Габриэль. — Мы разведены.

Эльза дышала легко-легко. Она казалась птичкой на ладони — крошечной тропической птичкой, прилетевшей в его привычное существование на грани жизни и смерти.

Габриэль успел ее присвоить — но так и не знал, что с ней делать.

— Хочешь кофе? — спросил он.

Время было позднее, и в малой столовой горела всего одна лампа, делая зал действительно маленьким и очень уютным. Служанка, которая занималась разгадыванием крестословиц, при появлении Габриэля и Эльзы услужливо вскочила со стула и замерла, глядя на них и едва не разевая рот от удивления. Конечно, очередная подруга Привратника Смерти — невероятно интересное зрелище.

Пожалуй, впервые в жизни Габриэль подумал о том, чтоб окончательно съехать из дворца. У него была квартира в Лютном проулке, самом элитном районе столицы — можно было бы поселиться там с Эльзой...

— Кофе, пожалуйста, — сказал он и тотчас же спросил: — Впрочем... что было на ужин?

— Лосось на овощной подушке, ваша светлость, — с готовностью ответила служанка, не сводя с Эльзы любопытного взгляда. — А на десерт трингольский пирог. Прикажете накрывать?

— Да, мы поужинаем, — кивнул Габриэль и отодвинул стул для Эльзы. Служанка взметнула юбками и помчалась на кухню. Когда Эльза села — вид у нее был, конечно, удивленный и растерянный — то Габриэль устроился напротив и сказал:

— Знаешь, я действительно признателен юному ауф Пересу. Он тебя спас.

По лицу Эльзы скользнула тень, словно Габриэль дотронулся до того, к чему не имел никакого права прикасаться. Да быть того не может, она не успела влюбиться в своего спасителя — просто испытывала вполне естественную благодарность и тот интерес, которые многие путают с влюбленностью. И этого было вполне достаточно, чтоб зародилась привязанность, на которой Габриэль и сыграл.

— Он не имеет отношения к взрыву, — в голосе девушки звучало упрямство, от расслабленной покорности жертвы не осталось и следа. — И ты это прекрасно знаешь.

— Я хочу познакомиться с ним поближе, если следствие не возьмет его в оборот, — сообщил Габриэль, и Эльза тотчас же изменилась в лице, будто с трудом сдерживала желание закричать.

Появились служанки с огромными подносами — ужина хватило бы, чтоб накормить роту солдат, не то, что голодную пару. Жан-Жак, любитель рыбы, наверняка одобрил бы эту лососину: нежное розовое мясо расслаивалось на тонкие ломтики, стоило дотронуться до него вилкой, а потом таяло во рту вместе с ароматными овощами и соусом. Когда девицы поклонились и убежали на кухню, Эльза хмуро поинтересовалась:

— Зачем тебе это?

— Мне интересно, — признался Габриэль. — Про молодого ауф Переса давно ходят странные разговоры. Дескать, у него какое-то сверхъестественное чутье, которое позволило ему сколотить состояние и играть на бирже, не зная проигрыша.

— Не смей, — прошептала Эльза, и ее тонкие, аккуратно очерченные ноздри гневно вздрогнули. Габриэль подумал, что ему всегда хотелось именно этого: чтоб хоть какая-то живая душа всегда была за него при любых обстоятельствах.

Все они действительно были живыми. А он — нет.

— Знаешь, мне иногда снится сон, — вдруг признался Габриэль. — Словно я иду под низким кроваво-красным небом по полю нарциссов. Просто иду, ничего больше не делаю. Мне кажется, это и есть мой настоящий мир, Эльза.

Девушка замерла. Губы задрожали, словно она молилась.

— Я Привратник Смерти, — устало усмехнулся Габриэль. — Вы все живы, а я смотрю на вас из мира мертвых. И я, как и вы все, хочу самого простого.

Он сделал паузу, сделал глоток ледяной минеральной воды и в очередной раз понял: ничего не получится. Пропасть между ним и всеми остальными слишком глубока. Можно попытаться перепрыгнуть ее или перебросить мостик, но все равно все останется по-прежнему.

— Чего же? — едва слышно спросила Эльза. В ее глазах за привычным уже страхом было что-то, удивительно похожее на понимание и сочувствие. Габриэль вздохнул: лучше не обольщаться.

— Любви, — ответил он. — Тепла. Чтоб рядом со мной был кто-то. Неожиданно, правда?

Эльза кивнула.

— Честно говоря, да, — призналась она, механически пластая вилкой кусок лосося. — Это все делается не так, Габриэль.

Габриэль удивленно поднял левую бровь. Откинулся на спинку стула. Откуда-то сверху донеслась музыка: Августе не спится, только она может слушать такую дрянь.

— А как надо? — спросил он и развел руками. — Научи.

Эльза усмехнулась и отвела взгляд.

— Для начала надо было не душить меня, — сказала она, и в ее голосе слышалась отчетливая дрожь: девушка боялась. — И быть мягче. И не тянуть с собой на веревке, угрожая убить человека...

— И тогда у меня были бы шансы, — произнес Габриэль, вдруг поймав себя на том, что левый угол рта у него оттянут книзу в какой-то нервной гримасе. Эльза вздохнула и ответила:

— Нет.

Это было хотя бы честно, и Габриэль был благодарен Эльзе за эту честность. В отличие от светских красавиц, которые в свое время шли на все, чтоб оказаться в его постели, эта девушка позволяла себе острую, почти болезненную откровенность.

— И, тем не менее, тебя ко мне влечет, — констатировал факт Габриэль. — А то, что тебя влечет к королевскому палачу, внушает тебе ужас. До того, что ты начинаешь брезговать и мной, и собой. Не стоит, Эльза, ты просто напрасно тратишь время и силы.

На щеках девушки расцвел стыдливый румянец, словно Габриэль исподволь ковырнул ее душу и причинил боль.

— Я королевский палач и Привратник Смерти, — с горечью повторил Габриэль. Ему очень давно не было так горько — возможно, с момента гибели родителей. — Помогите мне стать живым, Эльза.

Лицо Эльзы снова дрогнуло, и по нему проплыла тень — словно большая рыба выпрыгнула из воды и исчезла.

— Я попробую, — сказала Эльза после долгого глубокого молчания. — Не обещаю, Габриэль, но я попробую, — она снова помолчала и добавила: — Мне жаль тебя. Ты одинок и очень несчастен.

— Что ж, — Габриэль попробовал улыбнуться, и, к его удивлению, у него это

получилось. — Это хотя бы что-то.

Глава 4

Проснувшись, Эльза не сразу поняла, где находится. Это место не имело отношения ни к спальне в ее квартире, ни к номеру в гостинице Лесного Угла. Потом понимание навалилось на нее тяжелой пуховой подушкой: это же покои Привратника Смерти. Стены, обитые серебристым шелком, высокие окна с тонкими полупрозрачными занавесками, на потолке — богиня осени, рассыпающая листья и плоды.

Когда Эльза входила сюда неделю назад, то и подумать не могла, что совсем скоро будет спать в этой кровати, похожей на заснеженное поле.

Утро было ранним и сонным, за окнами едва начало светать. Габриэль спал, седые волосы рассыпались по подушке. Из-под одеяла выглядывало его плечо, в утреннем сумраке показавшееся Эльзе плечом мраморной статуи. От Привратника Смерти веяло чем-то ненастоящим, словно он ушел, оставив вместо себя голема или манекен. Сев в постели, Эльза некоторое время смотрела на него, вспоминая их разговор за ужином.

Что ему снится? Поля под красным небом, цветы, которые называют короной мертвых? Габриэль ведь не виноват в том, что стал Привратником Смерти — у него не было выхода, в точности так же, как и у Эльзы. Он вынужден делать свою работу, грязную и страшную, и никогда не сможет от нее отказаться.

И с людьми он ведет себя так, как привык. Джентльмену королевских кровей положено быть гордым, заносчивым и равнодушным к тому, что хотят и чувствуют окружающие. Габриэль просто берет то, что хочет. Захотел Эльзу — и взял ее. Шантажом. Просто потому, что не знает, как иначе добиться девушки. Ему никогда не приходилось добиваться любви — наверняка благородные дамы сами прыгали в его кровать, желая попробовать что-то необычное и опасное.

Эльза почувствовала, как в груди копится гнев. Она неслышно выбралась из-под одеяла и, подойдя к маленькому столику у окна, плеснула в стакан ледяной минеральной воды. Габриэль в самом деле одинок и очень несчастен. Стоит посреди своего нарциссового поля и знает, что оттуда нет выхода. Он не просто слуга Смерти, он ее пленник, и в его клетке нет двери.

И он и дальше будет душить Эльзу — по той простой причине, что любит то, что умирает, и боится чего-то другого.

— Не спится?

Эльза вздрогнула и едва не расплескала воду. Габриэль смотрел на нее, в его глазах не было ни капли сонной мути — Привратник Смерти выглядел бодрым и энергичным. Должно быть, всегда поднимался на рассвете.

Сейчас он казался Эльзе счастливым.

— Мне нужно домой, — сказала Эльза. А ведь она и не думала, что вернется в свою квартиру. Ей хотелось уехать в Александрию и начать там новую жизнь...

Габриэль усмехнулся. Похлопал ладонью по одеялу рядом с собой.

— Отвезу после завтрака. Иди сюда.

Эльза послушно приблизилась к кровати. Габриэль задумчиво взял ее за руку, провел указательным пальцем по синякам на запястье.

— Твой багаж сгорел, насколько я понимаю, — сказал он и потянул Эльзу к себе. Она села на край кровати и ответила:

— Да. Но дома есть вещи, конечно. И надо купить для массажа...

Габриэль усмехнулся и сказал так, что у Эльзы пропало всякое желание с ним спорить:

— Пациент у тебя теперь один. Я. Мы и так пропустили несколько сеансов.

Чего-то в этом роде Эльза и ожидала. Такой, как королевский палач, не допустит, чтоб

его женщина прикасалась к кому-то еще. Постоянное существование рядом со смертью невольно превращает человека в собственника. Габриэль словно прочитал мысли Эльзы, потому что спокойно добавил:

— Можешь считать меня драконом, который сторожит сокровище. У меня сейчас похожее чувство.

— Драконов не бывает, — только и смогла ответить Эльза. Габриэль улыбнулся.

— Говорят, на юге еще живут. Крадут самородки у старателей, — и он добавил без перехода: — У меня квартира в Лютном проулке, после обеда поедем туда. У меня пока нет какой-то особенной работы, но если появится, я просто приеду во дворец. Там очень хорошо, сама увидишь.

Лютный проулок... Когда-то Эльза жила там — не в самом лучшем доме, почти на краю района, но все же. Тогда мама была еще жива, а отец не успел проиграться. Возле их дома был маленький вишневый сад, а над красной дверью была нарисована золотая лютия, как и над всеми дверями в этом районе. Эльза все бы отдала, чтоб вернуться туда — повернуть бронзовую ручку, толкнуть красную дверь и войти в мир, в котором все по-прежнему хорошо.

— Я там жила в детстве, — призналась Эльза, и голос прозвучал печально и глухо. — Лютный, сто пять. А потом отец проигрался, и нас выселили...

Габриэль снова взял ее за руку. Мягко пробежался кончиками пальцев по ладони, словно хотел прочесть судьбу по начерченным линиям. Помнится, мама гадала Эльзе, рассматривая ее руки, и говорила: дочка, ты проживешь очень долгую и очень счастливую жизнь, и твой любимый всегда будет рядом.

Линии лгут.

— Мне очень жаль, — спокойно сказал Габриэль. — Хочешь, выкуплю этот дом? Будет только твой. Будешь делать там все, что захочешь.

Что-то внутри так и заорало во всю мощь голосом баронессы Маргжетты: «Не хлопай ушами, пусть покупает! Рано или поздно, ты ему надоешь, а дом останется! Твой, в котором ты выросла, в котором в каждом уголке живут твои воспоминания и твое детство..!»

Эльза отрицательно покачала головой.

— Нет, Габриэль. Это лишнее. Это слишком дорогой подарок.

— Как строго, — усмехнулся Габриэль. — Подруг ведь положено баловать, а ты не позволяешь мне этого делать.

— Это слишком, — строго сказала Эльза. Габриэль улыбнулся и снова погладил ее по запястью.

— Хорошо, придумаю что-нибудь еще. И дам тебе мазь от этих синяков, — он вздохнул и добавил: — Надо бы еще узнать, как дела у ауф Переса.

— Оставь его в покое! — буквально взвилась Эльза. — Он ничего тебе не сделал! И во взрыве он не виноват!

Она и сама не знала, что вызвало у нее такую волну гнева и обиды. Возможно, лишнее напоминание о том, как именно Габриэль вынудил ее быть с ним — или вновь всплывшее понимание того, что она чисто случайно избежала страшной, мучительной смерти. Все это время Эльза отталкивала от себя понимание того, что поезд взорвался, что люди в нем погибли — это было страшное горе, это было слишком жутко и больно. В ноздрях до сих пор стоял запах гари: Эльза всеми силами старалась не замечать его, потому что иначе у нее началась бы истерика.

Если бы не Бен, который остался в Лесном Углу и, возможно, уже арестован за преступление, которого не совершал, Эльза сейчас была бы мертва.

Габриэль миролюбиво вскинул руки, словно сдавался.

— Я ведь обещал, что не трону его. Будь так добра мне поверить.

Эльза прекрасно понимала, что ей будет очень трудно это сделать. Почти невозможно.

По звонку Габриэля служанка принесла поднос с кофе, тостами и джемом — Эльза подумала, что завтрак какой-то девичий, так кушают только юные и не очень леди, которые пристально следят за количеством жира на талии и бедрах. Но Привратник Смерти обошелся лишь чашкой кофе и, выглянув в окно, сообщил:

— Собирайся, Эльза, надеюсь, мы успеем до дождя. Заберем твои вещи и купим новые.

Но они не успели. В дверь постучали — на пороге обнаружился очень чопорно выглядевший господин в черном костюме домоправителя. Он смерил Эльзу пристальным оценивающим взглядом, затем уже подчеркнуто уважительно взглянул на Габриэля и проговорил:

— Ваша светлость, его величество Георг и ее величество Марта желают побеседовать с вашей подругой. Сейчас.

Эльза так и села — опустила на край кресла и растерянно подумала о двух вещах: она и предположить не смела, что когда-нибудь станет разговаривать с королем и королевой — и при этом предстанет перед владыками в простеньком, почти затрапезном платье, в котором еще вчера ходила по лесу. Наверняка они подумают, что Габриэль крайне неразборчив, притащил во дворец какую-то замарашку... Эльза оторопело взглянула на Габриэля, но тот только кивнул.

— Да, господин Мишель, она сейчас придет. Дядя в оранжерее?

— Да, ваша светлость, — господин Мишель уважительно склонил абсолютно лысую голову. — Как всегда. Госпожа, — он обернулся к Эльзе, — я вас жду в коридоре.

Когда он вышел, Эльза некоторое время испуганно смотрела на дверь, а затем проговорила:

— О Господи, что же делать...

— Пустяки, — Габриэль только рукой махнул. — Побеседуют с тобой пару минут, потом поедем.

— Они вызывают на разговор всех твоих женщин? — глухо спросила Эльза. Нарастающий страх был похож на тот, который испытываешь перед экзаменом: входишь в просторный светлый зал на подкашивающихся ногах, подходишь к столу преподавателя, и в животе делается холодно и пусто, а в ушах поднимается свистящий звон.

— Ну, они не знают только тебя, — сообщил Габриэль и добавил: — Иди, не бойся. Они хорошие.

Эльза готова была в это поверить.

Но что-то все же мешало.

Сам факт того, что их величества поднялись в такую рань, чтоб посмотреть на любовницу их племянника, пугал Эльзу до дрожи. Шагая следом за лысым господином Мишелем, Эльза едва не путалась в подоле собственного платья — по счастью, ее спутник понимал, насколько она взволнована и не поторапливал ее.

Оранжерея располагалась на первом этаже, и эта часть дворца уже не спала: едва слышно щелкали ножницами садовники, которые подравнивали кусты, откуда-то доносилось размеренное шарканье метлы дворника по плитам дорожки, а из оросительной системы с шипением разбрызгивалась вода по цветам. Господин Мишель провел Эльзу среди тропических пальм, в верхушках которых возились и щебетали невидимые снизу птицы, и, указав на туннель из алых плетистых роз, сообщил:

— Их величества всегда ведут частные разговоры в этом месте. Идите прямо, потом направо. Не заблудитесь. Всего доброго.

— Всего доброго... — оторопело откликнулась Эльза, и господин Мишель бесшумно шагнул в сторону выхода.

Господи Боже, она увидит короля и королеву! И честь, и невероятный страх. Несколько секунд Эльза стояла неподвижно, механически комкая подол платья, а потом вытерла влажные ладони и решительно направилась туда, куда было указано. Незачем оттягивать неминуемое.

Эльза услышала голоса как раз в тот момент, когда поняла, что господин Мишель что-то напутал, и она заблудилась. Туннель из розовых кустов был бесконечным, он несколько раз сворачивал то в одну, то в другую сторону, и Эльза успела прийти в отчаяние.

— Ауф Арэйнес благородная семья, — произнес женский голос, и Эльза вздрогнула и замерла, словно жертва у самых лап хищника. — Значит, у девушки есть воспитание и манеры. Ну а то, кем она работает по сиротству своему, это уже пустяки.

К щекам прилила кровь. Разумеется, служба безопасности не дремала, и наверняка об Эльзе навели справки еще в первое ее появление во дворце. Но услышать о том, что люди знают всю ее историю, было все-таки неожиданно.

— Ты знаешь, Марта, я рад, что она живая, — сказал мужчина, — а не как в прошлый раз.

Эльза ахнула и закусила губу. Королева всплеснула руками.

— Георг, ну что ты говоришь-то такое! — воскликнула она. — Неужели ты веришь в эту грязь!

Чего еще ожидать от Привратника Смерти, кроме того, что он спит с покойницами... Эльзе стало грустно. Габриэль мог бы быть хорошим человеком, но ему просто не давали этого сделать.

Всем нужен был только палач. Чудовище.

— Ну, не знаю, не знаю, — чуть ли не сконфуженно произнес его величество и признался: — Я не верю, честно тебе скажу. Но болтают со знанием дела.

Эльза сделала несколько шагов, и туннель из роз остался за спиной — она вышла к маленькому фонтану, который выплевывал из мраморного горла чуть зеленоватую воду. На скамеечке сидели те люди, которых Эльза видела только на официальных портретах и дагерротипических снимках в газетах. Сейчас ни король Георг, ни королева Марта не выглядели строгими венценосцами — Эльзе показалось, что перед ней сидит самая обычная супружеская пара, которая хотела взглянуть на избранницу своего племянника.

— Ваши величества... — голос окончательно сел с перепугу, и Эльза смогла только поклониться. Королева ласково улыбнулась ей, а его величество указал на соседнюю скамью и доброжелательно произнес:

— Доброе утро, дитя мое. Присаживайтесь, побеседуем по-родственному.

Эльза послушно опустилась на скамью, не чувствуя ни скамьи, ни ног. Его величество обернулся к жене с таким видом, словно искал у нее поддержку, и произнес:

— Начни ты, дорогая, как женщина...

— Эльза, мы хотели познакомиться с вами, — начала королева с той улыбкой, которую Эльза обычно видела у мамушек и тетушек, живущих с ней по соседству, когда они предлагали ей отведать пирога, — и поговорить о Габриэле. Ваши отношения уже не просто рабочие, верно?

— Да, ваше величество, — откликнулась Эльза, все еще не в силах поднять глаз. Созерцание носков тифель было намного приятнее. Вот еще какая-то соринка в траве.

— Мы очень любим Габриэля, — продолжала королева. — Его родители погибли много лет назад, мы с Георгом растили его, как собственного сына. Габриэль рассказывал вам, как стал Привратником Смерти?

— Нет, ваше величество.

Королева вздохнула.

— Он и его родители попали в Прорыв пятнадцать лет назад, — с искренней горечью сказала ее величество. — Они погибли, а Габриэль выжил... Смерть сама выбрала его и отметила как своего Привратника. Вы не представляете, Эльза, как тяжело видеть ребенка — несчастного, изувеченного этой ношей, и не мочь изменить его участь.

— Мы очень его любим, — вздохнул государь. — И хотели бы поговорить с вами не как король и королева, а как люди, которые дорожат своим ребенком. Насколько глубоки ваши отношения?

— Он хочет, чтоб мы жили вместе, — негромко сообщила Эльза и наконец-то отважилась посмотреть на его величество. Самый обычный, даже заурядный немолодой мужчина весьма блеклой внешности, больше похожий на пекаря, чем на короля — от этого сравнения Эльзе стало легче на душе, и она наконец-то перестала бояться.

— А вы? — спросила королева. — Что вы об этом думаете?

— Я сирота, ваше величество. Когда-то моя семья была благородной, но от этого остались только воспоминания, — ответила Эльза. — И если меня выбрал ваш племянник, то я могу только принять его выбор и сделать все, чтобы он был счастлив.

Конечно, желания Эльзы не имели никакого значения — она просто сказала то, что от нее хотели услышать. Ей следовало знать свое место — место девушки, волей судьбы приближенной к племяннику короля. И Эльза его знала.

— Вы и сами понимаете, милая Эльза, что Габриэль особенный, — сказала королева. — Этого уже не исправить, с этим можно только смириться. Я говорю с вами искренне, как женщина и мать: он достоин любви. Его не переделать — но можно принять таким, каков он есть. В нем есть и доброта, и тепло, и понимание. Если вы их увидите и оцените, то обязательно будете счастливы.

— И если что, всегда обращайтесь к нам напрямую, — сказал его величество и, бездумно сорвав какой-то мелкий цветочек, принялся механически крутить его в пальцах. — Мы поможем вам во всем.

— Благодарю вас, ваше величество, — ответила Эльза и вдруг призналась: — Мне действительно страшно. Но я попробую с этим справиться. Я сделаю все, что смогу.

Не рассказывать же им, что Габриэль шантажировал ее смертью друга, чтоб добиться своего. Они бы наверняка сказали, что он все сделал правильно: люди его круга всегда получают то, что хотят. Королева махнула рукой.

— Это совершенно нормально, моя дорогая. Я не знаю, какие нужно иметь нервы, чтоб не бояться королевского палача. Но загляните за свой страх, и увидите там хорошего человека. Я не сомневаюсь, что вы будете счастливы с Габриэлем. И да, вы всегда можете прийти к нам за помощью или советом.

— Благодарю вас, ваше величество, — улыбнулась Эльза. Сейчас она была очень признательна этой немолодой женщине в легком утреннем платье, которая искренне пыталась донести до нее свою любовь к племяннику. Эльзе подумалось, что королева Марта понимает ее и разделяет ее страх. Это и в самом деле страшно: смотреть на ребенка и понимать, что совсем скоро он войдет в Красные комнаты и станет выполнять страшную и грязную работу.

— Я хотел уточнить еще вот что, — произнес король, и Эльза внутренне сжалась. — Служба безопасности изучала вашу биографию и выяснила, что вы были помолвлены с неким Гектором Сандини.

Эльзе показалось, что у нее остановится сердце, и она свалится с этой скамейки прямо

под ноги королю и королеве, настолько ей стало больно.

— Да, была, — ответила она и посмотрела в глаза королю: ей нечего было скрывать, и было, чего стыдиться. — Этот человек был моим женихом, и я его любила всем сердцем. Насколько, что отдала ему свою честь. После этого он бросил меня. Вот и все.

Эльза и сама не ожидала, что сможет настолько спокойно и равнодушно говорить о своем позоре и страдании. Банальная и простая история — ловелас соблазнил простушку красивыми словами, получил то, что хотел, а затем бросил. Не она первая, не она последняя. И Эльза была настолько глупа, что любила его — настолько, что тяжело заболела после того, как Гектор бросил ее.

— Я хотел услышать вашу историю именно от вас, — ободряюще улыбнулся король. — Все хорошо, Эльза. Я надеюсь, вы подарите счастье Габриэлю и сможете стать счастливой сами.

Эльза очень сильно сомневалась в том, что человек, имеющий привычку душить своих любовниц, чтоб достичь оргазма, в принципе способен обрести счастье. Но, конечно, королю и королеве лучше об этом не говорить.

— Я тоже на это надеюсь, ваше величество, — ответила Эльза, и король поднялся со скамьи.

— Не забывайте, — сказал он. — Если вам понадобится наша помощь — мы поможем.

Квартира Габриэля занимала второй и третий этаж аккуратного дома, стоявшего в вишневом саду. Конечно, он не имел никакого отношения к тому месту, где прошло детство и юность Эльзы, но, когда красная дверь с маленькой золотой люткой открылась перед ней, Эльзе на миг почудилось, что она вернулась в прошлое. Не было этих мучительных долгих лет одиночества и обмана, и Эльза снова стала собой — тоненькой девочкой-певуньей, которая верила, что мир полон любви и света.

А потом все кончилось. Любовь прошла, а ее свет погасили.

Штат прислуги состоял из дворецкого, поварихи и двух служанок: сейчас они выстроились в просторном холле Габриэлевой квартиры, приветствуя Привратника Смерти и Эльзу, и по их лицам никак нельзя было определить, что они чувствуют: только спокойная доброжелательность и готовность выполнить любой приказ хозяев.

— Доброе утро, ваша светлость, — сказал дворецкий, и все поклонились. — Доброе утро, миледи.

— Здравствуйте, Гарт. Теперь все будет, как всегда, — улыбнулся Габриэль и протянул дворецкому свою шляпу и перчатки. — Не показывайтесь нам на глаза, это самое главное.

— Да, ваша светлость, — кивнул дворецкий: похоже, слова Габриэлянисколько его не удивили. — Какими будут ваши распоряжения?

— Обед в три часа, ужин в семь, — бросил Габриэль, проходя в гостиную. Эльза потянулась за ним и первым делом заметила копну свежесрезанных нарциссов в хрустальной вазе на маленьком столике с витыми ножками: слуги успели подготовиться к появлению хозяина. — Кофе в любое время суток.

— И свежие нарциссы каждые два дня, ваша светлость, — дворецкий уважительно склонил голову. Габриэль улыбнулся.

— О, вы помните, — произнес он с искренним удивлением. — Это очень мило с вашей стороны.

— Это моя работа, ваша светлость, — почтительно ответил дворецкий, и в его голосе прозвучали довольные нотки. — Что пожелает миледи?

Габриэль вопросительно посмотрел на Эльзу — та настолько задумалась, глядя на картину на стене, изображавшую бурю на море, что пропустила слова дворецкого мимо ушей. Заметив, что Габриэль смотрит на нее, Эльза опомнилась и ответила:

— Ничего... пока ничего. Спасибо.

Дворецкий с достоинством отдал им очередной поклон и вышел из гостиной. Габриэль подошел к вазе с нарциссами и некоторое время смотрел на цветы, словно пытался вспомнить о чем-то и не мог.

— Как тебе дом? — спросил он: не потому, что ему было интересно — просто чтоб переключиться от одних мыслей к другим.

— Красивый, — ответила Эльза. — Очень похож на тот, в котором я жила с родителями.

— Мое предложение в силе, — Габриэль опустился на диванчик и похлопал ладонью по серому шелку обивки, расшитому пышными розами и пионами. Эльза села рядом, и Габриэль продолжал: — Подумай, не отказывайся сразу. Мне в самом деле будет приятно это сделать.

Эльза вспомнила, как в юности любила петь, и ее голос летел по всем комнатам дома — звонкий, веселый, у нее даже сложный сонет Тарквини получался, а это вам не шутки, не каждая оперная певица справится. Но потом в ее жизнь пришел Гектор Сандини, и с тех пор она больше не пела. Сжала душу в кулак, пошла работать, и все песни остались только в воспоминаниях вместе с мечтами и надеждами. Она уже давно не заглядывала туда, где все это хранилось. Незачем.

— Спасибо, но это слишком дорогой подарок, — ответила Эльза. — Племянник короля может его подарить, но костоправша... костоправша его принять не может.

Габриэль вздохнул. Взял Эльзу за руку, уже привычно стал гладить ее пальцы. Прикосновение было мягким и любящим, и Эльза ощутила укол стыда.

— Здесь очень хорошо, правда, — сказала она и добавила: — Я все-таки съезжу к себе, заберу вещи.

Габриэль кивнул и, сунув руку в карман, протянул Эльзе чековую книжку. Кожаный переплет украшал королевский герб: лев в обрамлении дубовых ветвей. Эльза вопросительно посмотрела на нее, и Габриэль объяснил:

— Купи все, что потребуется. Насколько я помню, твои наряды сгорели в поезде.

— У меня не так уж и много нарядов, — ответила Эльза. Когда тебе приходится выживать и пробиваться на вершины своего ремесла, добываясь всего своим трудом, то ты меньше всего будешь думать о нарядах. Габриэль снова кивнул.

— Я помню, — ответил он. — Не стесняйся, ты благородная девушка и должна выглядеть соответствующе. Как леди, спутница королевского палача, раз уж ты об этом заговорила.

Баронесса Маргжетта посоветовала бы Эльзе не робеть и отвести душеньку, нарядившись по последней моде. Королевский палач не обеднеет, если его любовница купит себе платья из последних модных коллекций. Должно же быть в ее жизни хоть какое-то удовольствие?

— У меня погибло все, что нужно для массажа, — ответила Эльза. — Я лучше куплю кремы и масла. Это намного полезнее.

Габриэль рассмеялся. Приобнял ее за плечи. Эльзе вдруг показалось, что сегодня он выглядит совсем другим — каким-то легким и беззаботным, каким просто не положено быть королевскому палачу и Привратнику Смерти. Возможно, на нарциссовые поля под красным небом неожиданно пришла весна...

— Ты такая милая, Эльза, — сказал он и добавил, поднявшись с диванчика: — Не стесняйся, очень тебя прошу. Бери все, что сочтешь нужным. Я сейчас еду в одну из больниц, после обеда вернусь.

— Хорошо, — кивнула Эльза и добавила: — Тогда и возобновим наши сеансы.

Габриэль усмехнулся и дотронулся до шеи. По его лицу пробежала неприятная гримаса и исчезла — должно быть, мышца решила, что ее оставили в покое, и принялась за

старое.

— Да, шея болит, — ответил он. — Возьмись за нее, как следует.

Когда Привратник Смерти ушел, Эльза некоторое время сидела неподвижно, пытаясь справиться с тем, что ее жизнь изменилась в очередной раз. Раньше Эльза была любимой дочерью в любящей семье, потом сиротой и невестой подлеца, видевшего в ней только плоть, потом лучшей столичной костоправшей — и дорога закончилась в спальне королевского палача. Эльза стала любовницей и содержанкой самого страшного человека в стране.

Баронесса Маргжетта сказала бы, что не следует отчаиваться и переживать по таким пустякам — надо ловить собственные выгоды. Например, впервые за несколько лет потратить деньги не на квартиру и средства для массажа, а на наряды и украшения. Купить платье от Сальветти и подвеску с бриллиантами. И сережки, и браслет, и туфельки. И ридикюльчик, маленький, расшитый золотыми нитями.

Ломбард работает всегда, в конце-то концов.

Габриэль не очень любил вскрытия — эта долгая и кропотливая процедура всегда казалась ему в определенной степени глумлением над человеческим телом. Мертвец принадлежал смерти, и Габриэль не любил смотреть, как анатом орудует скальпелями и пилами, посягая на чужое. Но иногда ему все-таки приходилось быть консультантом при больницах, как сегодня — после того, как все закончилось, бумаги были подписаны, а мертвец отправился в гроб, Габриэль решил просто прогуляться по столице, проветрить голову перед тем, как сделать еще одно дело.

Он прошел по набережной, как всегда заполненной людьми и экипажами. Среди серых камней до сих пор иногда появлялись блески магической пыли. Потом Габриэль миновал Большой Императорский сад за изящными золотыми решетками ограды, где в зелени деревьев уже полыхали мазки алого пламени, и вышел на проспект святого Николаса, широкий, светлый, бурлящий людьми и экипажами. Это была самая красивая часть столицы, предлагавшая все, что только может пожелать человек с деньгами — богатые коллекции музеев, лучшие театральные постановки, самые изысканные блюда, самые роскошные наряды и самых дорогих и умелых куртизанок.

Габриэль неторопливо шел по белым камням мостовой, равнодушно ловя на себе самые разные взгляды: от полных ненависти и презрения, до вполне себе заинтересованных и кокетливых. Есть особый сорт женщин, которые любят что-то особенное, пикантное, остро царапающее по нервам — Габриэль испытывал к таким дамам только угрюмое отторжение.

Он поднялся по ступенькам на террасу большого летнего ресторана и, заказав чашку крепкого кофе, устроился за столиком в дальнем углу и вынул из портфеля тонкую серую папку с длинным рядом цифр на крышке. Его величество Георг передал ее утром, перед завтраком, когда пригласил Габриэля в оранжерею после беседы с Эльзой. Там было все, что служба безопасности нашла по поводу новой подруги Привратника Смерти.

— Вам не стоило так беспокоиться, ваше величество, — произнес Габриэль с подчеркнуто уважительными интонациями. Король только вздохнул.

— Я ее не знаю, — ответил он. — А ты мне все-таки не чужой человек, Габриэль. Но девушка порядочная и чисто по-человечески хорошая. Мне бы хотелось, чтоб у вас все было хорошо.

Габриэль только кивнул на это. Он понимал волнение его величества: конечно, король Георг был не самым лучшим отцом, стоит посмотреть хотя бы на Арканжело или юную Августу, чтоб в этом убедиться. Но он был добр и заботлив, с этим не поспоришь, и берег своих детей, как умел.

— Кофе, ваша светлость, — официантка поставила на стол изящную чашку тонкого фарфора, налила свежезваренного ароматного кофе. Тяжелая грудь соблазнительно покачивалась в глубоком вырезе форменного платья, и в таинственном сумраке декольте что-то сверкнуло золотом.

Магическая пыль, куда ж без нее. После недавнего Прорыва ею запаслась вся столица. И теперь посетители будут оставлять этой девушке больше чаевых, а кто-нибудь побогаче обязательно клюнет и на эту пышную грудь и длинные стройные ноги. Все как всегда.

— Благодарю вас, — устало откликнулся Габриэль и, когда официантка отошла, сунув под мышку подносик, открыл папку.

В принципе, здесь не было ничего особенного. Да, девушка из благородной семьи. Мать умерла, отец проиграл все состояние и застрелился. Вскоре после смерти родителя Эльза заключила помолвку с неким Гектором Сандини — пошное имечко, больше подходит сутенеру или наркоторговцу. Впрочем, Сандини недалеко от этого ушел. Повеса, картежник и бретер, небогатый, но со связями в самых разных слоях общества, он умел привлекать и нравиться. Неудивительно, что Эльза, неопытная и наивная, влюбилась в него. Габриэль скорее поразился бы, останься она равнодушной к чарам этого господина.

Дальнейшее было вполне предсказуемо: получив свое и слегка растратив скудные остатки состояния своей невесты, Сандини расторг помолвку и был таков — понял, что с Эльзы больше нечего взять и решил не тратить на нее время. Эльза несколько месяцев провела в больнице святой Магдалены, лечилась от душевного расстройства, а потом, уже после выздоровления, задержалась там на целый год, постигая навыки костоправши.

Габриэль допил кофе и поманил давешнюю официантку. Та охотно направилась к нему от стойки, предвкушая, должно быть, хорошие чаевые.

— Адресную книгу, пожалуйста, — попросил он. Официантка кивнула, и за профессиональной улыбкой мелькнуло нечто, похожее на облегчение: слава Богу, этому посетителю не надо чего-то другого. Габриэль представил, как немолодой администратор, важно стоящий за стойкой со стопкой книжек меню в руках, имеет эту официантку в подсобке, нагнув ее на высокий мешок с кофе, и почувствовал легкую брезгливость.

— Сию секунду, ваша светлость.

Гектор Сандини жил в Медовом проулке, буквально в пяти минутах ходьбы от этого милого рестораничка. Интересно, откуда у него нашлись деньги на квартиру в престижном районе? Обыграл в карты какого-нибудь простака или удачно женился? Габриэль бросил на стол серебряную полукруну и бодрым шагом покинул рестораничок. Медлить не стоило — он снова чувствовал то знобящее возбуждение, которое заставляло волосы на руках подниматься холодным ершиком.

До нужного дома Габриэль действительно добрался всего через пять минут. Пятиэтажная громадина выпирала в проулок так, словно мраморное тесто вываливалось из кадки. При строительстве архитектор отвел душеньку: были тут и колонны, и витражи, и русалки, что поддерживали навесы над входами в магазины на первом этаже. Стоило Габриэлю свернуть во двор, и картина поменялась, став милой и пасторальной: каменная дорожка, изящный садик с колокольчиками, космеями и мальвами и кошка, дремавшая на заборчике.

Габриэль подошел к единственному подъезду и стал читать список жильцов. А вот и Сандини, второй этаж, квартира четыре, собственная. Значит, сей занимательный господин действительно сумел устроиться в жизни. Пока Габриэль читал, на втором этаже открылась оконная рама, и во двор вылетела пустая бутылка золотого шипучего. По камням дорожки брызнуло темно-зеленым стеклом.

— Бронебойными — пли! — заорал кто-то, и из окна донесся женский смех.

Габриэль покачал головой и открыл дверь подъезда. Кутежи у светских господ редко начинались раньше десяти вечера — но господа, которые жили или гостили в этом доме, не считали нужным связывать себя светскими условностями. Поднявшись на второй этаж, Габриэль прикинул расположение дверей и окон и убедился в том, что бутылка, едва не пробившая ему голову, вылетела как раз из квартиры Сандини.

Дверь была приоткрыта — из квартиры доносилось нестойкое пение и летел настолько крепкий сивушный запах, что становилось ясно: господа изволят гулять уже не первый день. Габриэль вошел в квартиру и первым делом увидел голую мужскую задницу, которая ритмично дергалась в полумраке просторного холла. Женщина стонала, партнер энергично хлопал ее по спине и прихлебывал из такой же бутылки, которая недавно вылетела в окно.

— Весело тут у вас, — заметил Габриэль. Нет, этот господин был явно не Сандини, он годился в отцы соблазнителью Эльзы. Мужчина фыркнул, отстранился и, не выпуская партнершу, резво сменил направление и снова задвигал тазом.

— Эй! — недовольно воскликнула женщина, но получила лишь очередной шлепок по спине.

Габриэль прошел мимо парочки и оказался в большой и светлой, но изрядно замусоренной гостиной. В принципе, то, что сейчас происходило на диванах и коврах, ничем не отличалось от того, чем занимались господа на вечеринках принца Арканжело. На шее Габриэля тотчас же повисла совершенно обнаженная прелестница, шаловливо взлохматила его волосы и прошептала:

— Привет, милый! Пойдем, покажу тебе белочку с орешками.

— Прочь, — сухо ответил Габриэль. Пьяный взгляд девицы сразу же прояснился, став испуганным, как у животного в ловушке, и она сделала шаг назад, поняв, что с этим гостем лучше не связываться.

— Ухожу, ухожу, — проговорила она. — Простите, милорд.

— Кто тут Сандини? — спросил Габриэль, и девица охотно ткнула пальцем в сторону черноволосого красавца, перед которым на коленях стояли две обнаженные дамочки, блондинка и брюнетка.

— Вон он. Эй, Гектор! К тебе гости!

Сандини перевел на Габриэля мутный взгляд — он был пьян настолько, что едва держался на ногах. Красавец, да. Юная девушка, не знающая ни жизни, ни людей, никогда не устояла бы перед таким. Эльза, должно быть, думала, что Сандини увидел в ней родственную душу — а он хотел лишь свежего мяса.

— У меня к вам дело, господин Сандини, — сказал Габриэль тем официальным тоном, который ясно дает понять, что шутить с ним не следует. — Где мы можем его обсудить?

Хмельная муть в глазах Сандини моментально исчезла — похоже, он узнал незваного гостя. Оттолкнув женщин, он подхватил с пола штаны и, быстрым шагом подойдя к Габриэлю, указал на одну из дверей.

— Здравствуйтесь, ваша светлость. Пойдемте в мой кабинет.

Габриэль послушно направился туда, куда было указано. Сандини, надевая штаны и приплясывая на одной ноге, двинулся за ним.

От него пахло страхом. Как и от всех, кто понимал, что Привратник Смерти не придет просто так.

В отличие от гостиной, в кабинете царил идеальный порядок — настолько идеальный, что было ясно: хозяин не пользуется этой комнатой. Сандини закрыл за собой дверь и чуть ли не подбострастно поинтересовался:

— Чем могу помочь, ваша светлость?

— Эльза ауф Арэйнес, — отчетливо проговорил Габриэль. — Несколько лет назад вы были с ней помолвлены.

Сандини рассмеялся. Махнул рукой. Наверняка думал, что Габриэль пришел по поводу тех дел, которые были похлеще брошенной невесты, и обрадовался, решив, что смог избежать беды.

— Это пустяки, ваша светлость, — ответил он. — Вы же знаете, как это бывает, напоешь девчонке послаще, и она вся твоя. А нетронутый персик это особенное счастье.

Габриэль понимающе кивнул. Сандини вскружил Эльзе голову и был таков. Пошел рвать другие персики. А Эльза попала в больницу святой Магдалены, откуда вышла уже не легкой певуньей, а строгой костоправшей, которая боялась и себя, и людей, и своих чувств.

— Благодарю за честность, господин Сандини, — произнес Габриэль, и вынул из кармана шарик артефакта. — Прощайте.

Сандини заскулил и рухнул на колени, прижимая ладони к паху. Румянец смывало с его лица серой волной накатывающего обморока, по лбу потекли капли пота. Ткань штанов стремительно набухла от крови: артефакт, который Габриэль предусмотрительно позаимствовал у Жан-Жака, сработал как ножницы, оскопив Сандини, словно животное. Еще немного — и кровь остановится, а после этого прекрасного Гектора не будут интересоваться ни персики, ни курага.

— Прощайте, — повторил Габриэль и, когда Сандини завалился на ковер, словно мешок, воняющий кровью и мочой, вышел из кабинета.

Когда он спустился по лестнице и вышел во двор, то услышал пронзительный женский визг: кто-то из прелестниц нашел Сандини и увидел, что с ним сделал незваный гость.

«Дьявол с ними со всеми, — устало подумал Габриэль. — Пора домой».

Габриэль увидел знакомую девичью фигурку на веранде одного из ресторанов и едва не споткнулся от неожиданности. Он вовремя сориентировался и смог встать так, чтоб ни Эльза, ни ее спутник его не заметили.

Она успела принарядиться — этого изящного летнего платья с рукавами до локтя и в меру глубоким декольте прежде не было в ее скромном гардеробе. Эльза пила кофе, и молодой человек с взлохмаченными волосами, который сидел рядом с ней, жестикулировал настолько энергично, что сомнений не оставалось: это Бенъямин ауф Перес. Значит, следствие решило, что он не причастен к взрыву...

«Бывало, я с дражайшей половиной чуть врозь — она уже с мужчиной», — Габриэль мысленно процитировал Эвелина, классического автора прошлого века, и тотчас же напомнил себе, что и сам собирался перемолвиться словечком с молодым ауф Пересом. Он неторопливо поднялся по ступенькам на веранду, отмахнулся от официанта, который уже поскакал к нему с книжечкой меню и, не дожидаясь особого приглашения, выдернул стул из-за свободного столика и сел рядом с Эльзой.

Она побледнела — так, словно Габриэль застал ее в постели с этим Бенъямином, в самый разгар любовной игры. Чашка звякнула о блюдечко, пальцы Эльзы задрожали. От веселого дружелюбия ее приятеля не осталось и следа: Бенъямин сделался суровым и хмурым. Теперь он наконец-то был похож на дельца, а не на бездельника.

— Прекрасный день, не правда ли? — Габриэль одарил своих соседей по столу максимально приятной светской улыбкой. — Господин ауф Перес, я до сих пор не успел выразить вам мою благодарность за спасение Эльзы. Если бы не вы, она сейчас не сидела бы рядом с нами.

Он взял Эльзу за руку, мягко сжал пальцы. Лохматый Бенъямин не изменился в лице, только кивнул.

— Хорошо, что я смог спасти хоть кого-то, — ответил он, и Габриэль тотчас же утвердительно произнес:

— Вы ведь знали о взрыве, дорогой господин ауф Перес. Откуда?

Рука Эльзы дрогнула в его ладони, словно девушка хотела освободиться, но у нее, разумеется, ничего не вышло.

— Я не знал, — с такой же твердостью ответил Бенъямин и, запустив руку за шиворот, вытащил амулет на цепочке и объяснил: — Он нагревается, когда мне грозит

смертельная опасность. Вот только я не знаю, откуда она придет и какой будет.

Габриэль понимающе кивнул. Мягко провел подушечкой большого пальца по ладони Эльзы — у нее сильные руки, как и положено костоправше, очень сильные и очень нежные. Интересно, насколько далеко они успели зайти с этим Беньямином? Ложились ли эти руки на плечи этого ширококоротого парня — по своей воле, не потому, что Эльзу вынудили? Обхватывала ли эта ладонь член ауф Переса, чтоб ритмично задвигаться вверх-вниз...

Габриэль осадил себя: незачем растревлять нервы.

— Но с подпольем вы все-таки связаны, — уверенно сказал он, и лицо Беньямина едва заметно дрогнуло. Эльза осторожно, но уверенно освободила руку и взялась за белый кофейник.

— Ни в коем случае, — спокойно ответил Беньямин. Должно быть, амулет говорил, что опасности нет, и можно гнуть свою линию. — Какой из меня революционер? Такие, как я, первыми украсят фонарные столбы, если заварится крутая каша.

Габриэль понимающе качнул головой и посмотрел на Эльзу. Та пила кофе — мелкими птичьими глотками, словно лекарство. Боялась.

— Не нужно самому скручивать проводки в бомбах, — произнес Габриэль, — когда можно просто давать на это деньги. Конспиративные квартиры, транспорт, выкуп из тюрем, да в конце концов, питание и одежда. Только беда в том, дорогой Беньямин, что ваши товарищи решили от вас избавиться. Вы им больше не нужны.

А вот теперь Беньямин изменился в лице — впервые с начала их разговора он испугался по-настоящему. Эльза тоже побледнела, и чашка с кофе снова затряслась в ее пальцах. Габриэль почувствовал уже привычную усталость. Все было напрасно. Он может купить Эльзе весь Лютный проулок, он может любить ее каждую ночь самым романтичным и сладким манером, но никогда не станет с ней так близок, как стал этот нелепый и смешной Беньямин.

Просто потому, что они оба живые. А он, Габриэль, нет.

— С чего вы взяли? — спросил ауф Перес. Габриэль с удовольствием подумал, что все-таки оказался прав. Молодой богач спонсировал революционное подполье. То ли был запуган, то ли по идейным соображениям.

— С того, что ваши товарищи знали, что вы возвращаетесь в Александрию. Что в одном поезде с вами едет важный чиновник, которого они собираются уничтожить. Наплевав, кстати, на то, что погибнут все остальные пассажиры, — Габриэль презрительно скривился. — Интересы революции очень любопытная вещь, на самом деле...

— Я об этом не знал, — глухо откликнулся Беньямин. Его голос стал надтреснутым и мертвым: ауф Перес наконец-то понял, в какое болото угодил, и насколько глубоко его засосало. — Я понятия не имел, что они готовят взрыв.

Губы Эльзы дрогнули, приоткрылись, словно девушка хотела что-то сказать и передумала. Габриэль посмотрел на нее — в потемневших глазах дрожали слезы.

— Конечно, вы не знали, — понимающе произнес он. — Обычно жертве не говорят, что ее хотят убить, тогда она передумает идти на бойню. Вы ни в чем не виноваты, Бен, и я искренне вам признателен за спасение моей подруги.

Лицо Бена вновь едва заметно дрогнуло, но стоило отдать ауф Пересу должное — он быстро взял себя в руки.

— И что теперь? — спросил он. — Теперь вы знаете, кто я. А мне грозит смертельная опасность. Что делать со всем этим?

Габриэль прикинул по памяти график работы министра безопасности. Пожалуй, старик будет плясать от счастья — рыбка, которая плыла в его сети, оказалась очень крупной. Целый кит, а не рыбка.

— Я напишу записку, — сказал он, — с которой вы отправитесь в министерство безопасности. Напрямую в кабинет министра, вас пропустят. Там садитесь и рассказывайте все максимально подробно. Имена, адреса, пароли — все, что знаете. Смело называйте себя человеком короля, внедренным в подполье, — несколько лет назад Габриэль работал вместе с министерством безопасности и неплохо представлял, как там идут дела. — Вас будут защищать как свидетеля, и ваши товарищи до вас уже не доберутся.

Габриэль сделал паузу, давая Бенъямину возможность уяснить сказанное, и добавил:

— Взамен мне нужно только одно. Никогда больше не приближайтесь к этой женщине. Никогда, ни при каких обстоятельствах. Договорились?

Бенъямин посмотрел на Эльзу так, что стало ясно: он бы лучше отдал свою руку или ногу, лишь бы не разлучаться с этой девушкой. И Эльза одарила его настолько глубоким и тоскливым взглядом, что Габриэль невольно поежился.

«Они оба живые, — напомнил он себе. — А я — нет».

Когда они вернулись домой, небо заволочло тучами, и вечер стал очень ранним и по-осеннему угрюмым. Но из столовой летел сытный запах мяса с овощами и гевернского капустного супа, служанки уже зажгли маленькие лампы, и в квартире было спокойно и уютно.

— Я встретила его случайно, — сказала Эльза, когда они вошли в спальню. Габриэль устало растегнул пиджак и, заметив на полу коробки и пакеты из магазинов, сказал:

— Как твоя прогулка?

Эльза осеклась.

— Все хорошо, — ответила она после небольшой паузы. — Купила все, что нужно для массажа.

На столике рядом с кроватью стояли нарциссы — еще утром их не было. Дворецкий отличался каким-то сверхъестественным чутьем, правильно решил, что может порадовать хозяина квартиры... Габриэль подошел к Эльзе, осторожно прошелся пальцами по кружеву декольте, и девушка вздрогнула, а светлая кожа ее груди, едва тронутая загаром, покрылась мурашками. Эльза по-прежнему боялась его, а он стоял на краю какой-то бездонной душевной пропасти и понимал, что вот-вот сорвется.

— Это не было свиданием, — прошептала Эльза, замороженно глядя на него. — Мы встретились возле банка и заговорили...

— Что мне сделать? — спросил Габриэль. Задумчиво провел подушечкой пальца по сухим приоткрытым губам, и в широко распахнутых глазах Эльзы мелькнула темная тень, словно в глубине вод проплыла рыба.

— О чем ты? — спросила Эльза, и Габриэлю показалось, что он слышит, как стучит ее сердце — нервно, гулко, быстро.

Он буквально вмял ее в стену спальни, впечатав своим телом в бледно-голубые шелковые обои. Коротко вскрикнув от неожиданности, Эльза испуганно вцепилась в его плечи — пусть кричит, отстраненно подумал Габриэль, и, закинув левую ногу девушки себе на бедро, запустил руку под платье.

В ушах шумело. Внутренний океан дышал соленым прибоем — на какой-то миг Габриэлю показалось, что он лишится чувств. Пальцы нырнули в разрез в панталонах и, небрежно пройдясь по маленькой горошинке клитора, скользнули дальше — туда, где Эльза оказалась горячей, влажной и живой.

Эльза что-то сдавленно пробормотала, уткнувшись лицом ему в шею — за шумом в ушах Габриэль не разобрал, что именно. Он дернул застежку на брюках так, что едва не сломал. Эльза казалась невесомой — пушинка, а не человек.

Габриэль снова взял ее так, как привык — резко, почти грубо, ощутив, как лоно,

опаляющее своей нежностью, на мгновение сжалось, а потом расслабилось, пропуская его. Тонкий шелк платья с легким шелестом струился вниз, Эльза испуганно охватывала Габриэля ногами и изредка вздрагивала, должно быть, боясь упасть из его объятий.

— Пожалуйста, — шепот опалил ухо, заставив Габриэля замедлить ритм. — Пожалуйста, только не души меня...

— Не буду, — тоже шепотом ответил он и, целуя шею Эльзы, вдруг почувствовал себя упырем. Так, в сущности, и было — Эльза была живой, а он нет — но сейчас, в эту минуту, это уже не имело никакого значения.

— Не буду, — Габриэлю казалось, что он задыхается. Что воздух выходит из него с каждым движением. — Не буду, не бойся...

Пальцы Эльзы зарылись в его волосы. Объятие было настолько сильным и тесным, что Габриэлю казалось, что сердце девушки сейчас бьется в его груди. И в этот миг, когда разум помрачало нарастающим, почти болезненным наслаждением, Габриэль наконец-то чувствовал себя живым.

И он почувствовал, что Эльза изменилась. Теперь она обнимала его совсем по-другому, не так, как еще несколько минут назад — она словно не хотела разжимать руки. Ей будто на самом деле нравилось обнимать его, нравилось подаваться навстречу его движениям, она была доверчивой, нежной и сладкой до сумасшествия.

Перед глазами поплыли золотые и алые кольца. Эльза сдавленно зашипела, больно впилась пальцами в плечи Габриэля, и ее тело содрогнулось в пронзающей судороге за мгновение до того, как Габриэль вжался в нее и несколько долгих секунд вслушивался в тугую пульсацию семени.

Постепенно дрожь улеглась, Эльза расслабленно обмякла в его руках, и, поставив девушку на ноги, Габриэль обхватил ее лицо мокрыми ладонями и прижался лбом к горячему лбу. Шум в ушах утекал, невидимое море отступало, и прежняя жизнь наваливалась тяжелым душным брюхом. Но пока Эльза была рядом, Габриэль мог верить в то, что живет. Что низкое красное небо над нарциссовым полем существует только в его воображении.

Но взгляд Эльзы, подернутый пеленой страсти, постепенно становился прохладным и ясным, словно осеннее утро. И сейчас, глядя в ее лицо, Габриэль с невероятной горькой отчетливостью понимал, что может вылезти из шкуры вон — и все равно никогда не получит эту девушку по-настоящему.

Просто потому, что она была живой. А он — нет.

Ночь была уже совсем осенняя: глухая, темная. Шар фонаря за окном окружало туманом, откуда-то доносилось капанье воды, и казалось, что рассвет не наступит. Порой с улицы доносились шаги — проходила ночная стража. Эльза лежала под одеялом, свернувшись калачиком, и думала о том, что случилось днем.

Это были хорошие, чистые воспоминания. Эльза перебирала их с тем трепетом, с которым скряга или дракон рассматривает свои сокровища.

...Она вышла из магазина и, проводив взглядом курьера, который понес покупки по указанному адресу, решила выпить кофе в каком-нибудь из многочисленных ресторанчиков. Но стоило Эльзе сделать шаг, как в нее практически влетел высокий молодой человек в дорогом костюме и, совершенно бесцеремонно схватив ее в охапку, воскликнул:

— Эльза! Слава Богу, вы живы!

— Бен! — воскликнула Эльза, обняв его. На душе сразу же стало легко и светло, словно во мрак, окутавший Эльзу, вдруг ворвался солнечный луч, широкий и ясный. — Это вы!

— Это я, — Бен выпустил Эльзу и некоторое время стоял, держа ее за руки. — Господи, Эльза, вы не представляете, как я рад!

— С вами все в порядке? — спросила Эльза. После того, что говорил Габриэль, она могла

ожидать всего, чего угодно. Конечно, Эльза не верила в то, что Бен имеет хоть малейшее отношение к взрыву, но что, если следствие решит, что прав Габриэль? Он ведь появился в Лесном Углу как раз в составе следственной группы...

— Все отлично, — беззаботно ответил Бен. Он предложил Эльзе руку, Эльза взяла его под локоть, и они неторопливо побрели в сторону парка. — Меня опросили в качестве свидетеля, записали показания, и на этом все закончилось. Вечером нашли остатки бомбы и увезли в столицу.

— Ужасно, — промолвила Эльза и вдруг горячо и искренне призналась: — Бен, я так рада вас встретить!

— А я-то! — воскликнул Бен. Они поднялись на веранду модного летнего кафе, уселись за столик, и Бен продолжал: — Я пошел к схрону сразу же, как только смог, а вас там не было. Я понял, что королевский палач вас забрал...

Эльза опустила глаза к столу. Упоминание о Габриэле показалось ей грозовой тучей, помрачившей солнечный день. Официант принес большой кофейник, чашки и традиционную плетеную корзину со сладкими бубликами, и Эльза подумала, насколько же это хорошо — просто сидеть рядом с милым добрым парнем, пить кофе и надеяться, что все еще будет так, как надо.

— Да, он меня забрал, — негромко откликнулась Эльза. — Мы вернулись сюда через артефакт.

— Ох! — Бен понимающе тряхнул растрепанной головой. Костюм выдавал в нем банкира и вообще солидного господина, но прическа все портила. — Этот артефакт для перемещений просто ужасен, правда? Меня со вчерашнего дня тошнит.

— Лучше путешествовать иначе, — с улыбкой согласилась Эльза. — Но я, наверно, никогда уже не смогу сесть в поезд...

Бен понимающе кивнул.

— Да, это вполне естественно, — ответил он и вдруг сказал: — Как же хорошо, что вы живы, Эльза. Я, признаться, боялся, что Привратник Смерти бросил вас в болото.

Рядом с этим Беном, каким-то сильным и нелепым одновременно, Эльза наконец-то почувствовала себя правильно. Ей было очень легко, ей не приходилось притворяться — она просто была собой и знала: Бен никогда не причинит ей боли. Никогда, ни при каких обстоятельствах.

А потом Привратник Смерти поднялся на веранду, и все очарование исчезло...

Эльза вздохнула и, сев в постели, угрюмо посмотрела в сторону спящего Габриэля. Сейчас Привратник Смерти не выглядел ни мрачным, ни угрожающим — просто молодой человек, который посидел раньше времени. Эльза жалела его — а как не жалеть? Он потерял родителей, прошел через такой ужас, что и вообразить страшно, он не мог стать кем-то другим потому, что ему не оставили шанса на изменение. Но кроме жалости, Эльзой по-прежнему владел страх — страх и понимание, что рядом с Привратником Смерти она становится кем-то другим, не собой. И этот кто-то другой ей не нравился.

Эльза бесшумно выскользнула из кровати и вышла в гостиную. Слуги спали, гостиную озарял мягкий свет крошечной лампы возле стола, зажженной на тот случай, если господам понадобится сесть в кресло и, например, почитать. На столе лежала стопка свежих газет — вчера их принес письмоноша вместе со стопкой посланий для королевского палача...

Эльза опустилась в кресло и взяла верхнюю газету из стопки — просто чтоб отвлечься от томительных странных мыслей. Когда она была в объятиях Привратника Смерти, то чувствовала себя птенцом, который пытается пробиться сквозь скорлупу...

Да и птенец ли? Может, дракон...

Первые страницы занимали статьи о политике и финансах — Эльза всегда пролистывала

их, не вглядываясь ни в содержание, ни в дагерротипические снимки. Но сегодня она задержалась на портрете его величества Георга, который практически всерьез предполагал, что племянник имеет склонности к некрофилии. Король, заседавший с министрами, выглядел солидным и строгим, практически не имевшим отношения к тому семьянину, что беседовал с Эльзой в оранжерее.

Она перевернула несколько страниц — финансовые отчеты наверняка заинтересовали бы Бена, но у Эльзы было слишком мало финансов, чтоб вникать в экономические выкладки. А вот криминальную хронику Эльза обычно просматривала более внимательно — статьи о преступниках и отважных полицейских казались ей интересными.

«В больницу святого Лютера сегодня был доставлен господин Гектор Сандини с весьма интригующей раной, — прочла Эльза. — Неизвестный использовал артефакт из числа тех, которые применяются ветеринарами для кастрации скота, и оскопил свою жертву, полностью лишив ее мужественности. Сандини известен по всей столице как бретер, карточный шулер и охотник за женским полом, так что мы смеем полагать, что родители невинных дев сегодня рукоплещут тому неизвестному, который превратил знаменитого гуляку в кастрата».

Газета вздрогнула в руках и с шелестом опустилась на колени. Эльза вдруг почувствовала холод в животе, который сделал ее маленькой и слабой, бросив на несколько лет назад. Если тогда, брошенная и униженная, она чувствовала обиду и недоумение, то теперь ее охватило страхом.

Эльза прекрасно понимала, кто именно оскопил ее бывшего жениха. И это понимание было сильнее пощечины.

Габриэль проснулся от того, что в лицо ему прилетело что-то легкое и шуршащее. Он сел в постели, нервно тряхнул головой, прогоняя остатки сна, и увидел лежащую на одеяле газету. Вот, значит, чем именно в него швырнули...

— Это ты сделал, — Эльза стояла рядом с кроватью, похожая на разгневанный призрак. — Ты.

— Что именно я сделал? — Габриэль прищурился на часы на стене, мысленно отметив, что такая Эльза, решительная и смелая, нравится ему еще сильнее. Теперь он видел в ней огонь, к которому хотелось прикоснуться.

Должно быть, ширококоротый Бенъямин клюнул именно на это. Не просто хорошенькая девушка, которую он спас и, как истинный герой, полюбил всем сердцем — в Эльзе таилось пламя.

— Кастрировал Сандини, — выдохнула Эльза. Габриэль невольно рассмеялся — вот оно что, история попала в газеты. Неудивительно, в столице бывает всякое, но гуляк тут прежде никто не холостил.

— Ну и что? — спросил Габриэль, вспомнив, как Сандини скорчился на полу. — Насколько мне известно, он тебя соблазнил, обобрал и бросил.

Лицо Эльзы дрогнуло, словно Габриэль сказал какую-то совершенно невероятную глупость. «Неужели у нее еще остались чувства к нему?» — устало подумал Габриэль.

— Дело не в этом, — сказала Эльза, и по ее лицу скользнула гримаса искреннего страдания. — Совсем не в этом. Разве ты не понимаешь?

Габриэль только руками развел.

— Нет, — честно ответил он. — Не вижу, в чем тут беда. Наказал твоего обидчика и не позволил ему унижить кого-то еще.

Эльза пристально посмотрела на него и печально сказала:

— А ты ведь и правда не понимаешь... — и это прозвучало настолько горько, что Габриэль невольно поежился. В спальне вдруг стало холодно и неудобно.

— Объясни, — искренне произнес он. — Я ведь и правда не знаю.

Эльза горько усмехнулась и отошла к окну.

— Ты очень жесток, Габриэль, — промолвила она. — И это совершенно неоправданная жестокость. Твоя работа имеет свои правила и принципы... но ты был не на работе. Ты его изувечил просто потому, что тебе это нравится. Ты так захотел.

Габриэль молчал. Эльза была права — он раскрошил руку банкиру и кастрировал Сандини потому, что привык решать проблемы именно так. Он не знал, зачем поступать по-другому.

И да, ему это нравилось. Он не получал удовольствия во время казней, но Габриэль испытал настоящее наслаждение после того, как преподал урок банковскому гнусу и поклоннику персиков.

— Да, — кивнул Габриэль. — Да, я так захотел. Этот человек соблазнил тебя, а потом выбросил, как старую тряпку. Но мерзавец и негодяй тут именно я, а Сандини ты жалеешь.

— Да! — воскликнула Эльза и обернулась к Габриэлю: в ее глазах стояли слезы. — Да, я его жалею! Как любого изуродованного человека, которому теперь жить дальше с этим уродством! — она провела по лицу ладонями и сказала уже тише: — Да, он меня обманул и бросил. Но я сумела его простить и не стала искать возмездия.

— Потому что Господь велел прощать? — равнодушно осведомился Габриэль.

Эльза кивнула.

— Потому что только Ему положено мстить за наши беды?

И Эльза снова кивнула. Габриэль устало улыбнулся и сказал:

— Вот я и пришел отомстить за твою горе. За больницу святой Магдалены, где ты смотрела в окно и не видела мира. Считаю, что меня послал Господь, вот и все.

Эльза посмотрела на него с такой болью, что Габриэль снова вздрогнул. «Вот оно, — подумал он. — То самое, что не помогает мне сблизиться с людьми. Мы мыслим совершенно по-разному».

— Прекрати, — выдохнула Эльза. — Ты...

И замолчала. Ее лицо стало бледным и отрешенным. Габриэль не думал о том, что Эльза узнает об увечье Сандини, и, разумеется, ему и в голову не приходило, как она может отреагировать на такие новости.

Плясать от радости не стала бы, конечно, — но и стоять с таким похоронным видом тоже незачем.

— Что — я? — спросил Габриэль. Поднявшись с кровати, он подошел к Эльзе и опустил руки ей на плечи — она вздрогнула, но не отстранилась.

— Ты слишком жесток, Габриэль. Меня к тебе влечет, что скрывать, — промолвила Эльза, и было видно, что она честна и с ним, и с собой, но эта честность стоит ей невероятных усилий. — Но то, что ты делаешь, меня пугает и отталкивает.

— Не бойся меня, — прошептал Габриэль внезапно севшим голосом, и теплые девичьи плечи снова вздрогнули под его ладонями. — Я никогда не сделаю тебе ничего плохого. Клянусь.

— Я хочу тебе поверить, — откликнулась Эльза и обернулась к нему. На бледных щеках цвел румянец, а в глазах было настолько горькое выражение, что Габриэлю захотелось отвернуться. — Но ты тот, кто ты есть. И вряд ли ты станешь другим, Габриэль.

На миг Габриэлю почудилось, что он провалился в прошлое. Он увидел Красные комнаты, услышал сбивчивый шепот Анастази, которую швырнул на диван: сволочь, ты просто жестокая и расчетливая сволочь... тебе нравится причинять людям боль, потому что тогда они полностью в твоей власти...

Ему вдруг пронзительно, до боли в висках захотелось отправить Эльзу в ту квартирку, где она жила раньше. Сунуть в руки чек на тысячу золотых крон в качестве возмещения морального ущерба и забыть навсегда. Проще ходить раз в неделю в «Зеленый огонек» — там никто не пытается пробиваться к тому, что Габриэль называл своей душой. Проще остаться на нарциссовом поле под красным небом. Пусть Эльза живет, как захочет. Бенъямин ауф Перес с готовностью поможет ей забыть это опасное приключение.

И в то же время Габриэль понимал, что предпочтет умереть, чем расстаться с этой девушкой. Сама того не ведая, она получила над ним власть — и Габриэль тоже не знал, как это случилось.

- Я королевский палач, Эльза, — произнес Габриэль. — Этого нельзя исправить, с этим можно только смириться.

Эльза всхлипнула. Кивнула.

— Ее величество говорила мне что-то в этом роде, — сказала она. — Я понимаю, но... Я не могу так.

Должно быть, Эльза собрала всю свою смелость, чтоб сказать об этом. Габриэль понимающе качнул головой и, подцепив кончиками пальцев маленький круглый подбородок, поднял к себе бледное девичье лицо и прикоснулся губами к мягким теплым губам.

Поцелуй был, словно удар плетью наотмашь, и, когда Габриэль отстранился, ему на мгновение показалось, что он падает в пропасть.

— Уезжай, Эльза, — выдохнул Габриэль, и не сразу понял, что он произнес именно эти слова. — Уезжай. Я пока еще могу тебя отпустить.

Эльза смотрела на него неотрывно. Ее взгляд был испуганным и испытующим, словно она не могла поверить, что услышала именно это.

— Если ты не можешь... — Габриэль сбился и начал снова: — Я вижу, что ты пытаешься. Но... Уезжай. Я боюсь тебя сломать.

Эльза дотронулась до его щеки и ничего не ответила. Сделала осторожный шаг назад и потом быстро направилась к дверям, словно хотела уйти прямо так, в чем была.

Габриэль закрыл глаза. Боль росла и росла, сбивая дыхание.

Потом он услышал, как хлопнула дверь.

Глава 5

Запах нарциссов был тяжелым и навязчивым. Если раньше он окутывал Габриэля подобно невесомому шелковому платку, то теперь густо вяз в ноздрях и глотке, вызывая липкую горькую тошноту.

...служанка помогла Эльзе быстро собрать ее немногочисленные пожитки, большую часть которых занимали вещи для массажа, все эти баночки с маслами и кремами, полотенца, какие-то плоские скругленные камни. Габриэль выписал чек на две тысячи золотых крон, и Эльза стала богатой невестой с хорошим приданым. В свете, конечно, все знают, чьей именно любовницей она была, но деньги на счету сгладят тот факт, что престельная костоправша спала с Привратником Смерти.

Потом, уже в дверях Габриэль поцеловал ее в лоб тем тихим целомудренным поцелуем, которым мог бы прикоснуться к сестре или матери. Эльза посмотрела на него с жалостью и любовью — и все закончилось.

А ночь продолжалась, ночь так и не ушла.

Нарциссы называли *corona mortuis*, короной мертвых — Габриэль не знал, почему. Нарциссы склоняли над ним тяжелые колокольца с удушающим запахом, и небо над ними было багровым и низким. Впрочем, нет, это было уже не небо, а потолок в одном из номеров «Зеленого огонька», озаренный мягким светом прикроватных ламп. В комнатах борделя нет окон, здесь всегда ночь.

Габриэль со стоном повернулся на кровати и, взглянув на себя, увидел, что полностью одет. Рядом с кроватью позвякивало зеленое стекло опустевших бутылок. В животе снова заворочался ком тошноты, а тело окатило ледящей волной слабости, которая выбила пот из всех пор и заставила Габриэля задрожать в ознобе. Да, давненько он уже так не делал. После похорон Беатис, своей второй жены, Габриэль пришел в «Огонек», попросил у хозяйки вина и, запершись в номере, употребил все в одно лицо, не озадачившись закусками.

Беатис была хорошей девушкой. Славной девушкой. Вот только до икоты боялась своего мужа. А ее родители не боялись. Им любой ценой нужен был брак с королевской кровью, пусть даже и с Привратником Смерти...

И чем все кончилось? Ничем хорошим.

Во рту было сладко до той границы, за которой наступает горечь, словно Габриэль ел эти проклятые нарциссы, которые сейчас задумчиво склонялись над его лицом. «Я умер, — подумал Габриэль. — Я соединился со Смертью, которую любил всегда, и моя любовь взаимна».

— Племянничек! Эй, племянничек!

Откуда тут взялась тетушка Агата? Нарциссовый мир был его собственным, сюда никогда не попадали гости. Тоненькая тросточка тетки ощутимо стукнула Габриэля по боку. Он всегда поражался, как герцогиня, такая крупная и тяжеловесная, ходит с настолько легкой тростью, почти прутиком, который даже не думает ломаться.

— Племянничек! Да, благодарю вас, — в лицо Габриэля ударил поток ледяной воды. Встрепенувшись, он сел и понял, что нарциссовое поле ему пригрезилось — Габриэль лежал в грядке с цветами среди оранжереи. Тетка довольно кивнула, протянула опустевший стакан слуге, который почтительно склонился рядом в полупоклоне, и сказала:

— Помнится, твой отец напивался так, что все женщины столицы зашивали юбки и прятались на чердаки. А однажды он сжег бордель на Лимонной улице. Дядюшка твой тоже до свадьбы изволил знатно погулять. А ты в нарциссах спишь, вот и весь кутеж.

Габриэлю стало стыдно. Тетка усмехнулась и махнула слуге, приказывая убираться прочь — тот покорно поскакал в сторону оросительных блоков.

— Слава Господу и святой Агнес, — с чувством промолвила герцогиня. — Хоть теперь на

человека похож.

— Какой сегодня день? — хрипло спросил Габриэль и не к месту вспомнил, как Арканжело называл такие голоса, как у него теперь: голосок, как в заду волосок, и тонок, и нечист. Ему захотелось нервно рассмеяться.

Герцогиня усмехнулась.

— Пятнадцатое. Вторник.

Значит, они расстались с Эльзой всего лишь позавчера. Она свободна от него, от его тяжелой, мучительной страсти, которая не принесет ей ничего, кроме боли.

— Вторник... — повторил Габриэль, и неожиданно его качнуло так, что он едва не упал. Герцогиня быстрым движением схватила его за запястье, удержала. Откуда в старой женщине такая сила...

— Так, племянничек, не падай, — весело сказала тетка. — Пить ты, как мы выяснили, не умеешь, так надо учиться. Что именно ты настолько неумело пробуешь залить, — герцогиня повела носом и добавила: — ...манжуйской водкой?

Манжуйская водка. Отвратное зелье. Если Габриэль пил в «Зеленом огоньке» именно его, то неудивительно, что он в итоге уснул в клумбе с нарциссами.

— Я расстался со своей подругой, тетушка Агата, — смиренно признался Габриэль.

Аккуратно подведенные черные брови тетки подскочили чуть ли не до прически.

— Новость так новость, — сказала она. Габриэль выбрался из грядки, убедился, что измазался, как свинья, и устало подумал, что кутеж не заглушил боли в его душе. Ему казалось, что на месте сердца у него кровавая дыра — Габриэль даже посмотрел на свой грязный пиджак, чтоб в этом убедиться.

Сердце было на месте. Как и все остальное.

— Ты меня поражаешь, племянничек, — герцогиня взяла его под руку, не боясь испачкать тонкие кружева рукавов, и вдвоем они неторопливо побрели к выходу. Тросточка звонко цокала по камням — тук, тук — и эхо металось под черепом, заставляя морщиться от головной боли.

— Я иногда сам себе поражаюсь, тетушка Агата, — признался Габриэль. — Но расстаться с Эльзой было нужно для счастья самой Эльзы.

Герцогиня усмехнулась — не словам Габриэля, каким-то собственным мыслям.

— А как же твое счастье, мой дорогой? — поинтересовалась она. — Марта рассказала мне об этой девушке, она считает ее очень милой и доброй. Не думаю, что ее величество королева и его величество король одобряют кого-то неподобающего.

— Все так, тетушка Агата, — кивнул Габриэль. По счастью им никто не попался по пути к выходу, иначе бы он умер от стыда. — Все так, и знаете... — он остановился и, помолчав какое-то время, признался: — Кажется, я ее люблю.

Старуха посмотрела на него с сочувствием и пониманием. Должно быть, она знала Габриэля лучше всех — и любила, как любят сына или внука.

— Но ты Привратник Смерти, — с искренней горечью промолвила она. — И над вами всегда будет эта тень. Девочка привыкнет, мой милый, уж такая у нас природа. Мы ко всему можем привыкнуть. Но тень будет всегда — над вами, над вашей жизнью, над вашими детьми...

Габриэль кашлянул.

— Да, тетушка, — выдохнул он. Слова встопорчились в горле растрепанными птицами, и Габриэль снова ощутил тошноту. — Все так. Вдобавок, я слишком жесток.

— Положение обязывает, — вздохнула герцогиня. — Ты тот, кто ты есть. И надо либо

тебя принимать, либо уходить.

Был еще один вариант, о котором тетка не знала — лежать под нарциссами. Но Габриэль и представить не мог, что с Эльзой может случиться что-то подобное. Он вдруг стал каким-то растерянным и несчастным, и это настолько не имело отношения к нему преждему, что Габриэлю стало страшно.

Потом, уже войдя в свои покои и избавившись от грязного тряпья, в которое превратилась его одежда, Габриэль нырнул в бассейн с бодрящей, чуть теплой водой и четверть часа плавал, прогоняя из головы туманное марево минувших дней без Эльзы. Ему невольно вспоминалось, как они целовались в этом бассейне — если всмотреться, то можно увидеть их призрачные тени у соседнего бортика.

Впрочем, целовал-то Габриэль. Эльза просто позволяла это делать.

Плавание немного взбудрило его. Выйдя из бассейна и вернувшись в спальню, Габриэль обнаружил, что грязную одежду уже унесли, на кровати лежит новый костюм, а на столе стоит кофейник с крепчайшим черным кофе и небольшая тарелка, на которой красовалась брускетта с семгой, источавшая просто божественный тонкий аромат. Откусив кусочек поджаренного хлеба, Габриэль с теплом подумал о тетке, которая поспешила распорядиться по поводу завтрака.

Где сейчас завтракает Эльза? С кем?

Впрочем, что сейчас об этом думать? Не получилось. Не вышло.

Габриэль угрюмо посмотрел на кофейник, и, отложив недоеденную брускетту, быстрым шагом вышел из комнаты и направился в сторону покоев брата Арканжело.

У него всегда было спиртное.

Три женщины в скромных платьях и мягких серых полумасках вышли из неприметного экипажа и некоторое время стояли у подъезда. Эльза видела их из окна — дамы выглядели очень неуверенными и всеми силами старались держаться спокойно и выглядеть ровней людям в этом районе.

Не получалось.

— Спасибо, дитя мое, — Клара ауф Росен приходила к Эльзе на массаж рук. Обычно Клара была сварливой женщиной, но сейчас, надевая перчатки, она впервые за все время выглядела довольной. — Вы просто волшебница. Совсем не болит.

— Травяные ванночки, — напомнила Эльза. — Обязательно. Не забудьте.

— Не забуду, моя милая, — Клара настолько раздобрилась, что даже улыбнулась. — Благослови тебя Господь.

Закрыв за Кларой дверь, Эльза встала рядом, не убирая пальцев с ручки. Вот Клара спускается вниз, по привычке проклиная погоду и тех, кто выдумал строить дома выше трех этажей. Вот слышны шаги дам — Клара проходит мимо них, и дамы вздыхают с облегчением, оставшись одни.

— Мама, ну и место! — услышала Эльза звонкий девичий голос. — Может, пойдём отсюда?

— Ты же видела Габриэля, — вторая девушка тотчас же осадил говорившую. Эльза прикусила губу. Ну конечно, с чего бы еще королеве приходиться к простой костоправше? Но Габриэль... На миг ей стало страшно. Что могло случиться с Привратником Смерти?

Пальцы, сжимавшие ручку, похолодели.

— Мама, тут какашками пахнет, — практически всхлипнула первая девушка. Невероятно! Королева пришла с дочерьми.

Можно было притвориться, что ее нет дома — Эльза почти решила так и сделать. Но Габриэль... Что с ним? Болен?

Она ведь покинула дом в Лютном проулке практически бегом, не оглядываясь. Эльза опомнилась только дома, когда поднялась в квартиру, сгрузила вещи на пол и, сев на кровать, поняла, что наконец-то вернулась. Что Привратник Смерти отпустил ее.

— Августа! — это уже воскликнула королева-мать. — Веди себя, как подобает воспитанной девушке! Здесь ничем не пахнет, дом очень приличный...

— Мама, мы пришли, — сказала вторая девушка. — Вот эта квартира.

Шаги замерли прямо за дверями. Эльза перестала дышать, вслушиваясь в чужое дыхание и легкий шелест платьев.

— Что ж... — вздохнула королева и решительно нажала кнопку звонка. По квартире разлилась звонкая трель, и Эльза, которая была готова к звонку, все-таки вздрогнула от неожиданности.

Надо было открывать. Сам факт того, что на ее пороге королева с дочерьми, заставлял Эльзу трепетать с испугом птички, попавшей в сети ловчего.

Пальцы сработали словно независимо от ее воли — Эльза повернула ручку, открыла дверь и, поклонившись, сказала:

— Ваше величество, ваши высочества, добрый вечер. Ваш визит — величайшая честь для меня.

Королева вздохнула и сняла маску. Эльза отступила в коридор, давая гостям пройти.

— Нас так легко узнать? — спросила ее величество. Эльза кивнула, судорожно вспоминая, в каком состоянии гостиная — сегодня она еще не успела заглянуть туда. Вроде бы все было в порядке, но кто знает...

— Проходите, прошу, — сказала она, открывая дверь гостиной. Слава Богу, там было прибрано — не стыдно принимать гостей. — Я живу небогато, вы не привыкли к такому...

— Пустяки, — ответила ее величество, присаживаясь на диван. Дочери расположились рядом с ней, во все глаза разглядывая Эльзу. Было ясно, что девушки впервые попали в такое место, как квартира в Нижних Варакушах, и это для них самые настоящие трущобы. — Познакомьтесь, Эльза, это мои дочери. Августа и Вера.

Эльза с почтением поклонилась принцессам.

— Наша встреча — честь для меня, ваши высочества, — сказала она.

Августа была хорошенькой блондинкой с кукольной внешностью. Совершенно не похожая ни на мать, ни на отца, она была из тех женщин, которые до самой смерти остаются девочками. Вера была темноволосой красавицей со смуглой кожей, и маленькие очки, которые она носила, говорили, что ее высочество предпочитает книги обществу молодых людей. Вера выглядела спокойной и рассудительной — должно быть, поэтому королева и привела ее с собой.

— Вы ведь расстались с Габриэлем, — сказала ее величество, и Эльза кивнула.

— Да... два дня назад.

Она снова вспомнила свое почти паническое бегство из Лютного проулка, но теперь ей почему-то стало стыдно, словно она где-то совершила очень большую ошибку, но не знала, где именно.

По лицу ее величества скользнула тень.

— Эльза, вы, пожалуйста, поймите меня правильно, — сказала королева. — Я пришла к вам сейчас не как государыня, а как мать. Я считаю Габриэля своим сыном, и мне очень горько видеть то, что сейчас с ним происходит.

По спине мазнуло противным холодком. «Он одинок и несчастен, — произнес внутренний голос. — А ты, вместо того, чтоб быть с человеком, к которому тебя влечет, который с тобой добр... Ты сбежала. Взяла и сбежала».

— А что случилось с Габриэлем? — спросила Эльза — настолько тихо, что с трудом слышала собственный голос. В животе засосало от страха.

— Он запил с нашим братом, — Вера опередила мать, и по лицу королевы было ясно, что она благодарна дочери за это. — И я уверяю вас, это не кончится добром.

— Они сегодня устроили пожар в пятом крыле дворца, — добавила королева и, нервным движением вынув из сумочки платок, поднесла его к глазам. — Лишь по счастливой случайности никто не погиб! Арканжело человек другого склада характера, и то, что для него хорошо, просто убьет Габриэля. Он сейчас выглядит как человек, который сознательно решил загнать себя в могилу.

Королева сделала крохотную паузу.

— Я не пытаюсь вас разжалобить, Эльза, ни в коем случае. Вы взрослые люди, если вы решили расстаться, то... — она махнула рукой и сказала: — Прошу вас, объясните, что произошло.

Эльза сцепила руки в замок. Она призналась себе, что не ожидала такого от Габриэля. Он дал ей уйти — и сломался. Сорвался в свою пропасть, когда понял, что сделал — и понимание размазало его по стене.

— Вы, может быть, слышали о том, что случилось с Гектором Сандини, — осторожно начала Эльза и, когда ее величество кивнула, продолжала: — Когда-то он был моим женихом, который соблазнил меня после смерти отца, обобрал и бросил.

Принцессы смотрели на нее так, словно Эльза была героиней трагического любовного романа, где герои обязательно умирают в объятиях друг друга.

— Я пережила свое горе и простила его, — продолжала Эльза. — А вот Габриэль не простил. Именно он покалечил несчастного. Когда я об этом узнала, то... — она умолкла, почувствовав уже знакомый страх, но смогла справиться с собой и сказала: — Меня испугала эта жестокость. Если человек настолько хладнокровно расправился с тем, кто ни в чем перед ним не провинился, то я боюсь, что однажды он причинит боль и мне.

Некоторое время все молчали. Затем королева понимающе качнула головой.

— Да, чего-то в этом роде я и ожидала. Габриэль Привратник Смерти и действует так, как ему велит его природа. Эльза, поверьте! — воскликнула она, заметив, что Эльза хочет что-то сказать. — Я прекрасно понимаю вашу правоту. Признаю ее. Но я вижу, как страдает мое дитя. Несчастный сирота, ребенок, которого я воспитывала. И я очень хочу найти какой-то выход, который спасет всех нас.

— Мы поговорим с Габриэлем, — сказала Вера и посмотрела на сестру. — Мы с Августой. Убедим его, что работу нужно оставлять на работе. Он ведь не противен вам?

Эльза печально улыбнулась. Вспомнила, как тело неминуемо начинало звучать хорошо настроенным музыкальным инструментом, двигаясь навстречу Габриэлю. Вспомнила, как сквозь страх неотвратимо начинало пробиваться желание: не просто отдаться человеку, ласкавшему ее с такой страстью, но и узнать его ближе. Понять его. Разделить его чувства и мысли.

— Нет, конечно, — откровенно призналась Эльза, и Вера одобрительно улыбнулась.

— Ну вот, — сказала она и обернулась к матери: — Мама, что, если им, например, отправиться в путешествие? Узнать друг друга получше, побыть вместе?

Королева посмотрела на дочь с тем уважением, с которым, должно быть, не смотрела никогда и ни на кого.

— Признаться, Вера, я и не предполагала, что ты настолько разумна, — сказала она и обернулась к Эльзе. — Что, если вы действительно попытаетесь начать все заново?

«Меня уговаривает королева», — подумала Эльза. И еще подумала, что если власть имущие начинают дело с уговоров, то в случае отказа они продолжают беседу совсем в других местах. И если будет нужно, то Эльзу приведут к Привратнику Смерти в

кандалах.

Но эти мысли мелькнули и угасли. Эльза подумала, что Габриэлю действительно плохо без нее. Что, может быть, надо дать ему возможность измениться.

Ее наполняла жалость.

— Хорошо, ваше величество, — сказала Эльза. — Давайте попробуем.

Дворец еще не спал.

Королева поднялась по ярко освещенной парадной лестнице и быстрым шагом двинулась по дворцовым залам. В каких-то была лишь охрана, пучившая глаза на проходящих, в каких-то были люди, которые при появлении ее величества сгибались в низких поклонах, а где-то было пусто, и шаги отлетали от стен звонким эхом.

— Мама испугалась, что мы его потеряем, — несмотря на то, что девушки едва поспевали за королевой, дыхание у Веры не сбилось. Принцесса ободряюще улыбнулась Эльзе и добавила: — Раньше он никогда не доходил до такого. Ни разу, даже после похорон Беатис.

«Должно быть, это вторая его жена, — подумала Эльза. — Та, которую он нечаянно придушил. Та, которой не стоило дергаться лишний раз...»

— Я рада, что познакомилась с вами, — призналась Вера. Сейчас девушка, решительно шагавшая за матерью, вовсе не выглядела принцессой. Принцессам полагается быть томными и избалованными, Августа как раз была такой. А Вера была похожа на студентку, которая посещает какой-нибудь передовой научный кружок.

— И я тоже рада, — совершенно искренне ответила Эльза. — Может быть, мы с вами подружимся.

— Уверена в этом, — ответила Вера и хмуро добавила: — Вот мы и пришли. У Арканжело снова весело.

Августа, которая до этого молчала, добавила:

— Скоро сожгут еще что-нибудь.

Королева остановилась возле дверей в покои принца — оттуда доносилась музыка, и крепкий запах, проникавший из комнат, ясно давал понять, что господа не только пьют, но еще и курят дурманящие шарики опитума. Ее величество повела носом и понимающе качнула головой.

— Опитум. Только этого нам и не хватало.

Стража, стоявшая на карауле, шагнула в сторону, покосившись на королеву с полным одобрением. Ее величество толкнула двери и прежним стремительным шагом вошла в просторную гостиную — принцессы шагнули за ней, и государыня ахнула и тотчас же закрыла дочерям глаза ладонями.

— О Господи! — воскликнула она. — Арканжело! До чего ты докатился!

На Эльзу у нее рук не хватило — и Эльза увидела, как молодой красавец, должно быть, тот самый принц Арканжело, замер от удивления. В руках он держал изящную плетку, которой охаживал совершенно обнаженную девушку — и у принца, и у его партнерши во рту были самокрутки с опитумом. Девушка, похоже, совершенно не испытывала боли: хотя ее тело было исхлестано — плетка прошла даже по самым нежным местам — девушка томно улыбалась.

— Ох ты ж..! — Арканжело выплюнул самокрутку и, подхватив с пола какое-то тряпье, кое-как прикрыл срам. — Матушка! Как неожиданно, право, я не...

— Девочки, вам лучше уйти, — королева развернула принцесс к дверям, но Августа и Вера, разумеется, никуда не пошли: они смотрели на перевернутые вверх дном покои с каким-то привычным любопытством, словно уже не раз видели такую картину и лишь

прикидывали, до чего теперь дошел Арканжело. Королева прошла по гостиной, брезгливо глядя то на разлитое вино, то на остатки закусок на тарелках, и вдруг рывкнула так, что отдалось по всему дворцу:

— Что ты себе позволяешь!

Исхлестанная девушка от удивления села на ковер, словно наконец-то поняла, где находится, и кто с ней рядом. Арканжело смотрел на мать таким заполошенным взглядом, словно готов был провалиться со стыда. Он кутил не в первый раз, Эльза это прекрасно понимала, но, должно быть, мать впервые застала его без штанов.

— Ты — наследник короля! Посмотри на себя, на кого ты похож! Наркоман и алкоголик! Позор своего отца! — на лице королевы расцвели пятна гневного румянца. — Я жалею, что мы мало тебя наказывали в детстве, тебя следовало в ежовых рукавицах держать, чтоб не было вот этого! — ее величество гневно пнула бутылку — стекло жалобно зазвенело по полу. — Это позор и бесстыдство, Арканжело, и как жаль, что ты этого не понимаешь!

— Матушка, я... — только и смог проговорить Арканжело. Перед материнским гневом бабник и кутила тотчас же превратился в школьника, которого застали за поеданием варенья из буфета. Королева хотела было добавить еще что-то, но тут из-за дивана, залитого красным вином, донесся стон, и над мягкой спинкой показалась растрепанная седая голова.

Королева была права, рассказывая о том, как страдает ее племянник: Габриэль сейчас выглядел тяжело больным. «А ведь прошло всего два дня!» — с горечью и искренним сочувствием подумала Эльза. Привратник Смерти осунулся, под его потемневшими глазами залегли тени, а кожа обрела тот серый восковой оттенок, который Эльза видела у мертвецов.

«Она права, — подумала Эльза. — Мы должны все исправить».

— Ваше величество... тетушка... — простонал Габриэль. — Позовите врача...

И снова рухнул за диван. Королева прошла туда и, горестно вздохнув, сказала:

— Вы же понимаете, Эльза, я бы не обратилась к вам просто так...

Воспользовавшись тем, что мать отвлеклась, Арканжело подхватил с пола исподнее и, дав голый девичье напутственного пинка, бросился в двери, спасаясь от родительского гнева. Девушка подалась за ним с завидной скоростью. Эльза осторожно подошла к дивану и, заглянув за него, увидела, что Габриэль лежит на ковре среди выкуренных самокруток опитума. Пять, шесть... девять. Много, автоматически отметила Эльза, сердце может не выдержать.

— Габриэль, — позвала она. — Габриэль, это я, Эльза. Я здесь, с тобой.

Привратник Смерти открыл глаза и посмотрел прямо на Эльзу, но она готова была поклясться, что Габриэль ее не видит.

— Нарциссы называют короной мертвых, — отчетливо проговорил он. — Я не знаю, почему.

И снова закрыл глаза и замолчал.

Спальня медленно плыла по кругу. Запах нарциссов, легкий и ненавязчивый, мягко царапался в ноздри.

— Сейчас должно стать легче, — услышал Габриэль голос лейб-медика. — Вот, видите? Румянец уже появляется.

— Он ведь поправится? — а это уже ее высочество Вера. Габриэль не любил ее: девушка казалась ему слишком умной.

— Разумеется, ваше высочество! — с нарочитой веселостью откликнулся лейб-медик. — Завтра будет в полном порядке.

Вот в этом Габриэль сомневался: он сделал все, чтоб отравиться опитумом, а весь его скудный опыт в вопросах наркотиков говорил о том, что завтра еще придется лежать в кровати и не иметь ни крошки сил.

— Слава богу, — с искренним чувством промолвила ее величество. Габриэль вспомнил, как она склонилась над ним, и за ее плечом ему померещилось совсем другое лицо, которого просто не могло быть во дворце.

— Мы, наверное, пойдем, — Вера снова проявила ум, решив не надоедать больному. Габриэль подумал, что когда выплывет из нарциссовой тьмы, то обязательно скажет принцессе, что она хороший человек. Что у нее все будет так, как она захочет — впрочем, Вера наверняка это знала и без него.

— Я останусь, — устало сказал голос, который не мог здесь звучать, и никто не стал ему перечить.

— Да, разумеется, — согласилась ее величество. — Я пришлю вам служанку, распоряжайтесь ей полностью.

Потом Габриэль услышал шаги. Хлопнула дверь, а затем кто-то осторожно сел на край кровати и, помедлив, взял его за руку.

Прикосновение было обжигающим, словно удар плетью; Габриэль почувствовал, как живот и грудь от волнения стянуло в тугий узел. Этого не может быть. Эльза не могла сюда прийти, она слишком боялась Привратника Смерти, она всегда вздрагивала, когда Габриэль к ней прикасался, и сейчас ей попросту нечего было здесь делать.

Но она все-таки сидела рядом. Держала за руку. Мир словно остановился, сжался в одну точку, в которой была только Эльза на краю кровати, и больше ничего.

— Не уходи, — произнес Габриэль, с трудом разлепив спекшиеся губы. От слов рот наполнился горечью, и комната снова поплыла по кругу, но Габриэль все-таки смог повторить: — Эльза... не уходи.

— Я здесь, — мягко отозвалась Эльза. — Я не уйду.

И все призраки, что терзали Габриэля на нарциссовом поле, отступили. Ему действительно стало легче, лейб-медик при всей своей косности все-таки оказался прав. Он даже смог открыть глаза — Эльза в самом деле сидела на краю кровати, и во взгляде, устремленном на Привратника Смерти, больше не было страха. Любви там, конечно, тоже не было, лишь грусть и горькое сочувствие.

— Ты выкурил девять самокруток опитума, — сказала она. Габриэль ожидал услышать в ее голосе обвиняющие нотки, но их не было. — Помнишь?

Он качнул головой.

— Да. Я хотел, чтоб мне... — слова царапали глотку, пришлось кашлянуть, — было плохо.

— Зачем? — удивилась Эльза. Габриэль не думал, что сумеет улыбнуться — и все-таки сумел.

— Болезни тела отвлекают от душевной горечи, — вымолвил он, и в горле пересохло окончательно. Потянувшись к столику, Эльза взяла стакан с металлической трубочкой и поднесла его к губам Габриэля. Ледяная вода показалась ему настолько вкусной и освежающей, что боль и слабость отступили. Не ушли, конечно, однако отпрянули.

— Я был неправ, — сказал Габриэль, когда вода иссякла, и Эльза убрала стакан. — Я все испортил.

Эльза вздохнула, словно хотела сказать: «Да, ты и правда все испортил» — и в то же время не хотела этого говорить.

— Ее величество и твои кузины хотят, чтоб мы помирились, — сказала она, и Габриэль сразу понял, как именно девушка оказалась во дворце. Королева действительно испугалась за него — настолько, что лично отправилась к Эльзе и упростила ее вернуться.

Конечно, она вернулась, что еще ей оставалось?

— А ты? — с какой-то отчаянной надеждой спросил Габриэль.

Когда-то давно Августа читала при нем какой-то любовный роман, где упоминались истинные пары — люди, которые предназначены друг другу самой судьбой, словно кусочки когда-то рассыпанной головоломки. И как ты ни бейся, ни сомневайся — ты все равно будешь со своей парой, потому что никто не полюбит тебя сильнее и не поймет лучше.

Габриэлю вдруг показалось, что его истинная пара — именно Эльза. Конечно, если сказки из книжек можно хоть как-то привязать к реальной жизни.

— Честно? — вздохнула Эльза. — Я хочу жить так, как жила до этого. Но мне тебя очень жаль, Габриэль. Ты слишком одинок и слишком несчастен.

Какое-то время Эльза смотрела в сторону, туда, где мягкий свет лампы с трудом сражался с сумерками, а затем добавила:

— И ты мне нравишься. Это правда.

Габриэлю подумалось, что это признание стоило Эльзе невероятных сил. Она, должно быть, и себе-то с трудом сказала: да, мне нравится королевский палач. Кровь застучала в ушах звонкими молоточками, и Габриэль с трудом расслышал, как сказал:

— Давай попробуем с начала? Я обещаю, я... Эльза, я тебя люблю. Давай рискнем?

Эльза прикрыла глаза, и на ее губах появилась улыбка — мягкая и теплая, которая озарила лицо изнутри, сделав его не человеческим, но почти ангельским.

— Хорошо, — сказала она. — Давай попробуем. Просто по-человечески... свидания, встречи... И не души меня больше. Никогда.

— Не буду, — с готовностью ответил Габриэль, не сводя с нее глаз. Он чувствовал, как рядом с ними возникло нечто, похожее на возможность обычной человеческой жизни. Встречаться с красивой девушкой, водить ее в те приятные места, где принято бывать влюбленным парам — и забыть хоть на какое-то время о кровавой тьме над нарциссовым полем...

Возможно ли их взаимное счастье? Габриэль не знал. Сейчас он боялся даже подумать об этом.

— Тогда тебе осталось поправиться, — сказала Эльза и бесшумно поднялась с кровати. — Выздоровливай, Габриэль. Ты знаешь, где я живу.

На следующее утро в столице случился форменный переполох.

Вызвал его самый обычный поезд, приехавший с юга, из Александрии — после аварии движение восстановили, и пассажиры, которые высыпали на перрон, шумно делились с встречающими рассказами об обгоревших деревьях на месте взрыва. Но вскоре на их рассказы перестали обращать внимание — из вагона появилась девушка.

Ее встречала огромная толпа народу — женщины, дети, молодые парни и мужчины в возрасте дружно размахивали алыми платками, нагоняя удачу и радость. Девушка была совсем молодой, но ее длинные волосы, уложенные причудливыми косами вокруг головы, были совершенно седыми. Половина девичьего лица скрывалась под белой фарфоровой маской, а другая смотрела на встречающих настолько ласково, словно все эти люди были лучшими друзьями девушки. Одета в многослойную одежду всех оттенков красного по моде Дальнего Восхода, девушка опиралась на руку одного из своих помощников, который предусмотрительно следил за тем, чтоб его госпожа не столкнулась с неудобствами.

— Благослови вас всех Господь, дай вам здравия, солнечного неба и счастья, — проговорила девушка, и алые платочки в руках встречающих затрепетали с новой силой. — Пусть ваши дети радуют вас, а любимые любят. Я в столице надолго и приму всех.

Толпа встречающих разразилась радостными криками. Сумев протолкаться сквозь собравшихся, к девушке выбрался высокий молодой человек, и помощник тотчас же настороженно сунул руку в карман.

— Магда! — воскликнул парень. — Почему ты мне ничего не сказала?

Девушка обернулась к помощнику и что-то промолвила на каком-то шипящем негромком наречии. Тот вынул руку из кармана и со всей почтительностью взглянул на молодого человека.

— Бен, — улыбнулась Магда и обняла брата.

Эльза узнала о приезде Магды ауф Перес из газет — знаменитая волшебница юга, известная на всю страну своими провидческими способностями, приехала в столицу, и есть возможность, что она останется здесь навсегда. Эльза почти не интересовалась ни волшебством, ни пророчествами, но статью о Магде прочла очень внимательно. Вот и Бен рядом с ней на дагерротипическом снимке.

Он улыбался, как всегда — радостно и немного смущенно. Эльзе нравилась его улыбка, нравилось то тепло, которое наполняло этого милого доброго парня. С ним не надо было бояться, с ним можно было быть собой — но все это уже осталось в прошлом, и Эльза прекрасно понимала, что ничего не сможет вернуть.

Суметь бы только справиться с этой тоской по несбывшемуся...

В дверь позвонили. Эльза покосилась на часы — она не ждала ни гостей, ни пациентов. Кто там по ее душу?

На пороге обнаружилась ее высочество Вера — девушка выглядела свежей, энергичной и способной добиться всего, что только пожелает. Чуть позади стоял Габриэль со шляпой в руке. Он по-прежнему был бледным и осунувшимся, но Эльза отметила, что сегодня Привратник Смерти выглядит каким-то другим. Живым и настоящим.

Вчера, когда она увидела его отравленным и почти умирающим, в ней что-то дрогнуло. Эльза не знала, как назвать то чувство, что поселилось в ней — она просто понимала, что теперь не сможет расстаться с Габриэлем, и от этого понимания почему-то совсем не было больно.

Оно казалось правильным.

— Здравствуйте, Эльза! — улыбнулась Вера и решительно протянула руку тем жестом, каким протягивал и Бен. — Я вам привела одного молодого человека, который хотел бы, — Вера обернулась на Габриэля и сказала: — Твоя очередь.

— Пригласить на прогулку, — чуть ли не смущенно сказал Габриэль, и Вера тотчас же добавила:

— Раз вы решили начать все заново и по всем правилам, то я сегодня буду вашей старушкой-дуэньей и прослежу за тем, как вы будете себя вести. А дальше справитесь сами.

Эльза не выдержала и рассмеялась, настолько все это было трогательно и мило. Сейчас слова Веры почти вернули ее в юность, когда Эльза верила, что мир хороший и добрый, и еще не перестала петь.

— Конечно, я согласна, — с улыбкой сказала Эльза. — Проходите в гостиную, я не заставлю вас долго ждать.

Проводив гостей и невольно пожалев о том, что не держит служанку, которая сейчас подала бы кофе, Эльза быстрым шагом направилась в спальню — собираться. Открыв платяной шкаф и вытащив вешалку с платьем, Эльза вдруг подумала: а ведь она уже успела забыть, как это бывает, когда перед свиданием тело охватывает теплым внутренним трепетом, и отражение в зеркале подмигивает и улыбается, говоря, что все идет так, как надо, что все будет хорошо.

Ей очень хотелось в это поверить.

Нырнув в платье, Эльза подумала, что все сделала правильно. Она сумела договориться с самым страшным человеком королевства о том, что они начнут поступать так, как положено при знакомстве и нормальных отношениях. Она убедила Габриэля не душить и не причинять ей боли. А там... Задумчиво взглянув на себя в зеркало и мелкими движениями подщипав щеки для румянца, Эльза подумала, что ей, возможно, повезло. В конце концов, она никто — сирота из когда-то благородного семейства — но у нее завязались отношения с племянником короля.

Как сказала бы баронесса Маргжетта, грешно упускать такой случай. Особенно учитывая, сколько народу сейчас на стороне Эльзы.

Они отправились выпить по чашке кофе в тот самый ресторанчик, где совсем недавно Эльза сидела с Беном, и Габриэль вытребовал у него обещание никогда больше не приближаться к ней.

— Здесь самый вкусный кофе в столице, — заметила Вера, когда они поднялись на веранду. — Только что-то сегодня слишком много народу.

Эльза хотела было что-то ответить — и осеклась, увидев за одним из столиков Бена, сидевшего в компании экзотической седоволосой девушки. Габриэль, который почти всю дорогу молчал, лишь иногда отделяваясь от кухни неловкими репликами, взял Эльзу за руку — и она каким-то шестым чувством поняла, что дело не в том, что Бен рядом.

Дело в девушке.

— О, Бен! — воскликнула Вера, и Бен, проворно выбравшийся из-за столиков, осторожно пожал протянутую девичью руку. — Как поживаете?

— А, так вы знакомы, — проворчал Габриэль. Он словно опомнился, понял, что Бен откуда-то знает его кузину и, должно быть, понял, что с этим надо как-то смириться. Вера кивнула, одарив Бена легкой улыбкой.

— Да, мы ходили на лекции к профессору ауф Айзену, — сообщила Вера, и Бен тотчас же подтвердил:

— Всеобщие начала механики. Сидели на последнем ряду лектория и спорили про закон сохранения энергии, — он посмотрел на Веру с тем теплом, с которым смотрят на старую подругу, которая осталась только подругой, так и не став любовью, а потом обернулся к экзотической девушке и произнес: — Пойдемте, я познакомлю вас с моей сестрой.

Магда ауф Перес была бы исключительной красавицей, если бы не маска, закрывавшая половину ее лица: белый фарфор делал девушку похожей на куклу или изваяние, и Эльза вздрогнула, когда Магда промолвила мягким, почти материнским тоном:

— Добрый день, господа. Ваше высочество, я счастлива наконец-то познакомиться с вами. Бен много о вас рассказывал.

— И я рада, — Вера осторожно пожалала протянутую руку и кивнула в сторону Габриэля: — Мой брат, Габриэль ауф Вилберн.

— Я знаю, кто он, — улыбнулась Магда и похлопала по свободному стулу рядом с собой. — Присаживайтесь, друг мой, посмотрю на вас. Никогда не видела второго Привратника Смерти.

Габриэль послушно сел рядом с Магдой, словно его потянули за невидимые веревки. Бен понимающе кивнул и махнул официанту, чтоб несли кофе. Магда протянула руку и легонько дотронулась до виска королевского палача — тот вздрогнул, словно от удара тока, но не отстранился от этой узкой руки, унизированной браслетами.

— Второго Привратника Смерти? — негромко поинтересовалась Вера, склонившись к Бену. — Она что, первый?

Эльза вспомнила их с Беном поездку и рассказ о том, что Магда попала в Прорыв — и выжила. Как и Габриэль когда-то.

— Да, — кивнул Бен. — Просто она действует немного иначе. Не убивает людей, а

отнимает у них неизлечимые болезни и беды. Господин ауф Вилберн открывает двери перед Смертью, а моя сестра, если так можно выразиться, их закрывает.

В голосе Бена прозвучала с трудом скрываемая гордость. Он искренне уважал и любил сестру — настолько же сильно, должно быть, презирая королевского палача.

— Невероятно, — едва слышно произнес Габриэль, и Эльза, посмотрев на Магду, вдруг увидела, что на ее маске проступают тонкие золотые линии, складываясь на белизне фарфора в узор из хризантем. — Значит, вот так ты и живешь...

— Вот так и живу, — улыбнулась Магда, и убрала руку от лица королевского палача, обрывая их безмолвный разговор. Эльза сидела ни жива, ни мертва, чувствуя, что сейчас происходит что-то невероятно важное не только для Габриэля, но и для всех.

Встретить второго Привратника Смерти! Невероятно!

— Надолго ты в столицу? — поинтересовался Габриэль. Все остальные, сидевшие за столом, словно стали второстепенными персонажами при разговоре главных героев — это чувство не оставляло Эльзу, и, отпив кофе, она не почувствовала вкуса.

Магда казалась ей одновременно прекрасной и пугающей. Она хватала Смерть в обнимку и швыряла на обе лопатки, она побеждала, и ее поле под красным небом было засеяно белыми хризантемами.

— Возможно, навсегда, — призналась она. — Мне нужно сменить климат, на юге слишком жарко. Ну, а ты?

Габриэль вдруг обернулся к Эльзе, словно искал поддержку, и его лицо обрело какое-то растерянное и почти испуганное выражение — оно напугало Эльзу так, что у нее даже живот заболел.

— А что я? — спросил Габриэль, стараясь выглядеть невозмутимым и не показывать, насколько его потрясла эта неожиданная встреча.

— Твое будущее выглядит очень расплывчатым, — призналась Магда. — Твоя судьба решается в эти дни, и только от тебя зависит, какой дальше будет твоя жизнь. Ты должен сделать выбор... я затрудняюсь сказать, что именно ты должен выбрать. Но, Габриэль, ты либо продолжишь жить, как жил, среди своих нарциссов, либо...

Магда умолкла и неопределенно пожала плечами.

— Либо смогу ожить в мире живых, — закончил Габриэль. — Да, Магда. Я понимаю, о чем ты.

Привратники Смерти и сами в определенном смысле мертвы. Для того, чтоб выполнять свою работу — тяжелую, угрюмую, ту, которая растаптывает дух и иссушает плоть ежедневным соприкосновением с тьмой — им надо утратить себя. В принципе, это и есть смерть. Так Габриэлю говорил его наставник Иоахим ауф Митт, тогдашний королевский палач. Узнав о том, что у него наконец-то появился преемник, господин Иоахим даже улыбнулся, впервые за несколько десятков лет.

У Габриэля было поле с нарциссами. Господин Иоахим проводил свободное время в оранжерее, выращивая белые кустовые розы — в точности такие же цветы, должно быть, заполняли его внутренний темный мир под багровым небом. Однажды маленький Габриэль видел, как королевский палач, проходивший по оранжерее, быстрым движением сорвал испорченный бутон в глубине кустов так, что не дрогнули ни цветы, ни листья. Стоит ли говорить о том, что после его смерти белый розарий иссох за какие-то сутки...

— Ожить в мире живых, — согласилась Магда. — Так и есть.

Вера осталась в компании брата и сестры ауф Перес, решив, что ее роль дуэньи уже выполнена, и молодые люди дальше смогут справиться и без нее, и Габриэль с Эльзой неторопливо побрели по улице в сторону набережной. Габриэль подумал, что судьба ходит по кругу. Они начали именно в этом месте и снова сюда вернулись. Оставалось надеяться, что сегодня обойдется без Прорывов.

Сегодня это место было залито ярким солнцем, гуляющий народ бродил по набережной, стоял на изящных изогнутых мостах и рассаживался в прогулочные лодочки. О Прорыве, который случился здесь совсем недавно, все уже успели забыть. У подножия памятника победителям-морякам весело отплясывали мимы в белых безразмерных балахонах, представляя картинку из жизни северян, отличавшихся добродушием и завидным тупоумием. Зрители были благодарными — они смеялись, аплодировали, и в коробочку для подаяния, стоявшую неподалеку от мимов, так и сыпалась медь и мелкое серебро.

Но мимы Эльзу не заинтересовали. Она практически тянула Габриэля за руку, чтоб отойти от памятника подальше, и, когда белые балахоны остались позади, то Габриэль спросил:

— Что с ними не так?

— Я их боюсь, — смущенно призналась Эльза, словно говорила о чем-то по-настоящему стыдном. — С самого детства. Мне всегда казалось, что там не люди, что там... — она замялась и добавила: — Что там какое-то зло. Оно просто притворяется человеком, чтоб подобраться поближе и ударить.

— Очень может быть, — задумчиво согласился Габриэль. — Зло часто надевает личины. А мне этого делать не надо, меня и так все видят.

Он надеялся, что Эльза не обратит внимания на то, какими взглядами их провожают гуляющие. Неоднозначная внешность Габриэля притягивала чужие взгляды, в которых плескалось понимание: вот идет королевский палач. Человек, который убивает. А сейчас, надо же, с девушкой, не повезло ей, бедняжке...

— Ты не зло, — сказала Эльза таким тоном, который не оставлял пространства для спора. — Мне, во всяком случае, хочется так думать.

— Надо же, — усмехнулся Габриэль. — Иногда мне хочется того же самого.

Некоторое время они шли молча. Чуть дальше от памятника, не доходя до причала, где останавливались прогулочные лодочки, украшенные разноцветными лентами, была белая ротонда — там сейчас играл маленький оркестр, и певица, высоченная и настолько рыжая, что делалось больно глазам, пела какой-то старинный романс о любви. Габриэль слышал его в далеком детстве, когда еще были живы родители: отец пел его матери по вечерам...

Эльза остановилась и некоторое время слушала приятный, не по-женски низкий голос певицы, а потом, когда романс закончился, вдруг призналась:

— А ведь я когда-то тоже пела...

По ее лицу скользнула тень, и Габриэль подумал, что видел такие лица у людей на кладбищах. Стоишь у могильного холмика, поросшего травой, и понимаешь, что все, что было и имело какой-то смысл, давным-давно прошло, мечты и чувства высохли, и их развеяло пылью по ветру — и от этого понимания чувствуешь не грусть, а светлую печаль.

— Почему ты перестала? — спросил Габриэль и добавил: — У тебя приятный голос.

Эльза посмотрела на него так, словно пыталась понять, до каких границ можно доверять Привратнику Смерти, а потом ответила:

— Потом Сандини меня бросил. С тех пор я больше не пела.

«Значит, я правильно сделал, что подхлостил его», — подумал Габриэль, а вслух сказал:

— Я бы хотел послушать, как ты поешь, — Эльза посмотрела на него чуть ли не с мольбой, словно боялась, что он ее заставит, и Габриэль поспешно добавил: — Не настаиваю, конечно. Только если сама захочешь.

Теперь оркестр играл легкий народный танец, и возле ротонды уже кружилось несколько пар, в основном, из молодежи. Габриэль смотрел на них — воздушных, невесомых, счастливых — и не знал, что чувствует. Неужели вот это и есть счастье?

Обычное, человеческое, простое — сжать в объятиях девушку и танцевать с ней просто потому, что тебе это нравится...

Он, разумеется, умел танцевать, этому учили всех принцев и принцесс, и какое-то время Габриэль даже делал успехи — потом ему стало скучно, и он почти забросил танцы, а потом стал Привратником Смерти, и его начали занимать другие вопросы. Он почти забыл о том сладком восторге, который иногда накрывал его в те моменты, когда он скользил по паркету.

— Потанцуем? — вдруг произнес Габриэль неожиданно для самого себя.

Эльза посмотрела на Габриэля с каким-то веселым удивлением, словно не ожидала, что он в принципе способен предложить что-то похожее. Возможно, она даже хотела отказаться, но музыканты вскинули смычки, зазвучала новая мелодия, и Габриэль подхватил Эльзу и закружил в танце.

Лица людей, стоявших возле ротонды, смазались, закружившись в цветном хороводе. На какой-то миг Габриэлю стало тяжело дышать, а горло и грудь стянуло мучительным спазмом. Музыка несла его и Эльзу куда-то прочь от набережной, от города, от людей, которые сейчас удивленно смотрели на королевского палача и его спутницу. Габриэль даже почувствовал прикосновение страха, вдруг подумав, что он что-то делает не так, и в висках застучали знакомые молоточки.

Он взглянул на Эльзу и вдруг удивленно обнаружил, что девушка счастлива. Глаза ее были закрыты, словно Эльза спала, а на губах танцевала счастливая и чуть смущенная улыбка, будто сон, который ей снился, был очень хорошим, будто она вернулась в детство и юность, еще не опорооченные ни Сандини, ни Привратником Смерти. Сейчас Эльза казалась невесомой, бабочкой, летящей вверх по солнечному лучу. Сейчас она всей своей сутью принадлежала простому счастью — жить, танцевать, любить жизнь и наслаждаться ею.

Боль в груди усилилась, словно и душа, и тело протестовали против того, что делал Габриэль. Привратнику Смерти не положено танцевать, это для него слишком смешно и несерьезно. И в то же время что-то твердило, что не стоит быть таким, как господин Иоахим, который улыбнулся всего два раза за всю свою долгую жизнь.

Это не было грехом — это было хуже любого греха. И он, Габриэль, совершал этот грех с пятнадцати лет.

Музыка иссякла, словно вода, и, когда танцующие пары остановились, Габриэль несколько мгновений не мог поверить, что на этом все и закончилось. Грудь и горло по-прежнему сдавливали невидимые пальцы, почти не давая дышать, но, несмотря на это, Габриэлю было легко и свободно. Эльза в его объятиях казалась легкой-легкой. Она смотрела на Габриэля, и в ее глазах был свет.

— Что скажет этикет, — негромко произнес Габриэль, — если я решу тебя поцеловать?

Кажется, на них смотрели — разумеется, королевский палач и его подруга привлекли всеобщее внимание. Кажется, те, кто сейчас собрался слушать музыку у ротонды, негромко говорили именно о них. Но Габриэлю было все равно.

— Ничего, — так же негромко откликнулась Эльза. — Потому что я сама тебя поцелую.

И осторожно, будто боялась спугнуть то чувство, что возникло между ними, прикоснулась губами к его губам.

Вечер завершился так, как и полагалось по этикету.

Габриэль проводил Эльзу домой, и, когда она предложила ему чашку кофе, ответил:

— Лучше в другой раз. Если уж мы начали по правилам, то будем их придерживаться.

И Эльза почему-то очень обрадовалась. Закрыв дверь за Привратником Смерти, она задумчиво прошла в гостиную, всем телом ощущая то непривычное чувство, которое возникло между ними сегодня. Встав у окна, Эльза увидела, как Габриэль прошел немного в сторону перекрестка и махнул рукой, останавливая экипаж. Кучер посмотрел

на своего седока с нескрываемым страхом, Габриэль устроился на скамье, и экипаж быстро двинулся в сторону центра.

Эльза поежилась и энергично растерла руки. Их «как бы настоящее первое свидание» прошло хорошо, так, как и полагалось. После истории с Сандини Эльза перестала петь и была уверена, что никогда и ни с кем больше не захочет танцевать — но сегодня она танцевала.

Господи, она не могла в это поверить. Все это словно случилось с кем-то другим, а не с ней. Эльза чувствовала себя цыпленком, который выбирается из скорлупы и видит, что мир-то на самом деле огромный, прекрасный, полный чудес и удивительных событий, мир гораздо больше, чем она могла бы себе представить. И Эльзе казалось, что Габриэль испытал сегодня что-то похожее.

Он тоже выбирался из скорлупы. Он пробовал оставить позади поле нарциссов под низким багровым небом. Наверняка ему было тяжело и трудно — но Эльза откуда-то знала, что Габриэль тоже чувствует себя счастливым.

В дверь постучали. Эльза вздрогнула — не то от повеявшего невесть откуда сквозняка, не то от неприятного предчувствия, внезапно кольнувшего в подреберье. Неужели Габриэль вернулся? Да вряд ли, он принял ее правила игры...

На пороге стоял Бен. В руках он держал букет цветов — нежные кремовые розы в компании с белыми ирисами и сиренью — и Эльза почувствовала, как сердце нервно стукнуло в груди и рухнуло куда-то вниз. Все это время она старалась не думать о Бене, она старательно прогоняла все мысли об этом добром, хорошем, спокойном парне и ужасно обрадовалась, узнав, что он знаком с принцессой Верой: из них вышла бы замечательная пара.

И теперь Бен стоял на пороге с таким отчаянным, решительным и горьким видом, словно собирался на войну и знал, что не вернется домой.

— Бен... Это вы... — только и смогла проговорить Эльза. Она почему-то оторопела, окаменела, и лишь откуда-то из потаенной глубины ее души пробивалась радость, и Эльза готова была на все, чтоб эту радость скрыть.

— Это я, — кивнул Бен и шагнул вперед. Эльза отступила, пропуская его в квартиру, и на нее повеяло свежей сладостью цветов. — Эльза, ваш друг может сделать со мной все, что захочет. Но я не могу больше так.

Эльза и сама не заметила, как пальцы сжались на толстой ножке букета. Ирисы дразнились, высовывая желтые язычки, розы держались строгими кокетками, и Эльза невольно поблагодарила Бена за то, что он не добавил в букет нарциссов.

Она умерла бы на месте, если б там был хоть один.

— Эльза...

Эльза ахнула, не сразу поняв, как Бен взял ее за руки и почему вдруг сместился куда-то вниз — лишь потом ей стало ясно, что он встал перед ней на колени.

— Бен..! — выдохнула Эльза, не зная, куда деть эти цветы, Бена, да и саму себя. — Встаньте! Встаньте, прошу вас! Бен...

— Эльза, я не могу и не стану больше молчать, — произнес Бен, глядя ей в лицо таким взглядом, что в груди у Эльзы разлилось тепло, а по рукам побежали мурашки. — Вы удивительная девушка. Добрая, нежная, чуткая, в вас есть смелость и сила. Я полюбил вас сразу же, как только увидел, я люблю вас, Эльза, и готов отдать все за право быть с вами.

Эльза слушала Бена, смотрела в его широко распахнутые глаза, полные любви и глубокого тепла, и понимала, что именно ее в нем привлекло. Когда Бен был рядом, то тревожный колокольчик, поселившийся где-то рядом с ней после того, как Эльза покинула больницу святой Магдалены, вел себя тихо. Он молчал. А в присутствии Габриэля колокольчик сразу же начинал звенеть — пусть негромко, почти на грани слышимости, но он предупреждал Эльзу об опасности.

Она и сама понимала, что Привратник Смерти и королевский палач — самый жуткий и непредсказуемый человек в стране. Но сегодня, после прогулки и танца, Эльзе стало казаться, что не все так плохо, и они с Габриэлем вполне могут быть счастливы. Человек ведь может измениться и стать совсем другим, если сочтет, что это важно для него.

А теперь пришел Бен, и Эльза вспомнила про колокольчик. Не умолкавший даже тогда, когда они кружились в танце возле ротонды.

— Бен, — прошептала Эльза, молясь всем святым, чтоб никто из соседей не увидел, как Бен вошел сюда, и потом не рассказал об этом Габриэлю по доброте душевной. — Бен, умоляю вас. Встаньте.

Она все-таки умудрилась освободить запястья из его рук и наконец-то положила букет на крошечный столик для перчаток, опасливо качнувшийся под его весом. Бен поднялся с колен и снова взял Эльзу за руки. От него веяло запахом дорогой туалетной воды с нотками полевых цветов и дуба, и колокольчик тревоги молчал, словно ему вырвали язык.

— Выходите за меня замуж, — твердо произнес Бен, по-прежнему глядя Эльзе в глаза. — Эльза, я хочу, чтоб вы стали моей женой. Я клянусь, что сделаю вашу жизнь такой счастливой, что вы никогда не пожалеете о своем согласии. Если вы согласны, то на соседней улице есть церковь святого Брутуса, и она никогда не закрывается.

«А Габриэль не зовет меня замуж, — растерянно подумала Эльза, не сводя взгляда с лица Бена, наполненного отчаянной тоской. — Я вполне его устраивала в качестве любовницы».

— Бен, послушайте, — сказала она, пытаясь хоть как-то совладать с волнением, а потом махнула рукой и добавила: — Пойдемте присядем.

Бен послушно потянулся за ней в гостиную. Эльза подумала, что из господина ауф Переса получится прекрасный муж, всем на зависть. Спокойный, любящий, неперечливый, да еще и богатый. Золото, а не муж.

— Если Габриэль узнает, что вы пришли ко мне, он выполнит свое обещание, — с искренней горечью сказала Эльза, когда Бен устроился в одном из кресел.

— Я его не боюсь, — горячо добавил Бен. — Я попробовал держаться от вас подальше, дорогая Эльза, но это невыносимо. Я так не могу — знать, что вы здесь, в этом городе, что вы ходите по этим улицам и дышите этим воздухом... Знать и не сметь приблизиться к вам.

— Я за вас боюсь, — откровенно сказала Эльза. Ей даже представлять не хотелось, что сделает Габриэль, когда узнает о том, что Бен пришел к ней с предложением руки и сердца.

«А сам Габриэль ничего тебе не предлагает, — снова ожил внутренний голос. — Через пару свиданий все вернется, как было. Ты снова станешь любовницей королевского палача, и всех твоих привилегий — только то, что он тебя не душит».

Эльзе казалось, что она бредет в тумане.

— Кто он вам? — с горечью произнес Бен. — Муж, отец, брат?

— Нет, — вздохнула Эльза, прекрасно понимая правоту Бена. — Нет, Бен, он мне не муж, не отец и не брат.

— Тогда и распоряжаться вами он тоже не смеет! — воскликнул Бен. — Я понимаю, что он племянник короля, но вы — не рабыня. Вы имеете право выбирать свою судьбу.

Он умолк и нервно сжал переносицу, а потом совсем негромко произнес:

— Эльза, я помню, какой вы были в Лесном Углу, когда его увидели. У меня стоит перед глазами ваше лицо. Поверьте, я никогда не видел, чтоб женщина была так испугана. Эльза, вы можете бояться вашего любовника. Вы можете жалеть его — Магда жалеет, даже очень. Даже плакала сегодня. Но Эльза... — Бен смотрел так, словно хотел вырвать

из сердца все чувства и вложить их в слова. — Вы никого не должны спасать ценой собственной жизни.

Эльза с грустью подумала, что Бен во многом прав. Габриэль не перестанет быть Привратником Смерти и королевским палачом, он не отречется от самого себя, а значит рано или поздно та жестокость, которую он носит в себе, выплеснется снова. Но она помнила, каким Габриэль был сегодня на набережной, какой мягкой мечтательностью было наполнено его лицо, и ответила:

— Дайте мне время, Бен, — твердо сказала Эльза. — Я не могу обещать вам ни своего согласия, ни своей любви. Но если ваши намерения действительно серьезны, то я прошу вас подождать.

— Я готов, — решительно ответил Бен, и в его глазах появился энергичный блеск. — Я буду ждать столько, сколько потребуется. И если вы скажете «нет», я никогда вас больше не потревожу.

— Месяц, не больше, — сказала Эльза, полагая, что ей хватит этого времени, чтоб определиться окончательно и понять, на что рассчитывает Габриэль. — Не хочу вас обманывать, Бен, и быть с вами неискренней. У меня достаточно глубокие отношения с Привратником Смерти. Просто попробуйте понять и не злитесь, что я не приняла вашего предложения.

Бен улыбнулся — и эта улыбка была настолько живой и светлой, что Эльзе сразу стало легко.

— Я не злюсь, Эльза, — ответил он. — Я просто вижу перед собой девочку, которая настолько запугана, что перестала воспринимать страх и теперь считает его любовью. Хорошо, я приду через месяц.

Когда они вышли в прихожую, и Эльза снова увидела букет, огромный и какой-то нелепый, как и сам Бен, то сказала:

— Спасибо вам. И за букет, и... — она не нашлась, что сказать дальше. Бен улыбнулся и легонько ткнулся губами в Эльзину щеку — так он мог поцеловать сестру или мать.

— До встречи через месяц, — сказал он. — А если понадобится раньше, то я живу на Веффольском холме, дом девять.

— Я запомню, — улыбнулась Эльза, надеясь, что этот адрес никогда ей не понадобится. — До встречи.

Глава 6

В Красных комнатах все было, как всегда.

Габриэль прошел в лабораторию, постоял возле рабочего стола, потом вернулся в кабинет со стойкой с ядами, пробежался пальцами по пробкам. Все в идеальном состоянии, все готово к работе даже сейчас, поздним вечером. Прислуга зажгла лампы, и Красные комнаты налились уютным теплым светом. Если не знать о том, что здесь происходит, то можно считать, что это квартира какого-нибудь ученого или исследователя, который предпочитает работать на дому, а не в стенах академии.

Это спокойствие и предсказуемость нравились Габриэлю. Он вынул из ящика стопку акварельной бумаги и подумал, что, должно быть, просто привык ко всему этому. Привык и теперь не знает, как впустить в свой мир что-то другое. Да и нужно ли впускать?

По большому счету, ему нравилась та жизнь, которую он вел. Работа в Красных комнатах, нарциссы, редкие визиты в «Зеленый огонек» и ежедневные пикировки с принцессой Августой заполняли ту пустоту, что поселилась в душе Габриэля после того, как его вынули из развалин экипажа. А потом появилась Эльза, и она была настолько не похожа на все, что случалось с ним до этого, что Габриэль захотел ее присвоить.

Он вынул ящик с акварелями, карандаши и кисти, набрал воды в маленький стакан и, устроившись на привычном месте, в кресле, принялся набрасывать рисунок. Свежие нарциссы в вазе теперь не казались пугающими — просто красивые весенние цветы, которые по его прихоти цветут круглый год. Какая разница, что болван ботаник назвал их короной мертвых...

Тишину Красных комнат нарушил негромкий стук, а затем дверь открылась, и послышались быстрые легкие шаги. Габриэль отложил карандаш — вот так, не дожидаясь разрешения войти, здесь могут появиться только принцы или принцессы.

— Добрый вечер, — Вера выглянула из-за дверей и спросила: — Чем занимаешься?

Вместо ответа Габриэль продемонстрировал ей бумагу с наброском. Вера прошла в комнату, опустила на диванчик и спросила:

— Ну, как твои успехи?

Габриэль неопределенно пожал плечами.

— В целом все хорошо, — ответил он, не понимая, с чего это Вера вдруг решила принять такое участие в его судьбе. Должно быть, ее эмансипированному высочеству просто скучно.

Вера усмехнулась так, словно ожидала услышать более развернутый ответ.

— Ты в своем репертуаре, Габриэль, — сказала она. Габриэль только плечами пожал. Его сейчас больше интересовали колокольцы нарисованных нарциссов, чем разговор с двоюродной сестрой.

— Ты так говоришь, словно это плохо, — все-таки произнес он. Вера пожала плечами, сцепила длинные пальцы на остром колене. Надо же, как тесен свет — она знакома с этим ауф Пересом. Может, они составят пару?

— Ну все, не будь букой и не стесняйся, — велела Вера. — Рассказывай, чем кончилась ваша прогулка.

Габриэль снова пожал плечами. Тщательно сполоснул кисточку в стакане.

— Это была хорошая прогулка, — признался он. — Совсем как в старые времена, когда я ухаживал за Анастаси. Были на набережной, потанцевали у ротонды. Поцеловались.

Вера посмотрела на него с теплом. Тем взглядом, которым мало кто смотрел на Привратника Смерти.

— Когда ты о ней говоришь, то у тебя лицо меняется, — заметила она. — Ты становишься беззащитным и каким-то особенно хорошим.

— Правда? — удивился Габриэль. — Не сказал бы, что это хорошо.

— Конечно, — согласилась Вера, — потому что для королевского палача это плохо. А для Габриэля ауф Вилберна я бы не желала ничего лучше. Знаешь, почему?

Габриэль догадывался, но ему хотелось услышать, что скажет Вера.

— Потому что эта слабость дает тебе возможность расслышать и понять другого человека, — сказала Вера. — Она делает тебя живым.

Некоторое время они молчали, затем Габриэль отложил рисунок и спросил:

— А как твоя встреча с господином ауф Пересом?

На щеках Веры появился легкий румянец, который придал вечно строгой недотроге какое-то романтическое очарование и нежность, словно Вера и в самом деле готова была влюбиться.

— Он просто душка, — сказала она, и эти слова больше подходили бы Августе, чем Вере. — Совсем не изменился со времени нашей учебы, все такой же добрый и наивный.

— Он пламенный революционер, — сообщил Габриэль. — Оплачивал нужды подполья, которое потом решило от него избавиться.

Вера понимающе кивнула.

— Да, я ожидала чего-то в этом роде, — ответила она. — Бен всегда был таким. Справедливость для него превыше всего.

Габриэль почувствовал легкий, но достаточно болезненный укол. Оставалось надеяться, что этот благородный рыцарь не плюнет на их договор и не приблизится к Эльзе. А то с него станется, Габриэль успел повидать таких ясноглазых идеалистов...

— Ты ему нравишься, — заметил он. Вера звонко рассмеялась и махнула рукой. «Как странно, — подумал Габриэль, что кто-то может смеяться в Красных комнатах...»

— Ты так говоришь только потому, что хочешь отвести его от своей Эльзы, — припечатала кузина и, полюбовавшись на вытянувшееся лицо Габриэля, добавила: — Я знаю вашу общую историю, так уж получилось. Магда рассказала.

Некоторое время Габриэль молчал, устало вслушиваясь в звон в ушах. Значит, Магда. Понятно.

— Я обещал его убить, если он еще раз подойдет к Эльзе, — признался Габриэль. Вера посмотрела на него с искренним сочувствием — так смотрят на неизлечимо больных, которые еще не понимают, чем больны.

— Так ты вряд ли добьешься чего-то толкового, — сказала она. — Опыт двух твоих браков это наглядно показывает.

Габриэль хотел было вспылить и сказать Вере, что она лезет не в свое дело, и он вовсе не нуждается в ее советах и рекомендациях, но потом подумал, что она права. Он и сам прекрасно понимал все это.

— Я хочу научиться поступать иначе, — признался он. — Но твоему товарищу Бену лучше все-таки держаться от нас подальше.

— Подарки, — заметила Вера и пояснила: — Не отвлекайся на Бена, Господь с ним. Лучше подари своей Эльзе что-нибудь милое. Это ее расположит сильнее, чем страх.

Герцогиня Агата советовала жемчуг. Габриэль с легкой грустью вспомнил, как спрашивал у старухи совета насчет подарка, и как Эльза сбежала в тот же день.

Все это правильно. От королевского палача и положено сбежать.

— Пожалуй, ты права, — осторожно сказал Габриэль. — Зайду завтра в ювелирный.

Вера скривилась, словно он собирался зайти не в магазин, а в общественный нужник.

— Только не цацки! — воскликнула она. — Порядочную девушку такие вещи обязывают. А ты ведь не собираешься на нее давить, верно?

Габриэль устало прикрыл глаза. Ему остро захотелось, чтоб все оставалось так, как раньше. Как он привык. Как было спокойнее.

— Ну а что тогда надо? — сварливо осведомился он. Вера торжествующе улыбнулась и ответила:

— Научу. Не волнуйся.

Когда на следующий день Габриэль приехал после обеда и предложил отправиться в Пуцу, Эльза обрадовалась, как ребенок. Она любила этот огромный полудикий парк на окраине столицы. В городе строилось множество новых зданий, прокладывались новые дороги, стрелами пролетали проспекты, но Пуца оставалась этаким уголком живой природы, заповедником под личной опекой ее величества, и столица подступила к парку почти вплотную и остановилась.

В Пуцу пришла осень и обосновалась здесь всерьез. Во всех кронах деревьев уже красовались рыжие и золотые пряди, трава становилась тонкой и ломкой, и ее зелень медленно, но верно превращалась в охру. В воздухе пахло звонкой осенней прохладой.

— А ведь скоро зима, — сказала Эльза. Габриэль, который нес большую корзину для пикника, вопросительно поднял бровь.

— Не любишь зиму? — спросил он. Эльза пожала плечами.

— Я люблю кататься на коньках, — сказала она. — Люблю наварить глинтвейна, сесть у окна с книгой и смотреть, как идет снег. А еще люблю Рождество, когда дети колядуют...

Эльза с какой-то светлой печалью вспомнила, как ходила в детстве на колядки. Все соседские дети собирались на улице, брали длинные палочки с приклеенными золотыми звездами, а самые старшие, близнецы Мари и Хайнс, несли вертеп с фигурками Младенца и Пресвятых Родителей. А потом вся веселая компания шла по улицам, пела и получала награду: конфеты, яблоки, пряники, даже серебряные монетки. Славим Господа всемогущего, славим создателя всего сущего, славим Деву и младенца на руках ее... Снег взвизгивал под подошвами валенок, воздух пах яблоками и морозом, и небо было высоким-высоким...

— А зиму я совсем не люблю, — призналась Эльза. — Холод, ветер... Это не по мне.

Она не стала добавлять, насколько холодно бывает в ее квартирке, когда наступает зима, ветер дует из всех щелей, и кажется, что кровь застывает в жилах. Впрочем, до этого еще далеко. Незачем портить себе настроение тем, что ты не сможешь изменить.

— А я умею варить глинтвейн, — вдруг чуть ли не смущенно сказал Габриэль. — Только без апельсинового сока. Просто с дольками.

Эльза удивленно посмотрела на него. Подумать только, королевский палач варит глинтвейн. А еще он рисует нарциссы, читает античных философов, и его мир намного глубже, чем он хочет показать.

В его мире есть не только нарциссовое поле.

— Кстати, а что в корзине? — поинтересовалась Эльза. Габриэль взвесил корзину в руке и ответил:

— Картофельный салат под белым соусом, сыр, два сорта ветчины и маринованные овощи. И куриные рулеты.

— Настоящий пир! — рассмеялась Эльза и взяла Габриэля за свободную руку — так они и пошли дальше по дорожке, которая вилась среди кленов и в итоге привела их к

маленькому пруду.

Здесь царила какая-то прозрачная тишина — настолько глубокая, что ее не нарушили даже их шаги. Под деревьями, медленно ронявшими листья в воду, были вкопаны две изящные скамейки и маленький стол для пикника — когда Эльза расстилала тонкий клетчатый платок, служивший им скатертью, на плечо Габриэля неслышно упал маленький резной листок.

Еда оказалась исключительно вкусной — Эльза прекрасно понимала, что во дворцовой кухне готовят из лучших продуктов, и наслаждалась каждым кусочком. Внутренний голос заметил с интонациями баронессы Маргжетты, что Эльза сможет нормально питаться каждый день, а не выгадывать, как и на чем сэкономить получше.

Впрочем, Габриэль пока не делал ей никаких серьезных предложений, в отличие от Бена.

— Зачем столько соли? — поинтересовалась Эльза, заглянув в корзину и увидев по-настоящему огромную солонку. Габриэль прищурился и указал куда-то за ее плечо:

— Для них.

Эльза обернулась и ахнула, тотчас же зажав рот ладонями. На какой-то миг она перестала дышать, боясь спугнуть удивительное хрупкое чудо. Из-за деревьев выглядывали олениа — маленькие, серовато-рыжие, с любопытными антрацитово-черными глазами и трогательными мягкими ушками. По спинам и бокам малышей были рассыпаны белые пятна, тоненькие ножки осторожно переступали по опавшим листьям, словно олениа хотели выйти к людям и боялись, что их обидят.

Мать-олениху Эльза увидела уже потом: та стояла рядом со своими малышами и оценивающе смотрела на Эльзу и Габриэля.

— Боже мой... — прошептала Эльза, не сводя взгляда с олениа. — Такие маленькие...

Габриэль бесшумно отломил кусок хлеба, щедро посыпал солью и протянул в сторону животных. Мать склонилась к олениа и сделала крошечный шаг вперед, словно подталкивала их к угощению. Один из малышей, самый смелый, приблизился к людям и осторожно, едва коснувшись губами, взял хлеб из руки.

Габриэль закрыл глаза. Это было чудо, подумала Эльза с горечью, жалостью и любовью, а в его жизни было слишком мало хороших чудес. Олененок ел хлеб, бархатные ушки подрагивали от волнения, и Эльза сама не заметила, как погладила его теплую спинку.

Второй малыш осмелел и тоже подошел к людям. Эльза посолила хлеба и протянула ему — тот забрал кусок, едва прикоснувшись к нему мягкими губами. Габриэль кормил олениху, и его лицо было каким-то радостным и детским, словно Привратник Смерти ушел, а ребенок, когда-то попавший в Прорыв, вернулся. От олениа пахло сухой травой и теплой шкурой, Эльза гладила их, приговаривая что-то доброе и ласковое, и не могла вспомнить, когда ей было настолько хорошо и легко.

Наевшись, семья ушла. Один из олениа обернулся на прощание, одарив Эльзу почти влюбленным взглядом влажных глаз, и скрылся за деревьями. Некоторое время Эльза и Габриэль сидели молча, пытаясь сберечь охватившее их трепетное чувство и запомнить его навсегда. А потом Эльза сказала:

— Это было невероятно. Ты подарил мне чудо.

Габриэль ничего не ответил — просто протянул ей руку. Эльза подошла, обняла его и едва слышно промолвила:

- Спасибо.

После прогулки Габриэль привез Эльзу к ее дому и, выходя из экипажа, подумал, что Вера была права. После этих олениа, таких хрупких и трогательных, девушка действительно расположилась к нему намного сильнее, чем могло бы быть после покупки украшений. Габриэль и сам чувствовал какое-то непривычное тянущее томление в области сердца.

— Это было невероятно, — призналась Эльза. Она улыбалась, смотрела на Габриэля с теплом и нежностью, словно забыла, что он Привратник Смерти и королевский палач. — Я не ожидала, правда. Спасибо тебе.

— Это Вера посоветовала, — признался Габриэль. — Она...

— Ваша светлость! Ваша светлость!

По улице мчался королевский письмоноша, размахивая пакетом с красной сургучной печатью. Габриэль покосился в сторону Эльзы и увидел, как окаменело ее лицо, словно она почувствовала приближение крупных неприятностей.

— Ваша светлость! — письмоноша подбежал, протянул пакет и несколько секунд шумно пыхтел, пытаясь выровнять дыхание. — Личное сообщение из следственного комитета. Вас приглашают...

Габриэль понимающе кивнул, и письмоноша умолк. Габриэлю не надо было ломать красную печать со львом, чтоб понять, в чем тут дело. Следственный комитет наконец-то взял всех господ революционеров, которые взорвали поезд, и теперь надо ехать и работать над признательными показаниями.

Эльза смотрела с тем ужасом, который искажает черты лица, делая его пугающим и безжизненным. Габриэль аккуратно сложил пакет и махнул рукой письмоноше, позволяя удалиться. Когда тот убежал, Эльза спросила:

— Это твоя работа?

Габриэль утвердительно качнул головой.

— Да, — ответил он. — Мне нужно ехать в следственный комитет. Побеседовать с теми, кого спонсировал господин ауф Перес.

Лицо Эльзы было похоже на маску. Она словно бы стала надгробным памятником самому себе.

— Это твоя работа, — снова сказала она, и все светлое очарование прошедшего дня пропало, будто его и не было.

Габриэль почувствовал тянущую злость. Да, это его работа. Он Привратник Смерти и королевский палач, этого не изменить и не переделать. Это его суть, и он не собирался ни стыдиться, ни жалеть.

— Да, — сказал он, стараясь, чтоб нарастающее раздражение не прорвалось в голос. — Это моя работа, Эльза. Я поеду... Доброго тебе вечера и спокойной ночи.

Когда Габриэль поцеловал Эльзу, то ее губы дрогнули, но на поцелуй она не откликнулась.

— Спокойной ночи, — негромко ответила Эльза, и, когда Габриэль сел в подкативший экипаж, махнула ему рукой на прощание, сумев-таки выдавить доброжелательную улыбку.

Но чудо ушло и так и не вернулось.

Город тонул в густых сиреневых сумерках, в домах загорались теплые огни, и Габриэль вслушивался в цокот лошадиных копыт по мостовой и думал о том, насколько все смешно и нелепо. Он может попытаться измениться и стать мягче и душевнее, он может водить Эльзу на свидания и во многом переступить через себя, потому что ему скучно от того, как в обществе принято ухаживать за девушкой — и в итоге все равно это окажется бесполезным. Просто потому, что он Привратник Смерти и никогда не перестанет им быть. С такой работы не увольняются.

Возможно, Эльзе и правда будет проще и легче с каким-нибудь банковским клерком вроде ротастого Бенямина. А принять сущность палача... Это сложно. Практически невозможно. Габриэль изучал историю: практически все Привратники Смерти прожили бобылями, лишь у двоих были бастарды. Остальные скользили по страницам его книг

спокойными серыми тенями, словно безмолвно говорили, что ни о чем не жалеют.

Может, и ему незачем переть против судьбы? Обычно из этого не выходит ничего хорошего.

Ярко освещенное здание следственного комитета стояло в некотором отдалении от остальных, словно дома хотели расступиться и не прикасаться к неприятному соседу. Отпустив экипаж, Габриэль поднялся по ступеням к входу и подумал, что жизнь очень быстра и переменчива. Вроде бы совсем недавно он кормил с руки оленей и боялся дышать, чтоб не спугнуть животных, готовых в любую минуту сорваться с места и убежать — и теперь идет по широким светлым коридорам, наполненным какой-то густой тоской и страхом.

— А, это вы! — из дверей одного из кабинетов высунулся Кабир ауф Хольсс, глава следственного комитета. — Проходите, только вас и ждем.

Габриэль подумал, что людям следует бояться не Привратника Смерти, а этого человека — смуглого, абсолютно лысого и жестокого ради жестокости. То, что делал Габриэль, было его работой, и в работе он никогда не доходил до крайности и не впадал в раж.

Кабир иногда забывался.

Девушка, сидевшая на стуле посреди кабинета, показалась Габриэлю смутно знакомой. Юное, посеревшее от страха и боли личико было украшено знатными кровоподтеками, рыжие растрепанные волосы падали на исхлестанную спину, тонкие запястья сковывали кандалы с иглами внутри, что царапали руки при любом движении.

— Вот, дружище, — Кабир махнул рукой на девчонку и сказал: — Молчит, сучка. И ведь есть-то сопля, а держится.

Габриэль терпеть не мог, когда его называли «дружищем» такие люди, как Кабир. Он прошел к столу, где уже лежал ящик с инструментами, взглянул на его содержимое. Да, богато. Разумеется, не так, как в Красных комнатах, но богато.

Девчонка всхлипнула за его спиной. Попробовала натянуть на плечи те лохмотья, что остались от ее платья, и прикрыть крошечную грудь, и иглы наручников в очередной раз скребнули по запястьям.

— Все понятно, — произнес Габриэль. — Кабир, оставьте нас, пожалуйста. Я работаю один.

Кабир крикнул — видимо, хотел поучиться у знающих людей палаческому мастерству, но не отважился спорить.

— Может быть, кофе? — предложил он. — Или вина?

— Нет, благодарю вас, — ответил Габриэль. — Думаю, мы быстро закончим.

Кабир кивнул и вышел. Из коридора донеслось недовольное ворчание: глава следственного комитета говорил с кем-то из подчиненных.

Ну да бог с ними.

Габриэль обернулся к девушке и некоторое время пристально смотрел на нее. Да, похоже, ребята Кабира и сам Кабир отвели душеньку... Впрочем, девочке следовало понимать, чем все может кончиться, если ты лезешь в опасные игры не по разуму.

— Здравствуй, Ивис, — мягко произнес Габриэль. — Я тебя помню. Помогал уйти твоей сестре.

Ивис кивнула, и по ее грязной щеке пробежала слеза. Девчонка была стойкой, девчонка прекрасно держалась, но пришел Привратник Смерти, и ей стало страшно по-настоящему.

— Ты знаешь, какое наказание полагается за покушение на особу высокого чина? — спросил Габриэль и, не дождавшись ответа, произнес: — Снятие кожи. Я не очень это

люблю, но зато хорошо умею. Ты будешь в сознании до самого конца.

Ему было жаль эту Ивис. Невероятно жаль. Таких вот дурочек из нищих семей, где все богатство — голодные дети, и увлекают умные и хитрые люди в качестве пушечного мяса.

— Впрочем, это ерунда, Ивис, — с прежним спокойствием продолжал Габриэль. — Я знаю, почему ты ввязалась во все это. Тебе обещали дать денег на лечение сестры, правильно?

Ивис подняла голову и едва слышно отозвалась:

— Да. Деньги были.

Габриэль понимающе кивнул.

— Я предлагаю тебе сделку, Ивис, — произнес он, равнодушно заглянув в ящик с инструментами. Обычно в следственном комитете работают люди без выдумки. Просто морды бьют. — Сейчас ты рассказываешь мне все, что не рассказала господину Кабиру. После этого я дам тебе бумагу от своего имени, с которой ты поедешь домой и никогда больше не вспомнишь о своих друзьях. Будешь жить тихо и спокойно, и семья твоя — тоже. Согласна?

Глаза Ивис гневно сверкнули. Габриэль невольно отметил, что она красива. Даже сейчас, избитая и в лохмотьях — красива.

— Вы предлагаете мне предать друзей, — сказала она. Габриэль устало прикрыл глаза. С романтическими девочками и мальчиками всегда так. Они думают только о чести и совести, а не о своем спасении.

А вот их друзья обычно считают иначе.

— Они тебя уже предали, — сказал Габриэль с искренним сочувствием. Заглянул в открытую папку с личным делом, лежавшую на столе, и добавил: — Пауль ауф Шренке назвал твое имя сразу же, как только начали допрос. Поэтому тебя и арестовали.

Лицо Ивис дрогнуло, и глаза наполнились слезами. Наверняка, Кабир в перерывах между избиениями говорил ей о предателе — но поверила она именно Габриэлю.

— Твои родители уже потеряли дочь, — с искренней горечью произнес Габриэль. — А теперь потеряют и тебя. Поверь, Ивис, я все равно добьюсь своего. И лучше тебе пойти мне навстречу и спокойно отправиться домой.

Ивис молчала. Ее худенькие грязные плечи нервно вздрагивали.

— Просто подумай о родителях, — добавил Габриэль. Сейчас он не чувствовал ничего, кроме усталости. Даже об оленях вспоминать не хотелось, словно здешняя обстановка могла как-то замарать их. — Будешь молчать дальше — Кабир приведет их сюда. И младших тоже. И работать я буду уже с ними — а ты станешь смотреть и думать о своем упрямстве.

— Будьте вы прокляты... — прошептала Ивис. Габриэль с грустью подумал, что это было предсказуемо.

— Не я взорвал поезд с людьми, а твои товарищи, — сухо сказал он. — У тебя еще есть шанс не замараться во всем этом. Я тебе помогу.

— И что, вам можно верить? — девчонка склонила голову к плечу, и рыжие волосы потекли по спине. Должно быть, Кабир наматывал их на кулак и бил эту несчастную глупую Ивис, так похожую на олененка...

— Я тебя не обманываю, — ответил Габриэль. Дело было сделано. Можно было брать бумагу и записывать признательные показания — что он и сделал.

Когда спустя полчаса Габриэль вышел из кабинета и протянул Кабиру несколько исписанных листков бумаги с ответами Ивис, то у главы следственного комитета

вытянулось лицо от удивления. Впрочем, удивление почти сразу же сменилось уважением, и Кабир произнес, покачивая головой:

— Вы мастер, дружище. Преклоняюсь перед вами.

«Я не мастер, — угрюмо подумал Габриэль, — это вы все настолько непрофессиональны, что не смогли одолеть какую-то соплячку».

— Я забираю ее, — сказал Габриэль и протянул Кабиру еще одну бумагу: разрешение об освобождении именем короля. Привратник Смерти имел привилегию выдавать такие документы, правда, его величество Георг однажды сказал прямо: не более трех в год. Власть должна быть пугающей и непредсказуемой, а не доброй и милостивой.

Первую бумагу забрал Бенъямин ауф Перес. Габриэль так и не мог сказать, жалеет ли об этом или нет.

Кабир взял бумагу, и его смуглое лицо медленно стало наливаясь серым. В коридоре показался кто-то из Кабировых холуев в темной форме без знаков отличия, но, правильно оценив вид высокого начальства, счел за лучшее свернуть на лестницу. Во взгляде главы следственного комитета появилась понимающая брезгливость.

— Разумеется, дружище, — сказал он и, запустив лапищу в карман форменных брюк, вынул ключи от наручников. — Забирайте, она ваша.

Платье Ивис, когда-то более-менее приличное, теперь стало лохмотьями нищенки. Когда они вышли из здания следственного комитета, и девчонка замерла на ступенях, глубоко вдыхая воздух и подняв голову к небу, к тоненькому серпику луны, то Габриэль со вздохом снял свой пиджак и набросил ей на плечи. Ивис поежилась, словно не понимала, откуда такая щедрость, а потом негромко сказала:

— Спасибо. И за это, и за то, что отпустили.

Габриэль усмехнулся.

— Это будет тебе уроком, — сказал он и махнул рукой экипажу, который неторопливо катил по улице. — Больше не лезь ни в политику, ни в революции. И думай головой, пожалуйста, я не смогу помочь тебе дважды.

Он усадил дрожащую Ивис в экипаж — похоже, именно сейчас она по-настоящему поняла, через что прошла и что с ней могло случиться — а сам неторопливо побрел в сторону дворца. Мелькнула мысль зайти к Эльзе и рассказать ей о допросе, но Габриэль сразу же отогнал ее. Это могло все испортить.

Вечерний ветер гнал по мостовой смятый газетный лист — на дагерротипическом снимке было половинчатое лицо Магды ауф Перес. Газета прокатилась мимо Габриэля, на мгновение задержалась возле фонарного столба, а затем ветер повлек ее дальше.

Если бы все сложилось по-другому, то Габриэль сейчас был бы волшебником и чудотворцем, читающим будущее и способным исцелять больных. И запах его нарциссов не был бы настолько удушающим, и жизнь была бы спокойнее и легче. Во всяком случае, от него бы не шарахались люди...

Не судьба.

А вот заглянуть к Магде, пожалуй, стоит. Два Привратника Смерти всегда найдут, о чем можно поговорить тихим вечером.

Брат и сестра ауф Перес жили в престижном районе на холме, с великолепным видом на реку и старинными домами. Здесь рано ложились спать, но возле дома Бенъямина толпился народ. Габриэль отпустил извозчика и, войдя в изящные ворота, с удивлением и удовольствием обнаружил, что на него никто не обращает внимания. Люди, что стояли на дорожке, с теплом и любовью смотрели на ступени парадного подъезда, где сидела Магда ауф Перес, похожая на большую куклу. Почти все держали в руках крошечные фонарики, и казалось, что в вечерней тьме неслышно плавают бесчисленное множество светлячков. И тьма эта была не угрюмой и сонной, а живой.

— Я молю Господа о вас и ваших заботах, — услышал Габриэль мягкий приятный голос. В нем не было ни твердости, ни звучности, но слова Магды были прекрасно слышны всем собравшимся. — Откройте ваши сердца, поверьте Господу, уподобьтесь детям на санках, которых везут родители. Вас не оставят. Вас любят. Тот, Который защищает птаху малую, — Магда подняла руку, и Габриэль увидел, что на ее ладони сидит крошечная красногрудая птица, — никогда не забудет своих детей.

Птица звонко чирикнула и, вспорхнув с раскрытой ладони, улетела в темный сад. Собравшиеся дружно вздохнули.

— Идите с миром, не бойтесь тьмы, храните в себе свет и верьте Господу, — Магда улыбнулась и легким мановением руки благословила собравшихся. Габриэль никогда не считал себя особенно верующим, но сейчас ему вдруг стало тепло и спокойно, словно к нему действительно прикоснулась чья-то теплая любящая рука.

Когда Магда ушла в дом, а люди пошли в сторону ворот, то Габриэль тряхнул головой, прогоняя наваждение, и быстрым твердым шагом поднялся по ступеням. Дворецкий, который уже запирали двери на ночь, узнал королевского палача и изменился в лице.

— Добрый вечер, — произнес Габриэль. — Я к госпоже ауф Перес.

Красноватая физиономия дворецкого дрогнула в неприятной гримасе, словно он решал, что делать, и никак не мог решиться. Он наверняка решил, что королевский палач задумал что-то недоброе, и его хозяйка в страшной опасности. Но из гостиной донесся голос:

— Гунт, проводите! Я давно жду господина ауф Вилберна.

Дворецкий тряхнул головой и, отступив в дом, согнулся в поклоне.

— Добро пожаловать, ваша светлость.

Магда сидела на диванчике в гостиной, поджав ноги, и выбирала шпильки из волос. Косы падали на ее плечи серебряными змеями. Габриэль смотрел на нее, и в душе что-то нервно звенело, то ли приказывая уйти, то ли веля остаться.

— Ты правильно поступил, когда спас Ивис, — негромко сказала Магда. Габриэль подумал, что ничуть не удивлен. Он опустился в кресло и спросил:

— Это сложно? Знать все и обо всех?

Магда неопределенно пожала плечами. Вынула последнюю шпильку. Свет ламп был тихим, и казалось, что тени в углах и на полу шевелятся и живут своей жизнью. Должно быть, это было частью волшебного образа пророчицы и колдуньи. Впрочем, сейчас Магда не казалась потусторонним существом, облеченным невиданной властью.

— Нет, — ответила она и, бесшумно соскользнув с дивана, подошла к Габриэлю и повернулась к нему спиной. — Совсем не сложно. Помоги, пожалуйста.

Габриэль встал и расстегнул изящный золотой замок на воротнике. Красное одеяние Магды с легким холодным шуршанием стекло к ее ногам, оставив девушку в белоснежной сорочке. Магда перешагнула через платье и вновь села на диван.

— Твой брат дома? — поинтересовался Габриэль. Магда улыбнулась.

— Нет. Ушел два часа назад с приятелями.

Габриэль ожидал услышать что-то в этом духе. Интересно, что за приятели у пламенного революционера на этот раз? Впрочем, нет. Неинтересно.

— Сними маску, — попросил Габриэль тем тоном, который почти граничит с приказом. По губам Магды скользнула тонкая улыбка — в другое время и в другом месте Габриэль счел бы ее соблазнительной.

— Не боишься? — спросила Магда. Габриэль отрицательно мотнул головой.

— Нет.

Белая фарфоровая скорлупа легла на диван. Лицо Магды было идеально красивым, без малейшего изъяна. Габриэль вопросительно поднял левую бровь.

— И зачем? — спросил он. Магда лишь плечами пожала.

— Считаю это женским кокетством. Способом интриговать.

— Разумно, — согласился Габриэль. Лицо Магды было светлым и чистым — таким, на какое хочется смотреть. И он смотрел — дерзко, не отрывая взгляда. Идеальная красавица тоже была Привратником Смерти, и это и влекло его, и пугало. Тогда, в кафе, он действительно остолбенел от удивления...

— Так зачем ты пришел? — спросила Магда и, будто опомнившись, добавила: — Прости, что ничего не предложила. Может, кофе?

— Пожалуй, нет, — ответил Габриэль. — Я сегодня все-таки хочу поспать. Послушай, что там в моем будущем? Что случится дальше?

Магда рассмеялась.

— И это все, что ты хочешь узнать? — спросила она. — Я уже тебе сказала. Твое прошлое решается здесь и сейчас, ты стоишь на распутье и должен выбрать дорогу. Мне казалось, что ты понял.

— Я готов выбрать Эльзу, — медленно проговорил Габриэль и вдруг признался: — Она не хочет принять меня тем, кто я есть. А мне смертельно скучно быть таким, как ей надо.

По губам Магды снова скользнула улыбка.

— Кормить оленей с руки — это скучно? — спросила она. — Воспринимай это как опыт, которого у тебя не было.

Габриэль кивнул, почувствовав какую-то тянущую тоску. Он и сам не знал, зачем приехал к Магде и что хотел от нее услышать.

— Твоя беда в том, что ты уже давно и прочно женат, — вдруг с искренней грустью сказала Магда. — И Смерть, твоя верная супруга, держит тебя обеими руками. Да и ты не хочешь с ней расставаться.

Габриэль понимающе кивнул. Ему сейчас казалось, что Магда видит самые потаенные движения его души и знает его лучше, чем сам он знает себя. Магде хотелось довериться.

— Что же мне с этим делать? — спросил он. Магда задумчиво посмотрела куда-то вперед и вверх, словно ее внимание привлекло нечто над головой Габриэля. Возможно, там открылось окно, через которое она видела будущее.

— С этим вряд ли что-то можно сделать, — призналась Магда. — Ты можешь уйти с должности королевского палача. Ее величество тебя жалеет, она уговорит Георга. Но Эльза никогда не забудет, кем ты был, и что ты делал. И все твое прошлое всплывет при первой же вашей ссоре...

Габриэль понимал ее правоту, и от этого было только горше. Он вспомнил, как сегодня изменилось лицо Эльзы, когда появился письмоноша, и признался:

— Я хочу отказаться от нее, чтоб все было, как прежде. И не могу. Не знаю, чем, но она меня зацепила.

Ему вдруг стало почти по-детски обидно — настолько, что Габриэль опустил голову и стал внимательно рассматривать узор обивки, почти неразличимый в полумраке.

— Тем, что она живая, конечно же, — улыбнулась Магда. — Знаешь, почти все жены что-нибудь да припоминают своим мужьям. Не так посмотрел, не туда посмотрел, это забыл, то потерял — и все это было лет десять назад.

— Она мне не жена, — напомнил Габриэль. У него появилось неприятное ощущение, что его куда-то тянут за невидимую ниточку — тянут настолько уверенно и решительно, что

он почти теряет способность к сопротивлению.

— Но вас обоих влечет друг к другу, — сказала Магда. — Чувством, что сильнее любви и привязанности. И вы оба пытаетесь с ним бороться...

— Я уже ничего не понимаю, — признался Габриэль. В висках медленно плавала боль, и ему сейчас хотелось просто отправиться домой, лечь спать и проспять несколько суток кряду. — Что мне делать?

— Ты уже делаешь, — мягко ответила Магда. — Ты все делаешь правильно. Просто рождаться и изменяться всегда больно, Габриэль. Когда ты это поймешь, станет легче.

Габриэль подумал, что ему очень хочется в это поверить. Оставалось лишь отвергнуть привычный скепсис и, возможно, прямо завтра отправиться к его величеству.

Рубить головы за измену королевской крови — все-таки лишнее. Мир изменился, и это пора признать и принять.

Бен постучал вечером, когда Эльза проводила последнюю пациентку, поужинала тем бесхитрым готовым ужином из ломтей картофеля, зелени и сарделек, что принес паренек-доставщик из «Кастрюли и луны», и готовилась ложиться спать.

Меньше всего ей хотелось думать о том, чем сейчас занимается Габриэль. Конечно, допрашивает тех, кого Бен совсем недавно считал своими друзьями — и допрашивает, используя все свои палаческие умения... Когда Эльза открыла дверь и увидела Бена, то ей сразу же стало очень легко и очень страшно.

Бену не надо было притворяться. Габриэль весь день делал над собой определенное усилие, и пусть он старался не показывать того, что испытывает неудобства, но Эльза все равно это чувствовала — чувствовала и испытывала какую-то странную вину, словно заставляла Габриэля делать что-то страшное или постыдное.

— Вы обещали дать мне время, — прошептала Эльза. Невольно сделав несколько шагов назад, она позволила Бену войти в квартиру.

— Мне нужно было вас увидеть, — тоже шепотом ответил Бен. — Я не замышляю ничего дурного, поверьте. Просто хочу побыть с вами несколько минут.

В коридоре было почти темно — свет, выбивавшийся из гостиной, не рассеивал мрак, и Эльзе казалось, что они с Беном находятся не здесь, а в каком-то нереальном мире.

— Это неправильно, — выдохнула Эльза. — Бен, это совсем неправильно. Я встречаюсь с Привратником Смерти и собираюсь быть ему верной до того момента, пока все не определится...

Она сказала это и почувствовала, что слова прозвучали неправильно и фальшиво, словно Эльза обманывала и Бена, и Габриэля, и себя.

— Я просто хотел вас увидеть, — ответил Бен с прежним теплом. Эльза почувствовала прикосновение его руки к запястью. — Это ни к чему вас не обязывает, Эльза. Не волнуйтесь.

— Почему я? — спросила Эльза. Видит Бог, сейчас в ней не было ничего особенного. Просто девушка, которая зарабатывает на хлеб и пытается выжить. Она почти ничем не отличалась от остальных девушек, живущих в Нижних Варакушах. Она больше не была той Эльзой с открытой и доверчивой душой, которая пела в родительском доме и была уверена, что мир вокруг нее удивителен, прекрасен и полон чудес.

В Эльзу из прошлого можно было влюбиться. В нынешней Эльзе не было ничего особенного, и она прекрасно это понимала.

— Потому что в вас есть свет, — ответил Бен, и сейчас, в темной прихожей, это прозвучало особенно трепетно и нежно. — Я знаю, что в вас скрыта и нежность, и тепло, и добрая душа. Вы умеете любить, верить и прощать.

Эльзе захотелось рассмеяться со всей возможной горечью.

— Ох, Бен! — чужие руки мягко держали ее запястья, и Эльзе не хотелось, чтоб Бен выпустил их. — Ну почему вы так решили...

— Хотя бы потому, что вы согласились на отношения с королевским палачом, чтоб спасти меня, — ответил Бен и добавил: — Магда рассказала мне о том, что случилось тогда в лесу, решила, что я должен знать.

Эльза едва не рассмеялась — настолько наивно и по-доброму это прозвучало.

— Ну что вы, Бен... — ответила она. — В этом нет ничего неожиданного. Так поступила бы любая...

— Нет, — уверенно произнес Бен. — Магда сказала, что вам следовало бы попытаться убедать. Я ведь вам никто, просто случайный знакомый. А ради таких никто не станет рисковать собой.

— Ну что вы! — воскликнула Эльза. Ей захотелось закрыть Бену рот ладонью, чтоб он не говорил таких ужасных вещей. — Это ужасно, так нельзя поступать...

Бен негромко рассмеялся.

— Ну вот, а вы еще спрашиваете, за что вас можно полюбить, — промолвил он. — Именно за это, Эльза. А знаете, — Бен вдруг рассмеялся, словно вспомнил о чем-то важном, — у меня есть для вас подарок.

— Ох, не стоило... — ответила Эльза. Ей было невероятно стыдно и неловко держать Бена в коридоре, но Эльзе казалось, что если она предложит Бену пройти в гостиную, то случится что-то ужасное. Но Бен запустил руку в карман, извлек свой подарок, и Эльза ахнула, забыв обо всем.

На тоненькой серебряной цепочке висела звезда. Прихожую озарило ярким бело-голубым светом, который не обжигал глаз, но освещал все так, словно на улице был ясный день. Эльза не могла отвести взгляда: она видела, что звезда заточена в маленький стеклянный шарик, что по стенам плывут разноцветные брызги света, и Эльзе казалось, что звезда отправляет ее в прошлое, туда, где все еще было хорошо, где было место для чистоты и невинности.

— Боже мой, Бен... — только и смогла прошептать Эльза. — Что это?

— Звезда Магриба, — ответил Бен. Он улыбался какой-то светлой, почти ребяческой улыбкой, не отводя взгляда от подарка. — Природный артефакт с Дальнего Восхода. Говорят, чем глубже тьма, тем ярче он светит. Пусть он поможет вам принять правильные решения... какими бы они ни были.

Эльза осторожно расстегнула цепочку и надела артефакт на шею. Прикоснувшись к коже, звезда медленно угасла, но Эльза понимала, что стеклянный шарик нальется огнем, как только это потребуется. Это было чудо — самое настоящее чудо.

— Спасибо вам, — сказала Эльза и благодарно сжала руку Бена. Вокруг них снова сгустилась вечерняя мгла, но теперь ее наполняло волшебство.

— Не за что, — откликнулся Бен, и Эльза почувствовала, что он улыбается. — Доброй ночи, Эльза. Он навевает хорошие сны.

Потом Бен ушел, и Эльза, подойдя к окну, смотрела, как он идет по улице. С Беном было хорошо и спокойно, но в то же время Эльза понимала, что Бен прекрасно проживет и без нее. В его жизни нет страшных вещей, с которыми надо бороться. Эльзе не придется протягивать ему руку, чтоб удержать от падения — просто потому, что он не падает.

В этом-то и была вся разница между ним и Габриэлем. Она, Эльза, нужнее тому, у кого пепелище в душе.

Глава 7

День казни выдался солнечным и ярким. Мир вокруг был больше похож на раннее лето, чем на уверенно вступающую в свои права осень. Неторопливо шагая по запруженным народом улицам, Эльза думала о том, что меньше всего хочет смотреть на казнь и работу Габриэля. Впрочем, остальные жители столицы придерживались другого мнения. Зрелище, которое должно было развернуться через час на центральной площади, казалось желанным и будоражащим нервы. На каждом углу продавались сувениры, посвященные казни преступников, и Эльза поймала обрывок разговора двух совсем юных девушек:

— Клочок кожи казнимого обладает магической силой, — со знанием дела говорила одна из них. — Мама дала мне серебряную полукруну, я куплю. Если хранить в кошельке, то деньги не переведутся.

Некоторое время Эльза была вынуждена идти за этими девушками — чем ближе к площади, тем теснее становилось.

— Как же он мне нравится! — каким-то экзальтированным тоном сказала вторая девушка.

— Кто?

— Королевский палач, конечно, — девушка посмотрела на подругу, как на полную дурочку. — Такой решительный, такой сильный... Настоящий мужчина! А как он поступил с тем гулякой? Отец прочитал статью и заплотировал.

На ближайшем перекрестке толпа унесла девиц в сторону, и Эльза невольно вздохнула с облегчением.

Суд был очень быстрым и безжалостным. Трех организаторов взрыва приговорили к смертной казни, остальных членов подполья — к ссылке, и Эльза с невольной благодарностью думала о Габриэле, который легким движением руки сделал Бена человеком короля. Будь иначе, Бен сейчас бы трясся в тюремном вагоне, ехал бы на Крайний север, где никогда не тает снег, а духи зимы обретают обличье медведей.

— Миледи, купите открытку на память!

— А вот орехи в меду, кому орехи в меду!

День казни стал праздником — Эльзе казалось, что не ко времени наступила Пасха. Люди выглядели счастливыми, вынесенный приговор устроил всех. Эльза шла к площади и не знала, о чем думает. Мысли кружились в голове, словно снежинки в метели, и она никак не могла сосредоточиться на чем-то одном.

Площадь уже была запружена народом, и помощники палача готовили все необходимое для казни. «Неужели все эти люди действительно хотят увидеть, как с кого-то будут снимать кожу?» — подумала Эльза и сама ответила на свой вопрос: да, хотят. И это было правильно. Те, кого через час приведут на этот помост, не орехи крали — они с отменным равнодушием взорвали поезд, полный людей.

Они заслужили то, что с ними произойдет.

Поднявшись на цыпочки и заслонив глаза ладонью от слепящего солнца, Эльза увидела Габриэля: он стоял на помосте и скрупулезно изучал инструменты в пасти огромного ящика. Вот какой-то толстый господин, пыхтя и тяжело дыша, поднялся на помост и начал о чем-то говорить с королевским палачом, то и дело вытирая потный лоб скомканным носовым платком. Габриэль слушал, понимающе кивал, и в итоге толстяк с крайне довольным видом начал спускаться по лесенке.

На то, чтоб добраться до помоста, у Эльзы ушла четверть часа. От свежеструганных досок остро пахло смолой, но Эльзе чудилось, что сквозь этот легкий холодный запах пробивается аромат нарциссов. Габриэля тут не было — сюда пришла Смерть и встала рядом со своим Привратником, взяв его за руки.

— Габриэль! — окликнула Эльза королевского палача. Габриэль оторвался от своего ящика и, увидев Эльзу, изменился в лице. Быстро спустившись по ступенькам, он подхватил Эльзу за руку и нырнул в узкую дверь, ведущую куда-то под помост.

Почему-то здесь было тихо. Очень тихо, несмотря на то, что совсем рядом бесновалась толпа, предвкушающая невероятное зрелище.

— Тебе не следовало приходить, — мягко сказал Габриэль, осторожно поглаживая Эльзу по щеке. — Это страшно.

Сейчас, когда он стоял вплотную, Эльза видела его глаза — темные, погруженные куда-то в себя. Может быть, Габриэль смотрел на Эльзу и видел Смерть.

— Я пришла для тебя, — откликнулась Эльза и сжала его руку. — Помнишь, ты говорил, что тебе надо, чтоб кто-то был рядом. Вот я и пришла.

— Я рад, — откликнулся Габриэль. — Но все-таки ты не должна на это смотреть. Поезжай домой, я приеду часам к шести...

— Я буду здесь, — твердо сказала Эльза, — но смотреть не стану. Встану так, чтоб ничего не видеть... и ты будешь знать, что не один.

Для того, чтоб поцеловать его, ей снова пришлось встать на цыпочки...

Приговоренных привезли через полчаса. Стоя возле помоста, Эльза видела, как расступается толпа, пропуская телегу с людьми. Глядя в белые лица осужденных, Эльза не могла сказать, какого возраста и пола эти люди в белых балахонах — настолько они были изувечены каким-то запредельным ужасом. Эльза не знала, что пугает их больше: смерть, или то, насколько она будет мучительной.

«Они не думали о людях в поезде», — сказала себе Эльза. Но ее все равно охватило незнакомым чувством, похожим на страх и бывшим сильнее любого страха. Солдаты, сопровождавшие осужденных, втащили троицу на эшафот — они проходили мимо Эльзы, и она наконец-то смогла их рассмотреть. Три тени, смотревшие в лицо смерти, когда-то были красивыми, сильными мужчинами, которые считали, что цель оправдывает средства. Эльза пробовала найти в себе что-то, похожее на ненависть — и не могла. Зато все остальные собравшиеся на площади бесновались и кричали, в осужденных летели комья грязи и сора, и кто-то совсем рядом с Эльзой хрипло проорал:

— Вытащи из них требуху, барин!

В ящике для инструментов хищно сверкнул металл. Осужденных закрепили на специально подготовленных для казни устройствах, позволявших видеть процесс снятия кожи во всех деталях, и Габриэль, скинув на руки помощника свой пиджак, стал аккуратно заворачивать рукава белоснежной рубашки. Он скользнул взглядом по толпе на площади, и Эльзе показалось, что он ищет ее лицо.

— Я здесь, — прошептала она, прекрасно понимая, что Габриэль ее не услышит. — Я здесь, Габриэль.

— Именем закона! — глашатай развернул лист бумаги, украшенный полудюжиной печатей. — Его величество Георг, Божией милостью и волей король и владыка, приговаривает сих троих, Анхеля ауф Гиттера, Макса ауф Тодта и Виктора ауф Морана, к смертной казни...

В ушах зашумело. Эльза опустила глаза. В памяти мелькнул тот день, когда они с Габриэлем кормили оленей в парке. Неужели в одном мире могут существовать жестокие мерзавцы, людская боль и слезы — и олени, любовь, тепло, нежность? Неужели они могут быть в одном человеке?

Глашатай спустился с эшафота, и Габриэль с совершенно невозмутимым выражением лица прошел к стойке с мечами. Их выставили здесь не для того, чтоб рубить головы осужденным — они заслужили более страшную участь, и дюжина тяжелых мечей была лишь демонстрацией возможностей палача. И, когда Габриэль бесшумно снял со стойки черный двуручный меч, люди на площади дружно ахнули.

Эльза чуть ли не до крови закусилась костяшечку указательного пальца, чтоб не закричать. Помощники палача сразу поняли, куда дует ветер, и сделали шаг в сторону Габриэля, но тот с какой-то беспечной легкостью крутанул меч в руке, и помощники отступили, разумно предпочитая не связываться.

Габриэль каким-то плавным, скользящим шагом двинулся к первому осужденному. Тот из помощников, который был поумнее прочих, выхватил из-под столика с инструментами большую корзину.

Эльза зажмурилась. Площадь затопило тишиной, и в этой тишине отчетливо прозвучал короткий вскрик осужденного, а затем — тонкий свист меча. Что-то хрупнуло, а затем с глухим стуком упало на помост.

Эльза открыла глаза и увидела, что Габриэль стоит на помосте с мечом в правой руке и с отрубленной головой в левой. Толпу накрыло ликующими воплями, люди рядом с Эльзой кричали и радовались. Пусть осужденный был казнен не так, как планировалось — но он был казнен.

Голова полетела в расторопно подставленную корзину. Лицо Габриэля было спокойным и равнодушным, словно он рубил капусту, а не головы. Он безразличным взглядом посмотрел на людей на площади и шагнул к следующему осужденному.

Через четверть часа все было закончено. Габриэль вернул меч на стойку, спокойно спустился с эшафота — когда солдаты, сопровождавшие осужденных, подошли к нему и взяли в круг, он лишь кивнул и двинулся с ними к дворцу.

В родстве с королем есть свои преимущества.

Например, если вас арестуют за неподчинение его величеству, то вы будете сидеть не в каземате, а в собственных покоях. Конечно, у дверей поставят караул с приказанием стрелять на поражение при малейшем сопротивлении, но это уже мелочи. Вы можете переписываться с друзьями, принимать гостей и питаться не тюремной баландой, а своей привычной едой.

Чем не рай?

Габриэль никогда не слышал, чтоб король так кричал. Его величество утратил все внутреннее спокойствие и самообладание, он орал так, что любой портовый грузчик умер бы от зависти, и в итоге отходил строптивого племянника тростью. Габриэль не сопротивлялся: упал после третьего удара, подтянул колени к животу, свернувшись в позу эмбриона, и стал вспоминать оленей, пытаясь закрыть голову.

Почему-то от этого становилось легче.

Потом, когда король относительно успокоился, а лейб-медик привел Габриэля в чувство, последовал естественный вопрос:

— И какого дьявола ты так поступил?

Габриэль хотел было пожать плечами и не отвечать, но в итоге все-таки ответил:

— Их надо было казнить. Я казнил.

Его величество вынул из кармана платок и провел по вспотевшему лбу.

— Ты совсем ума лишился, — предположил он и, охнув, сокрушенно покачал головой. — Бунт королевского палача, надо же. Что с тобой делать?

Габриэль только руками развел.

— Найти нового Привратника Смерти? — предположил он. — Чтоб он меня казнил? У нас и без того казнят за всякий вздор, ну и меня уж заодно приберут...

Брови короля взлетели вверх от удивления. Он поднялся с кресла, подошел и положил тяжелую ладонь на голову Габриэля.

— Бредишь, — твердо сказал король и вздохнул: — Господи, только помешанного палача

нам тут не доставало...

Габриэль вдруг подумал, что это шанс. Безумцы имеют редкую привилегию говорить правду.

— Дядя, ну это ведь и правда безумие, — произнес он. — Мы живем в век дирижаблей и поездов, в эпоху торжества науки и нового человека. А я снял голову с Альмы за то, что она изменила мужу. И должен был освежевать тех троих, как свиней.

Государь презрительно фыркнул.

— Они и были свиньи. Забыл, за что их осудили?

Габриэль помнил. В памяти мелькнуло лицо бедной Ивис, которая могла бы сейчас ехать на каторгу.

— Я ведь не предлагаю их отпустить, — мягко заметил он. — Пусть будет казнь, если человек виновен. Но снимать с людей кожу — это бесчеловечно, мы тогда становимся ничем не лучше убийц. Жестокость ради жестокости негодна Господу, если изволите.

Король действительно смотрел на Габриэля, как на помешанного.

— Очень странно слышать это именно от тебя, — произнес он. Габриэль улыбнулся и ответил:

— Просто я разбираюсь в этом лучше всех, ваше величество.

И теперь он сидел в своих покоях, пил крепкий кофе и думал, кто отважится появиться здесь первым. Вечером, оставшись в одиночестве, Габриэль первым делом отправил записку к Эльзе: жив, здоров, под домашним арестом, ни о чем не волнуйся. Когда он уже погасил свет и лег в кровать, прибежал письмоноша с ответом, написанным на листке из девичьего блокнота беглым легким почерком:

«Габриэль, я верю, что все будет хорошо. Ты поступил очень правильно. Ничего не бойся. Я буду за тебя молиться, я тебя люблю. Приеду утром, надеюсь, меня пропустят».

Это признание настолько задело Габриэля, скользнув по самым глубинным струнам его души, что он не сомкнул глаз до рассвета.

Но первым гостем оказалась не Эльза, а Бенъямин ауф Перес — он пришел как раз тогда, когда прислуга накрыла на стол, и сонный Габриэль налил себе первую чашку кофе. Молодой ауф Перес выглядел невероятно решительным — словно полководец, готовый отправить своих солдат в смертельную битву и победить любой, даже самой страшной ценой.

— Не ожидал вас увидеть, — признался Габриэль. Ему вдруг подумалось, что одного движения вот этого серебряного ножа, лежащего возле масленки, хватит, чтоб отправить незваного гостя на тот свет. Вот только Эльза никогда этого не простит. И ее признание останется лишь словами на бумаге.

Это его остановило.

— Я пришел к Вере, — признался Бен. Габриэль указал на кресло за столом, и незваный гость уселся.

— Веры здесь нет, как видите, — улыбнулся Габриэль и придвинул к Бену чашку кофе. — Ее покои в шестом крыле, рядом с ее высочеством Августой. Чем я могу вам помочь?

Он видел, что его доброжелательное спокойствие и любезность выводят Бена из себя. Похоже, пламенный революционер был готов к дуэли или драке — но не к разговору джентльменов.

— Я понял, каков ваш план, — сухо сообщил Бен. — Магда добавила детали... и могу сказать, что вы очень хитрый сукин сын.

Габриэль равнодушно подумал, что это ругательство можно воспринимать как комплимент.

— И в чем же мой план? — поинтересовался он, мельком подумав о красавице Магде, которая прячет идеальное лицо под фарфоровой скорлупой.

— Знаете, я недавно читал книгу о душевнобольных особого рода. О психопатах, — сообщил Бен, не притронувшись к кофе. Должно быть, подозревал, что Габриэль каким-то образом успел добавить в чашку яд. — И меня заинтересовало то, что в жизни и любви они действуют по определенной модели. Есть схема.

Габриэль понимающе кивнул.

— Да, об этом говорят криминалисты, — согласился он. — Преступники с душевными расстройствами придерживаются плана. Но как вы приложили эту схему ко мне и Эльзе?

Бен усмехнулся.

— Начнем с того, что вы обаятельны и богаты, — сказал он. — Вы таинственны. Разумеется, молодая и неопытная девушка почувствовала влечение — сильные мужчины всегда влекут. Но ваша жестокость ее отталкивала — и продолжает отталкивать. Эльзе страшно, и вы это видели, но шантажом заставили ее стать вашей любовницей. Вы понимали, что она никогда не отдаст человека на верную смерть. Ну а чтоб она не сопротивлялась, вы посадили ее на крючок.

В груди почему-то стало холодно. Очень холодно. Габриэль с трудом сохранил невозмутимое выражение лица — зато Бен был возбужден. «Кто дергается — тот проиграл», кажется, так говаривал прежний Привратник Смерти.

— И что за крючок?

— Вы отпустили ее, — произнес Бен. — Вы дали ей все основания считать, что она свободна в своем выборе. Отпустили и принялись себя убивать — настолько нарочито и пугающе, что ваша тетюшка отправилась к Эльзе. Вы бы, конечно, не покончили с собой, но все плохо, и вас надо спасать... а юные девушки очень любят спасать несчастных и заблудших. В той книге, которую я читал, эту часть схемы называли «Жена ссыльного». Посмотри, Эльза, до чего он дошел без тебя. Он один не сможет. Да еще и королева просит костоправшу — как тут сопротивляться? Так вы загнали крюк ей под ребро, теперь она уже не спрыгнет. Никуда не денется. Знаете, почему?

Лед охватывал Габриэля все крепче. На миг ему показалось, что он теряет способность дышать, и воздух вязнет в легких. Бен оказался умницей, он был удивительно прав.

— Не знаю, — откликнулся Габриэль. — Почему?

— Потому что у нее есть стыд и совесть. И она никогда не оставит того, кто нуждается в ней, — с горечью сказал Бен. — Теперь она ваша и никуда не денется. А вы еще и сахарку добавили, были с ней невероятно милым, пусть и скучали при этом. Просто ради того, чтоб Эльза думала, будто имеет для вас какое-то значение. Будто ее мнение что-то значит. Но все это лишь выгодная вам иллюзия, — Бен сделал паузу и сказал: — И думаю я только об одном... есть ли совесть у вас, господин ауф Вилберн?

Габриэль криво усмехнулся. Все его самообладание исчезло.

— Полагаю, вы прекрасно знаете ответ, господин ауф Перес, — произнес он, небрежно крутя в пальцах нож для масла.

— Я думал, что знаю. Но вчера вы самовольно изменили ход казни, и я начал думать, что во многом заблуждаюсь по вашему поводу. Возможно, вы не равнодушный и холодный убийца. Возможно, вы еще можете стать человеком.

Бен начал раздражать, как нудная зубная боль. Что бы ему не волочиться за Верой? Габриэль с удовольствием принял бы участие в счастливом устройстве их брака...

— Что вам нужно, господин ауф Перес? — устало спросил Габриэль, понимая, что проигрывает, и не имея сил все исправить.

— Оставьте Эльзу, — твердо сказал Бен. — Оставьте ее, дайте ей жить нормальной жизнью, а не балансировать на лезвии.

— Я ее люблю. А она меня.

— Это не любовь, — с прежней твердостью вымолвил Бен. — Это насилие. Вы скоро наиграетесь и выбросите ее вон. Где ваши жены, Габриэль?

Габриэль откинулся на спинку кресла и устало закрыл глаза. Интересно, как много Магда рассказала брату? И зачем? Неужели хочет, чтоб Бен тоже лежал под нарциссами? Это ведь совсем несложно устроить, причем сделать все так, что Габриэля никто не заподозрит.

И Эльза ничего не узнает.

— Уходите, Бен, — усмехнулся Габриэль. — Если бы Эльза хотела быть с вами, то она уже давно была бы. Я не держу ее.

Бен неприятно ухмыльнулся — так, словно видел Габриэля насквозь.

— Конечно. Шантаж смертью друга — это и есть «не держу». Вы прекрасно меняете тему, господин ауф Вилберн. Но Эльзе нужен человек, а не палач и манипулятор.

Габриэль сжал нож настолько сильно, что витая рукоятка вмялась в ладонь чуть не до крови.

— Всего доброго, — сказал он, собрав все силы, чтоб его голос прозвучал максимально вежливо и деликатно.

И Бен ушел, не подозревая, насколько близко был к собственной смерти. Некоторое время Габриэль задумчиво сидел за столом, представляя отрубленную голову Бена в корзине, а затем произнес:

— Человек... Интересно, как это можно устроить.

Магда пришла ровно в шесть вечера.

Глядя на гостью, которую охрана впустила в его покои, Габриэль думал о том, насколько легко женщина может изменить свою внешность. Маска была снята, седые волосы убраны под золотистый тюрбан, и девушка, севшая в одно из кресел, теперь ничем не напоминала пророчицу и целительницу, известную по всей стране. Сейчас, когда Магда была рядом, Габриэль понимал, что его замысел вполне может увенчаться успехом.

Эльза появилась ровно в полдень — ничего не говоря, она просто обняла Габриэля и уткнулась лицом в его плечо. Габриэль растерянно обнял ее и подумал, что Бен, возможно, прав. Возможно, Габриэль действительно безумен — каким ему еще быть при его работе? — но даже в безумии он не причинит Эльзе вреда. Это было самым главным.

— Ты человек, — услышал он негромкий, едва различимый шепот. — Ты не Привратник Смерти, ты человек...

Габриэль отстранил Эльзу от себя и, глядя в покрасневшее заплаканное лицо, ответил:

— Все хорошо, Эльза. Все хорошо. Король сейчас успокоится, и все разрешится.

Потом они сели рядом на диване, и Эльза призналась:

— Я очень испугалась, когда тебя увели. Я думала, что больше тебя не увижу.

Габриэль ободряюще улыбнулся. Снова обнял ее за плечи. Если то тепло, которое сейчас наполняло их, не было любовью, то что такое тогда любовь? Какая она тогда? И есть ли вообще?

— Я понимал, на что иду, — сказал Габриэль. Он старался держаться бодрее и уверенней, чтоб Эльза убедилась, что все в относительном порядке и перестала переживать. — Они заслужили смерть, и они ее получили.

— Ты все сделал правильно, — сказала Эльза, сжав его руку. — Ты меняешься, Габриэль. Раньше я видела в тебе... — она замаялась, пытаясь правильно подобрать слова. — Просто механизм, который делает свою работу и не думает о ней. Но теперь ты другой.

Габриэлю вдруг захотелось рассказать ей об Ивис — но он не стал. Эльза могла бы подумать, что он хвалится и набивает себе цену, а Бен непременно решил бы, что Габриэль манипулирует девушкой в своих целях.

Впрочем, какое ему дело до того, что о нем подумает Бен? Молодой ауф Перес просто зацепил его, умудрившись задеть по больному — но это пройдет. Это обязательно пройдет, король перекипит и сменит гнев на милость, и тогда он сможет окончательно определить свою судьбу с Эльзой.

— Это ты сделала меня таким, — признался Габриэль, и это действительно было так...

И теперь, сидя напротив Магды, Габриэль чувствовал, что его жизнь действительно готова измениться — как в тот день, когда он попал в Прорыв. Тогда он утратил все, что у него было, и сейчас понимал, что тоже стоит на пороге потерь.

— Мне всегда было интересно, — задумчиво произнес Габриэль, — как именно попадание в Прорыв меняет человека так, что он становится Привратником Смерти. Мой наставник мало говорил об этом, а других Привратников, кроме тебя, я не знаю.

Магда лениво крутила пустой мундштук в тонких, унизанных перстнями пальцах.

— Мы как бы делимся на два мира, — ответила она. — И наша суть зависит от того, в какую именно часть мира духов мы попадаем. Сам видишь, хорошего там мало. Я единственный Привратник, который не стал машиной для убийств.

Габриэль невольно поежился. Марта видела его насквозь и не держала язык за зубами, рассказав брату всю чужую подноготную. Интересно, доложила ли она Бену о том, как Габриэль поступил с Ивис?

Ему хотелось рассердиться — но Габриэль чувствовал только ленивое спокойствие и желание разобраться с тем планом, который пришел ему в голову.

— Нужно понять, как оттуда окончательно вернуться, — сказал он. — Я считаю, что это принципиально решаемая задача, и... — Габриэль сделал паузу и твердо закончил фразу: — Я хочу, чтоб ты помогла мне. Конечно, ты поддерживаешь брата, но поверь: все, что я намереваюсь сделать, я сделаю ради счастья Эльзы.

Магда пристально посмотрела на него, и Габриэль ощутил этот взгляд как прикосновение к лицу мягких, но очень сильных пальцев. Магда беззастенчиво рылась в его голове, по ее губам скользила какая-то непонятная, отстраненная улыбка, и Габриэль не сопротивлялся. Он понимал, что сейчас, в эту минуту, надо быть максимально открытым. От этого зависит будущее.

— Мой брат глубоко несчастный человек, — призналась Магда, и наваждение исчезло. Габриэль вздохнул с облегчением: он снова был собой, и его разум был свободен от чужого влияния. Несчастья Бена ауф Переса были ему глубоко безразличны, но Габриэль все-таки придал лицу внимательное и серьезное выражение.

— В чем же его несчастье? — спросил он, стараясь избегать язвительности. — В том, что девушка его не любит?

Магда печально усмехнулась.

— Жизнь рядом с Привратником Смерти налагает на людей особый отпечаток, — сказала она. — Даже если Привратник никого не казнит. Как тебя учили убивать, Габриэль?

Он пожал плечами. В памяти мелькнул старый двор, открытая клетка с толстыми кроликами и стойка с мечами.

— Как всех рыцарей в прежние времена, — ответил Габриэль. — На животных. Я прекрасно забиваю кроликов, овец и свиней. Если ты уверена, что хочешь об этом послушать...

Магда неопределенно пожала плечами.

— Я тоже умею забивать кроликов. Какое-то время мы жили с Беном в деревне, там невольно получишь самые разные навыки.

Почему-то Габриэль совершенно этому не удивился.

— Как ты думаешь, что случится, если Привратник Смерти попадет в очередной Прорыв? — спросил он.

А вот тут Магда побледнела. Ее лицо окаменело — наконец-то гостя стала испытывать настоящие чувства. Страх преобладал.

— Мы можем только проверить это опытным путем, — сказала она. — Я боюсь предполагать... но вряд ли ты выживешь, Габриэль.

Почему-то мысль о возможной смерти оставила Габриэля равнодушным.

— Меня это не пугает, — ответил он. — Давай подумаем, как мы сможем вызвать Прорыв.

Габриэль появился через неделю.

Эльза открыла глаза ранним утром и увидела, что он сидит на краю ее кровати, и его лицо выглядит мечтательным и добрым. На какой-то миг ей почудилось, что это совсем другой человек. Привратник Смерти не может выглядеть настолько светло, почти невинно. Но потом Эльза поняла, что это и в самом деле Габриэль: она заметила в нем далекий отблеск этого света еще в Пуще, где они кормили оленей.

Он действительно смог измениться. Только Бог знал, скольких сил ему это стоило.

— Ты мне снишься, — промолвила Эльза. Габриэль протянул руку и легонько погладил ее по щеке.

— Нет, — ответил он. — Его величество решил, что меня бесполезно держать под замком.

Король не был глупцом — пусть он был жесток, как и полагается венценосцу, но Эльза чувствовала, что государь понимает определенную правоту Габриэля. Не всякая жестокость хороша, и если это заявил королевский палач, то и всем остальным есть, о чем задуматься.

Эльза выскользнула из-под одеяла, обняла Габриэля, и несколько минут они провели молча, наслаждаясь теплом друг друга. От Привратника Смерти пахло осенним ветром и ночным дождем, и Эльза подумала, что он, должно быть, вышел из дворца и шел сюда пешком, иногда останавливаясь и запрокидывая голову к фонарям, чтоб взглянуть в низкое хмурое небо.

А потом Эльза и сама не поняла, как начала расстегивать его рубашку...

Потом они лежали под одеялом, Габриэль задумчиво накручивал локон Эльзы на палец, и она призналась:

— Я сейчас вспомнила ту ночь... перед моим побегом.

На мгновение Габриэль замер, и Эльза почувствовала, что ему неприятно вспоминать об этом. Что прошлое причиняет ему боль.

— Как будто со мной тогда был другой человек, — продолжала Эльза. — Ты на самом деле изменился, Габриэль.

Он негромко усмехнулся. Задумчиво погладил ее по обнаженному плечу, прикоснулся губами к маленькому шраму — Эльза получила его в таком глубоком детстве, что не могла вспомнить обстоятельств.

— Все только начинается, — сказал Габриэль. — Магда права, рождаться и меняться всегда больно. Но уж лучше так, чем...

Он не договорил, да это было и не нужно.

— Что теперь будет? — спросила Эльза. Габриэль пожал плечами.

— Мы с Магдой ауф Перес затеяли эксперимент, — он всеми силами старался говорить невозмутимо, но волнение в его голосе было не скрыть. — Проверить, что будет, если открыть Прорыв и погрузить в него Привратника Смерти, — Габриэль усмехнулся, словно пытался скрыть тревогу за бравадой. — В частности, меня.

Эльза села. Обернулась, посмотрела на Габриэля: он выглядел совершенно спокойным, но Эльзе казалось, что вокруг седой головы летают мелкие молнии.

— О Господи... Ты серьезно? Ты хочешь войти в Прорыв?

Габриэль кивнул.

— Совершенно верно. Именно это я и собираюсь делать. Видишь ли, есть теория о том, что Привратник Смерти принадлежит одновременно двум мирам, и если он снова попадет в Прорыв, то снова станет человеком, а не слугой смерти.

Эльза слушала его и не слышала. Ей не хотелось даже думать о том, кто придумал эту теорию — страх окатил ее холодной волной. Она давно не была настолько испугана.

Габриэль мог умереть в Прорыве. Один раз ему повезло, и он уцелел, но вряд ли такое везение повторится снова. Пусть он по-прежнему будет Привратником Смерти и королевским палачом, но только живым. Эльза вдруг поняла, что у нее дрожат руки. Она впервые настолько болезненно и остро поняла, что не может утратить этого человека.

Он был нужен ей. Он был дорог. Эльзе впервые это стало ясно настолько отчетливо.

— Нет, — прошептала она. — Нет, Габриэль. Это страшный риск, ты...

Габриэль коснулся указательным пальцем губ Эльзы, словно приказывал ей замолчать, и произнес:

— Я все уже решил. Для меня это очень важно, Эльза. Видишь ли... я хочу все-таки прожить ту жизнь, которую у меня отняли.

И это было сказано настолько искренне и горько, что Эльза поняла: Габриэль не отступит, он все продумал, и для него нет пути назад. Он решил уйти с нарциссового поля — возможно, даже ценой собственной жизни.

«Я его потеряю», — сказала себе Эльза, и если раньше ей хотелось обрести свободу от этого человека, то теперь ее пугала сама мысль об этом. Только теперь она всем сердцем почувствовала, какое место Габриэль занял в ее жизни, и как опустеет ее душа без него.

Просто тогда все утратит смысл.

— Я не хочу тебя терять, — призналась Эльза, понимая, что вот-вот расплачется. Габриэль осторожно, с какой-то трепетной нежностью, которой от него вряд ли можно было ожидать раньше, подцепил кончиками пальцев подбородок Эльзы и легонько поцеловал ее в губы.

— Ты не потеряешь, — промолвил он. — Знаешь, если все закончится хорошо, то я хотел бы дальше провести свою жизнь с тобой. Эльза, ты выйдешь за меня замуж?

Это было сказано настолько спокойно и просто, что Эльза все-таки не сдержала слез. Она быстро провела ладонями по щекам, стирая непрошенные капли, и негромко ответила:

— Да, Габриэль. Конечно. Я согласна.

В этот миг Эльзе казалось, что до этого момента ничего не было. Она не была ни обманутой невестой Сандини, ни игрушкой жестокого палача, не понимающего своей жестокости. Возможно, в эту минуту она действительно возродилась для новой жизни — и Эльзе хотелось верить, что эта новая жизнь принесет ей и Габриэлю только счастье и свободу.

— Знаешь, что? — сказал Габриэль. — Давай проведем этот день так, чтоб запомнить его

навсегда?

Габриэль привез Эльзу за город, в небольшое изящное поместье — Арканжело использовал его для встреч с особо примечательными дамами, за которыми надо было ухаживать, а не брать кавалеристским наскоком. Осень вступила в свои права, вызолотив пышные кроны кленов, но трава была еще зеленой, под опавшими листьями смущенно прятались цветы и крепкие шляпки грибов, а день выдался достаточно теплым и светлым для того, чтоб провести его на улице.

Поместье нравилось Габриэлю тем, что здесь была большая открытая кухня. Старинная пузатая печь будто открывала рот, требуя, чтоб в ней развели огонь и отправили большую порцию еды, под навесом стоял длинный деревянный стол с лавками, как принято в крестьянских семьях Приморья, и белая скатерть, как и полагается, была расшита красными петухами и маками. Служанка сунулась было стряпать, но Габриэль вручил ей список продуктов и сказал:

— Сегодня за повара буду я. И мне лучше не мешать.

— Что на обед? — с улыбкой поинтересовалась Эльза. Габриэль завернул рукава рубашки, вымыл руки и ответил:

— Рыба. Любишь рыбу?

Эльза смотрела на него с таким теплом, с каким никто и никогда не смотрел на Привратника Смерти. Габриэль подумал, что все-таки заслужил и этот взгляд, и нормальную жизнь без запаха нарциссов. Даже если этой жизни будет всего один день.

Марта прислала ему письмо вчера вечером. Эту неделю она провела в библиотеках, погруженная в исторические изыскания, и все-таки умудрилась обнаружить искомое — обряд, за одно упоминание о котором в прежние времена отправляли на костер.

«Прорыв можно будет открыть в любом месте и в любое время, — так Магда закончила письмо. — Выбери сам. Надеюсь, рядом с тобой никого не будет, кроме меня».

— Честно говоря, не очень, — призналась Эльза. — Возможно, мне просто не попадалась вкусная.

Ну конечно. Откуда бы Эльзе пробовать филе королевских лососей, которых разводят на особой рыбной ферме?

Служанка вернулась, неся несколько набитых доверху корзин, и Габриэль сказал:

— Думаю, мой лосось в тесте тебе понравится. Честно говоря, — признался он, когда служанка сделала книксен и ушла, — я умею готовить только это блюдо.

— Тебе помочь? — с готовностью осведомилась Эльза. Габриэль заглянул в одну из корзин: бутылка нежно-золотого оливкового масла, пышный букет зелени, стеклянные баночки с морской солью, черным перцем и горчицей в зернах, крепкие красные, желтые и оранжевые перцы и мясистые здоровяки-помидоры. Обед удался на славу.

— Нет, я справлюсь, — сказал Габриэль и вынул из второй корзины большой кусок розового филе лосося. — Помню, когда я был совсем маленький, отец меня брал на ферму, и мы выбирали рыбу на субботний ужин. Лосось, как правило. Редко карп, мама не любила его.

Он щедро смазал маслом большой лист пекарской бумаги для запекания и, промокнув филе бумажной салфеткой, взялся за соль и перец.

— Потом мама шла на кухню и готовила рыбу в тесте, — продолжал Габриэль. — А я тогда ходил за ней хвостиком, помогал, чем мог. Так и научился. Иногда мне кажется, что это тоже было единственное блюдо, которое она умела готовить.

Настало время для зеленого масла. Габриэль вынул масленку, отрезал кусок уже размякшего масла и, переложив его в отдельную глубокую тарелку, взялся за зелень. Укроп, кинзу и дикий чеснок следовало нарубить мелко-мелко, чтоб полностью проявился запах. Расправившись с зеленью, Габриэль смешал ее с маслом и добавил

несколько крупинок соли.

— Иногда я вспоминаю о них, — признался Габриэль. — И могу вспомнить так немного...

— Ты тогда был ребенком, — с искренним сочувствием промолвила Эльза. Сейчас ее глаза были похожи на глаза того олененка, которого она кормила с руки в Пуще.

— Да, — кивнул Габриэль. Тесто уже было приготовлено, раскатано и свернуто тонким пластом — он выложил его на стол и довольно отметил, что тесто как раз по размеру рыбы. — Когда я готовлю, то мне кажется, что я становлюсь немного ближе к ним.

Он разрезал филе на две части и смазал внутреннюю сторону рыбы зеленым маслом, а внешнюю — горчицей. Эльза смотрела неотрывно, словно пыталась запомнить каждое движение. «Если я умру в Прорыве, — подумал Габриэль, — то она будет готовить лосося и вспоминать о том, как это делал я».

— Ты не умрешь, — сказала Эльза так, словно прочла его мысли. — Все будет хорошо, Габриэль, у тебя все получится.

Она говорила настолько горячо и искренне, словно всем сердцем верила, что все будет именно так, а не иначе, и эта вера согрела Габриэля. Он улыбнулся и, уложив филе на лист теста, беглыми аккуратными движениями защипнул края. Теперь рыбный конверт можно было отправить в печь и заняться овощами.

— Конечно, — сказал он. — Где хочешь отпраздновать свадьбу?

Эльза недоуменно пожала плечами, словно это не имело никакого значения.

— Неподалеку от моего дома есть церковь святого Брутуса, — сказала она. — Можно там.

И Габриэль прекрасно видел, что Эльзе действительно безразлично, где и как заключать брак — лишь бы быть с ним, Габриэлем.

Перцы и помидоры сочно раскрывались под лезвием. Габриэль слегка посолил и поперчил их, уложил в глиняную форму и отправил в печь. Ему вдруг подумалось, что это, возможно, его последний обед. Что ж, он будет очень вкусным...

Рыба действительно удалась на славу. Эльза с удовольствием ела, смотрела на клены, лениво ронявшие листву на землю, и Габриэль думал, что если рай действительно существует, то он выглядит именно так: спокойное тихое место, любимый человек рядом, и никуда не надо спешить.

И он хотел бы остаться в этом раю навсегда. Лишь бы только это стало возможным.

Они вернулись в город поздно вечером. Габриэль проводил Эльзу до квартиры и, клятвенно пообещав, что отправится во дворец и сегодня не сделает ничего опасного для жизни, вышел на улицу, и, поймав экипаж, поехал в Пущу.

Для проведения обряда Магда выбрала именно это место. Можно было не бояться, что во время Прорыва кто-то пострадает. Людей здесь не было, а животные — ну стоит ли переживать за какого-нибудь зайца?

Шагая по тропинке среди темных стволов, Габриэль отстраненно думал о том, что ночью в лесу страшно. Вот что-то заскрипело — кто-то прошел на цыпочках по опавшей листве, дотронулся до сосны и перебежал дорогу перед Габриэлем. Вот по вершинам деревьев мазнуло ветром, и лес наполнился тоскливым шелестом. Казалось, что кто-то неслышно шагает за Габриэлем, прячась за деревьями и бурвя его спину неприятным пристальным взглядом.

Габриэлю было все равно. Он прекрасно знал, что самое страшное существо в этом лесу — Привратник Смерти.

Интересно, где сейчас те олени, которых они кормили с Эльзой? Должно быть, спят где-нибудь, прижавшись друг к другу теплыми мягкими боками... Габриэль вдруг задумался о том, что если все пройдет так, как планируется, у них с Эльзой могут родиться дети. Это была странная, непривычная мысль. Габриэль никогда не думал о детях, о том, чтоб

как-то продолжить себя — да и как верный слуга Смерти сможет дать кому-то жизнь?

А теперь это вдруг стало возможно — пусть до возможности еще надо было добраться.

Среди деревьев мелькнули красные огни. Магда приехала к месту проведения обряда намного раньше: ей следовало подготовиться. «Интересно, почему она все-таки взялась мне помогать?» — подумал Габриэль, выходя на большую поляну, где Магда уже очертила огненный круг, который должен был удерживать Прорыв и не дать ему вырваться за пределы.

Габриэль почти не верил в чужую душевную доброту. У Магды наверняка был собственный план, в котором Габриэль был лишь фигуркой на шахматной доске. И это ему не нравилось. Он предпочитал знать, как будут развиваться события, и какая именно роль отведена ему на самом деле. Но вряд ли Магда сказала бы об этом.

Она стояла возле деревьев, облаченная в свое привычное одеяние всех оттенков алого. В сумраке было ясно видно, как на белой полумаске, которую Магда все-таки надела, проступают золотые очертания хризантем. Магда смотрела на огонь, держа в руках артефакт — шар из металлических полос, в центре которого горело белое пламя. Когда придет время, артефакт вспыхнет, и Прорыв откроется.

Тогда Габриэлю надо будет просто войти в него и либо умереть, наконец-то соединившись со смертью, либо ожить в мире живых.

Он вдруг подумал, что навсегда может остаться на нарциссовом поле под багровым небом. Если раньше эта мысль внушала ему определенное спокойствие, то теперь в ней был только ужас.

— Я пришел! — сказал он, стараясь, чтоб голос не выдавал медленно нарастающее волнение. Помахал Магде. Она улыбнулась и, присев на корточки, опустила артефакт на порыжевшую осеннюю траву и легонько толкнула его вперед. Металлический шар с легким шелестом вкатился в круг и, добравшись до центра, разбросал в стороны свои сверкающие полоски, выпустив белую огненную сердцевину.

— Доброй ночи, Габриэль, — улыбнулась Магда. — Ну что, ты готов?

Габриэль кивнул, мельком подумав, что к таким вещам никогда не будешь готов по-настоящему. Им просто надо наступить и пройти.

— Тогда нам осталось дождаться полуночи, — сказала Магда и, опустившись на землю, сцепила пальцы на коленях. Габриэль сел рядом и в очередной раз подумал, что она очень красива. Редкостная, идеальная красота, до которой так никто и не осмелится дотронуться.

— Два Привратника Смерти должны помочь друг другу, — сказала Магда. Отблески огня лежали на ее лице медовыми мазками. — Я помогу тебе открыть Прорыв. А ты поможешь мне сделать то, что суждено.

Габриэль вопросительно поднял левую бровь. Он действительно не понял, о чем идет речь.

— Суждено? — переспросил он. — Что же именно суждено?

Улыбка скользнула по губам Магды и растаяла, словно она не хотела говорить.

— Я тебе говорила, что мой брат несчастный человек? — сказала она и нехотя добавила: — Тогда в Прорыв должен был попасть он, а не я.

Габриэль нахмурился.

— Когда это случилось? — спросил он.

По макушкам деревьев снова пробежал ветер. Пушу окутало таинственной непроницаемой тишиной, и на миг Габриэлю показалось, что они с Магдой уже попали в другой мир.

— Пятнадцать лет назад, — сказала Магда.

Габриэлю почудилось, что кто-то невидимый опустил на его плечо ледяную руку. Возможно, пламенный революционер Бен потому и подался к бунтарям и подполью — Смерть, которая упустила Привратника, все равно тянула его к себе.

А ведь Бен вполне мог оказаться на его месте. И тогда Габриэль жил бы нормальной жизнью — пусть это была бы жизнь сироты, но все же он не стал бы орудием убийства.

— Я так понимаю, о том Прорыве мало кто знает, — произнес Габриэль. Магда кивнула.

— Это случилось в маленьком поселке, где мы проводили лето. Пять домов. Сейчас его уже нет.

Некоторое время они молчали, а затем Габриэль поинтересовался:

— Твой брат знает, что ты собираешься сделать?

Магда кивнула и указала в ту сторону, откуда пришел Габриэль. Он посмотрел на темные колонны деревьев и увидел, как на поляну выходят два человека.

Бен держал за руку Эльзу. И этого Габриэль не ожидал.

Когда Эльза вышла на поляну с огненным кругом, в центре которого медленно вращалась звезда артефакта, то на какой-то миг ей стало все понятно.

Габриэль принял решение, он не отступится, и Эльза его потеряет. Другого пути не было.

...Бен приехал к ней как раз тогда, когда Эльза собиралась ложиться спать. Воспоминания о тихом осеннем дне, проведенном с Габриэлем за городом, наполняли душу таким теплом, что оно просто не могло уместиться в груди. Оно рвалось на свободу, и, стоя в спальне возле зеркала и расчесывая волосы, Эльза вдруг пропела:

— Горели звезды, благоухала ночь...

Она забыла эту арию — а когда-то давно отец пел ее маме, и у мамы лицо становилось удивительно нежным и растерянным, словно на ее глазах вершилось чудо, которое можно было спугнуть неловким движением или неожиданным словом.

А вот теперь музыка вернулась. Габриэль смог-таки пробудить в Эльзе то, что она считала давным-давно погибшим. Он воскресил ее для новой жизни и счастья.

О сладкие воспоминанья!

Где же вы, ласки,

Объятыя, страстные лобзанья!..

Как лёгкий дым, так быстро всё исчезло...

Эльза не сразу поняла, что поет — а потом, осознав, что музыка снова с ней, что она вновь проникла в ее сердце, села на кровать и какое-то время не могла понять, где она, и что происходит.

Так ее и обнаружил Бен.

И сейчас, выйдя с ним из-за деревьев, Эльза увидела Габриэля и вспомнила, как заканчивалась эта ария.

Но никогда я так не жаждал жизни!

Эльза не запомнила, как добежала до Габриэля, умудрившись ни за что не зацепиться в этом огненном сумраке. Она внезапно обнаружила, что обнимает его и повторяет только одно:

— Нет, Габриэль. Нет.

Габриэль осторожно отстранил Эльзу от себя так, словно боялся поранить, и спросил:

— Что ты тут делаешь?

— Это я велела привести ее, — подала голос Магда. Эльза увидела ее только тогда, когда она заговорила: девушка вспыхнула за спиной Габриэля алым цветком. Габриэль обернулся, и Эльза поняла, что он с трудом сдерживает гнев.

— И зачем? — спросил он. Магда улыбнулась.

— Потому что тот, кто любит, должен разделять участь того, кого любит. Бен! — окликнула она брата, который неслышно подошел к ним. — Ты ведь любишь эту девушку?

Эльза обернулась и посмотрела на Бена с такой мольбой, что он нахмурился. «Нет! — кричала она в душе. — Нет, не люби, не люби меня!»

— Да, — серьезно и спокойно ответил Бен. — Да, я ее люблю, Магда, и ты об этом знаешь. Все об этом знают. Но я... — он запнулся, словно то, что он говорил, причиняло ему невыносимую боль. — Я принимаю ее выбор. И готов сделать все, чтоб Эльза была счастлива.

— Даже принять свою судьбу? — спросила Магда. Голос пророчицы звучал так, будто она говорила не с братом, а с неизвестным невидимым собеседником, который держал в руках всех, кто собрался на поляне.

— Даже это, — кивнул Бен.

Артефакт затрещал и расцвел над поляной ослепительным белым цветком. По траве прошла волна тугого душного ветра, который принес приторно-сладкий цветочный аромат с нотками горечи — где-то под багровым небом пылала земля. Эльза вцепилась в руку Габриэля, последним отчаянным усилием пытаясь удержать его, не дать ему уйти — но ее пальцы соскользнули с чужого запястья.

Ветер усиливался. Он бежал по кругу, срывая листья с деревьев и ломая ветки. Где-то в глубине Пущи испуганно закричало какое-то животное и бросилось бежать сквозь чащу, подальше от наступающей смерти. Над головами захолопало, заголосило, закаркало — над Пущей летела огромная стая птиц, стремясь как можно скорее убраться отсюда подальше. В воздухе повисла золотистая дымка магической пыли — врата между миром людей и духов открывались, и все живое стремилось сбежать, скрыться, спастись до того, как колдовское золото проникнет в легкие.

Должно быть, мать-олениха и оленията тоже бежали прочь.

— Габриэль... — прошептала Эльза, понимая, что сейчас, в эту минуту, теряет его навсегда и никак не может этого изменить. — Габриэль, пожалуйста...

Огни, которые создавали круг на поляне, взревели, взмыв к низким багровым небесам столбы пламени. Что-то влажно затрещало, и запах гари стал невыносимым.

— Идите! — прокричала Магда. — Бен, Габриэль! Вы должны войти в круг!

Ветер хлестнул ее по лицу, и Магда замолчала. Белая скорлупа маски слетела в траву, горячий вихрь тотчас же подхватил ее и зашвырнул в центр круга, туда, где уже открывался Прорыв. Земля задрожала, трескаясь и выпуская громадный светло-синий луч, пронзивший небо. В блеклой синеве бурлило дымное варево из шипастых хвостов, многосуставчатых лап и тысяч золотых глаз.

Эльза прикусила губу и застыла на месте. Не двигаться, не говорить, не привлекать к себе внимания — эти слова все знают наизусть, потому что Прорыв может открыться в любом месте и в любое время. Но Бен и Габриэль шагнули в круг, рухнув в сияние, и какое-то время Эльза видела лишь их силуэты — тонкие, почти прозрачные, словно вырезанные из бумаги.

Потом не стало и их. Свет бил и бил в небеса, Магда стояла на коленях, сцепив руки в молитвенном жесте, и Эльза тоже молилась — но без слов.

Но никогда я так не жаждал жизни...

Габриэля окружала тьма. Тьма и ничего больше.

Он закрыл глаза, открыл и закрыл снова. Тьма, в которой Габриэль неожиданно остро ощутил свою беспомощность. Он попытался окликнуть Бена, который впрыгнул в Прорыв вместе с ним, но звук его голоса иссяк, сорвавшись с губ.

Пахло чем-то горелым — из-за этой гари проступали приторно-сладкие нотки. Габриэль уловил их еще в лесу.

Он снова попробовал закричать — и не смог.

Зато пришли воспоминания. Кто-то невидимый дотронулся до парящего во тьме Габриэля, и картины прошлого всплыли в его памяти.

Вот он с родителями — все торопливо садятся в экипаж, чтоб успеть вернуться домой до грозы. Горизонт наливается тьмой, которую то и дело распарывают белые ветви молний, в городе тяжело и душно, и мама говорит: ох, не нравится мне все это. А потом ее рука обнимает Габриэля, кругом плавают запах крови и гари, и Габриэль с неожиданной четкостью осознает, что все кончено. Жизнь утекает из маминой руки, которая закрывает его от тьмы.

А вот ему уже десять — Габриэль, угрюмый и взъерошенный, сидит возле фонтана в дворцовом парке, и Арканжело — тощий, нескладный, долговязый, ведь и не скажешь, что принц — говорит ему: никто не будет с тобой водиться, Габи. Ты Привратник Смерти, а мы люди. Понял? Габриэль все прекрасно понимал, ему не надо было повторять дважды, вот только от такого понимания ему становилось очень горько и одиноко.

А вот лопата врезается в черный жирный грунт. В оранжерее темно, однако Габриэлю вполне хватает света, чтоб высадить луковицы нарциссов. Там, внизу, во мраке, спит Анастаси, и ее сон будет вечным.

А вот и Эльза — он только что приказал ей раздеться. У нее ошарашенное, несчастное лицо, которое сперва стало пунцовым от стыда, а потом побелело от страха и отвращения. Габриэль привык, что на Привратника Смерти смотрят именно так, с отвращением и страхом, но почему-то лицо этой девушки и ее взгляд задевают его глубже, чем он мог бы ожидать.

Эльза спешила через ночной лес, а потом обняла его так отчаянно и крепко, словно пыталась удержать и понимала, что не сможет этого сделать. Габриэль подумал, что обязательно вернется. Что выплывет из этого мрака только ради того, чтобы еще раз посмотреть на Эльзу.

Тьма брызнула мелким смехом, словно невидимого, который копался в воспоминаниях Габриэля, очень рассмешило это желание. И Габриэль впервые за все время во мраке почувствовал какую-то опору. Теперь он стоял на неровной земле, и тьма постепенно отступала, наливаясь зловещим багровым свечением.

— Так вот, значит, какой этот мир...

Бен стоял чуть поодаль, и сломанные стебли нарциссов под его ботинками казались копытами поверженного воинства. Некоторое время Габриэль смотрел по сторонам и не мог ни пошевелиться, ни что-то сказать. Нарциссовое поле из его снов было настоящим, и Габриэль никак не мог в это поверить. Что-то в его душе дрожало и звенело, словно силилось вырваться наружу и остаться здесь навсегда.

— Это мой мир, — смог, наконец, сказать Габриэль. — Я часто видел... вижу его во сне.

Бен окинул взглядом нарциссовое поле и покачал головой.

— Да уж. Не хотел бы я носить такое в себе.

— Я тоже не хочу, — признался Габриэль. — Я пришел сюда ради Эльзы, чтоб избавиться от всего этого...

Он обвел рукой нарциссовое поле, и цветы качнули колокольцами. Габриэлю показалось, что над нарциссами прокатился дружный вздох.

— Ради Эльзы... — повторил Бен и снова огляделся. Габриэлю показалось, что цветы тянутся к нему, будто хотят, чтоб Бен дотронулся до них.

— Да, — с прежней твердостью сказал Габриэль. — Я хочу вернуть в этот мир то, что когда-то стало моей сутью. И жить дальше обычной человеческой жизнью с любимой женщиной.

Простые слова вдруг показались ему единственно правильными. И мир под багровым небом почувствовал эту правоту, потому что земля дрогнула у Габриэля под ногами, и он почувствовал, как в груди начинает печь.

На какой-то миг он перестал дышать — настолько резкой и жгучей стала боль. «Все не так, — подумал Габриэль, глядя на идущего к нему Бена. — Все совсем не так. Я не оставлю здесь то, что делает меня Привратником Смерти. И не передам свою суть Бену. Я просто умру».

Почему-то сейчас, когда смерть была совсем рядом, Габриэлю не было страшно. Цветы вдруг исчезли, и он увидел небо. Низкие багровые тучи разошлись, выпуская сонную синеву, и Габриэль понял, что падает. Бен успел его подхватить, и Габриэль краем глаза заметил его встревоженное лицо — но это уже не имело значения.

Он видел только небо.

Тучи уходили, освобождая насыщенную синюю чистоту. Боль в груди помрачала взгляд и останавливала дыхание, но Габриэль все смотрел и смотрел. Он знал, что Бен рядом, и Бену тоже больно — но это знание никак не влияло на него и ничего не давало. Главным все равно было небо — и Габриэль понимал, что видит его только потому, что Бен тоже сделал очень важный выбор.

Небо становилось выше и выше. Вот уже и следа не осталось от туч, и запах нарциссов отступил, растаяв в сверкающей свежести утра. В страну чудовищ пришел новый день.

Это было настолько правильно и честно, что Габриэль наконец-то вздохнул с облегчением и закрыл глаза.

Он умер, отчаянно стучало в висках у Эльзы, он умер, умер.

Прорыв захлопнулся неожиданно: вроде бы только что в небо бил столб яркого света, наполненный извивающимися существами настолько уродливого вида, что Эльза с трудом сдерживала тошноту — и вдруг ничего не стало. Послышался легкий хлопок — и синева исчезла вместе с наполнявшими ее демонами, оставив два человеческих тела на выжженной траве.

Габриэль лежал на спине, глядя в ночное небо, усыпанное крупными гроздьями созвездий. Эльза упала на колени рядом с ним, принялась хлопать по щекам, пытаясь привести его в чувство, но в широко раскрытых глазах Габриэля не было ничего, кроме таинственной синевы, словно в них отражалось чужое, недостижимое небо.

Где-то совсем рядом Магда обнимала брата, что-то негромко говорила ему на ухо — Эльза видела их и одновременно не видела. Огненный круг постепенно угасал, разбрасывая по ветру последние лепестки пламени, осенняя ночь вступала в свои права, и Эльза с невероятной отчетливой горечью понимала, что все закончилось.

Они больше не будут кормить оленей и запекать рыбу в тесте. Они больше никогда и ничего не смогут сделать. Все кончено.

Быстро расстегивая рубашку Габриэля, Эльза видела, как трясутся ее пальцы. К рукаву прилип лепесток нарцисса, удивительно свежий и какой-то неестественный среди осени — Эльза брезгливо отбросила его в сторону, словно отвратительное насекомое. Тело Габриэля было ледяным, и Эльза, опустив ладони ему на грудь, на мгновение испугалась, что не справится.

Наставница Шуази, которая учила Эльзу массажу, говорила: старые мастера знали

способ возвращать мертвых к жизни. Нужно положить руки на грудь и несколько раз надавить, представляя, что через твои ладони идет сила, способная вернуть того, кто ушел.

Она говорила: в руках мастера скрыто величайшее могущество — но то, что больше и важнее, находится не в руках, а в сердце. И когда Эльза спросила, что же на самом деле важнее силы мастера, то наставница Шуази ответила: любовь, конечно. Это самое главное, это то, что нельзя недооценивать.

Эльза закрыла глаза. Представила, как по плечам проходит теплая волна и, наполняясь золотом, согревает руки и стекает к ладоням. Подумала, что если она выбрала Габриэля не сердцем, а разумом, то у нее вряд ли что-то получится — и прогнала эту мысль.

Чужое сердце, окованное толстым слоем льда, едва слышно стучало в глубине, под ее ладонями.

— Помнишь, как мы кормили оленей? — спросила Эльза, не чувствуя, что по ее щекам медленно сбегают слезы. — Тогда я думала, что мы просто пришли на пикник. А тут эти олени... Я никогда их не забуду.

Несколько мгновений она молчала, чувствуя, как золотое тепло вытекает из ее ладоней и проникает под холодную кожу Габриэля, растапливая сковавший его лед.

— Тогда я поняла, что люблю тебя.

Это признание породил не страх, не постоянное чувство опасности — оно сорвалось с губ Эльзы и упало в осеннюю ночь. И теперь, когда кругом была лишь тьма, в которой Габриэль стоял на краю жизни и готов был сорваться вниз, все наконец-то сложилось так, как и должно быть.

— Я тебя люблю, — прошептала Эльза. — Возвращайся.

Огонь, наполнявший ее руки, иссяк — Эльза отдала все, что могла отдать. Габриэль вздрогнул всем телом и вдруг резко сел и растерянно посмотрел по сторонам, словно никак не мог понять, где находится, и что с ним происходит.

— Эльза, — позвал он и, когда Эльза схватила его за руку, сказал: — Там было небо. Ты здесь?

— Да. Да, Габриэль, я здесь. Вы вернулись, все хорошо, — Эльза помогла Габриэлю подняться на ноги, и он, слепо глядя на угасающие огни круга, спросил:

— Который час?

— Четверть первого, — откликнулась Магда. Бен уже стоял с ней рядом, и что-то в его облике показалось Эльзе неправильным.

— Значит, мы там пробыли совсем недолго, — глухо откликнулся Габриэль и резко тряхнул головой, словно пытался сбросить с себя наваждение. Его рука дотронулась до плеча Эльзы, а потом Габриэль крепко прижал ее к себе и негромко сказал: — Неужели у нас получилось...

— Получилось, — всхлипнула Эльза. Колокольчик тревоги в ее груди молчал, словно ему вырвали язык — потому что ей больше нечего было бояться. Габриэль теперь не был Привратником Смерти, он оставил свою суть в мире духов. Но тогда...

Эльза поняла, что именно в облике Бена показалось ей неправильным. Она обернулась: Бен, удивительно спокойный и какой-то отстраненный, по-прежнему стоял рядом с сестрой, и Магда гладила его по седой голове с таким трепетом и горечью, что у Эльзы сжалось сердце.

— Значит, он стал Привратником Смерти... — негромко сказала Эльза. — Он забрал у тебя то, что тебе дал другой мир...

— Совершенно верно, — ответил Бен, и его лицо дрогнуло, словно он хотел улыбнуться, но не понимал, как это сделать. Прежде добрый и открытый, теперь его взгляд стал

темным и усталым — Эльза будто заглянула в колодец с ледяной осенней водой.

А Габриэль вдруг рассмеялся — легко и очень свободно, наконец, обретя то, что утратил пятнадцать лет назад. И Бен, и Магда посмотрели на него с совершенно одинаковыми выражениями.

— Я научу вас вашей новой работе, Бен, — довольно сообщил Габриэль. — Нынешний королевский палач нашел преемника и уходит в отставку.

— Так зачем все-таки Магде понадобился еще один Привратник Смерти?

После входа в Прорыв прошло три дня, и за это время жизнь Габриэля изменилась окончательно. Иногда он ловил себя на том, что ему стало легче дышать.

Его величество, конечно, не обрадовался тому, что племянник уходит в отставку, а место королевского палача займет новый Привратник Смерти. Король бродил по кабинету, повторяя, что это неслыханно, что раньше такого не бывало, в общем, говорил вполне предсказуемые вещи, которые Габриэль готов был услышать.

— Я подготовлю нового палача, ваше величество, — произнес он со всем возможным почтением, когда государь все-таки сделал паузу. — Господин ауф Перес был избран Смертью очень давно, однако его самопожертвование и желание спасти сестру в определенном смысле отодвинуло его становление в качестве Привратника. Сейчас мы просто завершили то, что было начато много лет назад.

Некоторое время король угрюмо смотрел то на Габриэля, то на Бена, а затем произнес:

— Дьявольщина, я действительно не знаю, что мне сейчас делать.

— Дать мне свободу, ваше величество, — улыбнулся Габриэль. — И пересмотреть Уложение о наказаниях. Все-таки наш мир не должен жить по законам прошлых веков.

Глаза короля неприятно сверкнули.

— Это говорит палач?

Габриэль снова улыбнулся.

— Просто палач знает об этом лучше всех, ваше величество, — сказал он.

Потом они с Беном пришли в Красные комнаты, и теперь их привычная тишина и спокойствие показались Габриэлю чужеродными — он словно бы впервые увидел это место глазами тех, кто входил сюда под конвоем. А вот Бен не чувствовал ни малейшего неудобства — он словно вернулся домой, и Габриэль понял, что Смерть ведет нового Привратника так, как считает нужным.

— Все-таки два Привратника Смерти в одной семье — это многовато, как по мне, — заметил Габриэль, неторопливо собирая свои акварели. Им теперь самое место в мусорном ящике. Бен опустил в одно из кресел и, с любопытством рассматривая металлические завитушки на каминной решетке, ответил:

— Станный у тебя подход. Ты, похоже, не допускаешь, что люди могут желать добра другим. Просто так, не из выгоды.

Габриэль обернулся к Бену, высоко заломив левую бровь: он и правда был удивлен.

— И в чем добро? — поинтересовался он. Бен улыбнулся.

— В том, что моя сестра творит чудеса и исцеляет больных. А со временем мы вообще закроем Смерти дорогу. Мир изменится, ему не понадобятся палачи. Ты и сам это понимаешь.

Габриэль понимал. Уложение о наказаниях и казнях было принято семь веков назад, и все прекрасно знали, что оно устарело. В мире, в котором летают дирижабли, ездят поезда, а врачи пересаживают органы от одного пациента к другому, не было места для

снятия кожи с преступников.

А Бен несколько не изменился, став Привратником Смерти. Такой же пламенный революционер. Похоже, короля крепко возьмут в оборот: Бен говорил уверенно и красиво и умел убеждать.

— Почему же она не исцелила сама себя? — спросил Габриэль.

— Потому что предпочла тратить силы на спасение других, — спокойно ответил Бен, и Габриэль подумал, что ему уже не раз задавали этот вопрос. — Если смотреть на мир через кривое стекло, то все будет выглядеть подозрительным. Я понимаю.

Некоторое время они молчали, затем Бен произнес:

— Тебе будут говорить, что ты поступил очень ловко. Избавился от конкурента так, что не подкопаться.

Габриэль усмехнулся.

— Ты мне не конкурент, будем откровенны. И никогда им не был. У нас с Эльзой всегда все было хорошо.

В прежние времена он наверняка почувствовал бы что-то вроде злости или досады — но сейчас Габриэлю было все равно. Он и сам не знал, почему.

— Особенно хорошо было в тот момент, когда ты ее шантажировал и когда манипулировал ею, — улыбнулся Бен. — Впрочем, теперь это уже не имеет значения.

— Пожалуй, да, — согласился Габриэль, признавая определенную правоту Бена. Те, кто видел мир искаженным, никогда не поверят в добро и будут искать подвох там, где есть только свет. Такова человеческая природа, и ничего тут не поделаешь. — Теперь мы просто будем жить дальше, и каждый получит свое. Я — жизнь с любимой женщиной, а ты — судьбу, которая ждала тебя с самого начала.

Бен вновь одарил его улыбкой и протянул руку. Габриэль пожал ее и вдруг подумал, что теперь Бен точно сойдется с Верой. Почему-то сейчас он был уверен в этом. Вера будет искренне любить и жалеть этого бывшего революционера — а Привратнику Смерти нужны и любовь, и сочувствие.

— Что ж... давай я все тебе расскажу, — произнес он и указал на двери. — Прямо по коридору — лаборатория, два первых кабинета — с оружием...

— Все-таки два Привратника Смерти в одной семье — это многовато, как по мне, — заметил Габриэль, неторопливо собирая свои акварели. Им теперь самое место в мусорном ящике. Бен опустил в одно из кресел и, с любопытством рассматривая металлические завитушки на каминной решетке, ответил:

— Странный у тебя подход. Ты, похоже, не допускаешь, что люди могут желать добра другим. Просто так, не из выгоды.

Габриэль обернулся к Бену, высоко заломив левую бровь: он и правда был удивлен.

— И в чем добро? — поинтересовался он. Бен улыбнулся.

— В том, что моя сестра творит чудеса и исцеляет больных. А со временем мы вообще закроем Смерти дорогу. Мир изменится, ему не понадобятся палачи. Ты и сам это понимаешь.

Габриэль понимал. Уложение о наказаниях и казнях было принято семь веков назад, и все прекрасно знали, что оно устарело. В мире, в котором летают дирижабли, ездят поезда, а врачи пересаживают органы от одного пациента к другому, не было места для снятия кожи с преступников.

А Бен несколько не изменился, став Привратником Смерти. Такой же пламенный революционер. Похоже, короля крепко возьмут в оборот: Бен говорил уверенно и красиво и умел убеждать.

— Почему же она не исцелила сама себя? — спросил Габриэль.

— Потому что предпочла тратить силы на спасение других, — спокойно ответил Бен, и Габриэль подумал, что ему уже не раз задавали этот вопрос. — Если смотреть на мир через кривое стекло, то все будет выглядеть подозрительным. Я понимаю.

Некоторое время они молчали, затем Бен произнес:

— Тебе будут говорить, что ты поступил очень ловко. Избавился от конкурента так, что не подкопаться.

Габриэль усмехнулся.

— Ты мне не конкурент, будем откровенны. И никогда им не был. У нас с Эльзой всегда все было хорошо.

В прежние времена он наверняка почувствовал бы что-то вроде злости или досады — но сейчас Габриэлю было все равно. Он и сам не знал, почему.

— Особенно хорошо было в тот момент, когда ты ее шантажировал и когда манипулировал ею, — улыбнулся Бен. — Впрочем, теперь это уже не имеет значения.

— Пожалуй, да, — согласился Габриэль, признавая определенную правоту Бена. Те, кто видел мир искаженным, никогда не поверят в добро и будут искать подвох там, где есть только свет. Такова человеческая природа, и ничего тут не поделаешь. — Теперь мы просто будем жить дальше, и каждый получит свое. Я — жизнь с любимой женщиной, а ты — судьбу, которая ждала тебя с самого начала.

Бен вновь одарил его улыбкой и протянул руку. Габриэль пожал ее и вдруг подумал, что теперь Бен точно сойдется с Верой. Почему-то сейчас он был уверен в этом. Вера будет искренне любить и жалеть этого бывшего революционера — а Привратнику Смерти нужны и любовь, и сочувствие.

— Что ж... давай я все тебе расскажу, — произнес он и указал на двери. — Прямо по коридору — лаборатория, два первых кабинета — с оружием...

Должно быть, это был последний теплый осенний день. Впереди были долгие дожди, ветра и снег — сперва мелкий и робкий, а потом уверенный и наглый, который окутает столицу пуховым одеялом. А дальше будет сон до весны.

— Все должно быть по правилам, — Августа и госпожа Пикклби приехали первыми. Габриэль смотрел на покрасневшее лицо кузины и думал, что она, должно быть, полагает, что попала на страницы любовного романа. — Чтоб девушка была принцессой! Это же самый главный день!

Компаньонка согласно качала головой. Обе косились на Габриэля с неудовольствием — он не хотел устраивать какого-то грандиозного торжества. Эльза и он, вот и все. Это, в конце концов, дело, которое касается только их.

Сперва узнала Вера и восприняла эту новость довольно спокойно. В ее кругу заключение брака считалось чем-то мещанским и пошлым. Но потом известие дошло до Августы, и юная принцесса взвилась до неба. Это не по-человечески, так быть не должно, вы как собаки под кустом! Ее величество поддержала дочурку, и такого напора Габриэль уже не выдержал.

Эльза, которая вполне разделяла его желание обвенчаться просто и без пафоса, в той церкви святого Брутуса, которая была неподалеку от ее дома, решила, что с семьей Габриэля лучше не спорить.

В конце концов, они заслужили праздник.

Гостей было немного. Королевская семья, брат и сестра ауф Пересы и старый друг Жан-Жак в качестве шафера жениха. По старой традиции венчание устроили в дворцовом саду — стоя возле старинного каменного алтаря, заросшего травой, Габриэль вспомнил, что ему рассказывали о свадьбе его родителей. Они тоже поженились осенью, на этом же месте, и сейчас, глядя, как помощники священника готовят древний алтарь к

торжеству, Габриэль чувствовал какое-то светлое и очень человеческое чувство, отдаленно похожее на тихую печаль.

Он был уверен, что в этот раз его семейная жизнь будет именно той, о которой ему всегда мечталось. Он знал это.

Герцогиня Агата, которая горделиво прошла среди расставленных скамеек и села во втором ряду рядом с ауф Пересами, негромко спросила у Бена:

— Значит, это ты теперь кнутобойствуешь?

Губы Бена дрогнули в уважительной улыбке.

— Я полагаю, до этого не дойдет, — ответил он. — Но вы всегда можете ко мне обратиться, если вам понадобится кого-то проучить.

Герцогиня рассмеялась.

— Ну, дружок, думаю, мы поладим. Манжуйскую водку пьешь?

— Только ром, — ответил Бен, и герцогиня одобрительно прикрыла глаза.

— Славно, славно. Заходи на стаканчик. Так за что тебя хотели взорвать твои приятели?

— Им не нравилось, что я против насилия и террора, — равнодушно ответил Бен. Габриэль, сидевший с Жан-Жаком чуть поодаль, криво ухмыльнулся: артефактор уловил его усмешку и понимающе кивнул.

Протестуешь против насилия и в итоге становишься Привратником Смерти — в этом есть какая-то изощренная шутка. Но это именно то, что может изменить мир. И Привратники Смерти никогда и никому не понадобятся — потому что не надо будет казнить и запугивать.

Габриэль покосился в сторону королевской четы, идущей по проходу к своим местам в первом ряду. У ее величества был на удивление радостный и беззаботный вид, словно она вдруг стала той юной тоненькой девушкой, которую Габриэль когда-то давным-давно увидел на одном из портретов в дворцовой галерее. Король выглядел довольным и спокойным — Габриэль с теплом подумал, что дядя и тетя действительно его любят. И Эльза им по-настоящему нравится.

— Невеста запаздывает, — заметил государь, щелкнув крышкой часов. Ее величество лишь улыбнулась.

— Так положено, дорогой. С ней Вера, они не задержатся очень уж надолго.

Король только крикнул, усаживаясь поудобнее.

— Ты-то в свое время не опоздала, — заметил он и, повернувшись к Габриэлю, сказал: — Вот здесь мы и венчались, на этом самом месте.

«А ведь однажды и я так скажу, — вдруг понял Габриэль. — Когда наш сын будет жениться, я скажу ему, что на этом самом месте взял в жены его мать. И мы были счастливы с тех пор и навсегда».

Теперь это действительно могло случиться.

Он вспомнил книгу, которую читал вчера вечером — ее прислала Магда. Старинный труд о Привратниках Смерти теперь казался просто страшной сказкой. Да, у Габриэля были особые отношения со смертью, он хранил в себе часть того мира, в котором она бродит по нарциссовым полям — и как же он был счастлив от того, что теперь это не имело к нему никакого отношения!

Жан-Жак толкнул Габриэля, и тот, обернувшись к деревьям, увидел Эльзу и Веру, которые шли к месту церемонии.

Все поднялись, приветствуя невесту.

Габриэль смотрел и не мог оторвать глаз. Белое платье, подхваченное пояском под грудью, по южной моде, бриллиантовые звезды в волосах, букет нежно-розовых камелий в тонких пальцах — Эльза сейчас была похожа не на человека, а на фею. И она смотрела на Габриэля и улыбалась настолько светлой и теплой улыбкой, что Габриэлю показалось, что он вот-вот перестанет дышать.

Они прошли вдвоем долгий и тяжелый путь.

Они заслужили счастье.

— Привет, — негромко сказал Габриэль, когда Эльза подошла и встала рядом, взяв его за руку. — Волнуешься?

Священник, который подошел к алтарю, открыл старинное Писание в темно-красном переплете. Эльза кивнула и сильнее сжала руку Габриэля. На ее щеках проступил румянец, сделавший девушку невероятно трогательной и нежной.

— Возлюбленные чада мои...

Уже потом, когда церемония завершилась, а гости осыпали Габриэля и Эльзу лепестками роз, то Габриэлю подумалось, что он никогда не забудет этот день. Праздник, который навсегда останется с ним, что бы ни случилось. Эльза, которая пристально всматривалась в его лицо, вдруг спросила:

— Все в порядке?

Габриэль улыбнулся.

— В полном, — ответил он и, указав на ее букет, добавил: — Теперь буду заниматься камелиями. Выведу сорт и назову в твою честь. Красивый цветок.